

И 289
27826

ИССЛЕДОВАНИЕ
БУРЯТСКИХ
И РУССКИХ
Г О В О Р О В

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ИССЛЕДОВАНИЕ
БУРЯТСКИХ И РУССКИХ
ГОВОРОВ

27826.
ac
1987
1985

Библиотека Карлукского ИЦИФЭ

УЛАН-УДЭ 1977

Редакционная коллегия:

Ц. Б. Будаев, В. И. Комытова,
В. И. Рассадин, Ц. Б. Цыдендамбасв (отв. ред.)

ИССЛЕДОВАНИЕ БУРЯТСКИХ И РУССКИХ ГОВОРОВ

Бурятский институт общественных наук

Редактор ред.-изд.отдела Филиала С.С.Имхелова

Технический редактор Д.Ф.Батоцренова

Корректор Л.А.Адушеева

Подписано к печати 20/V1-77 г.

Формат бумаги 60x90 16. Объем усл.п.л. 13,75. Уч.-изд.л. 13,63.
Бум.офсетная. Тираж 1000. Ч-04499. Заказ ОК-159. Цена 2 р. 40 к.

Бурятский филиал СО АЧ СССР, г.Улан-Уде, ул.Фабричная, 6.

Арктутская областная типография № 1 Управления издательств, полиграфии
и книжной торговли,
г.Иркутск, ул.К.Маркса, 11.

НОВОЕ В РАБОТЕ ДИАЛЕКТОЛОГОВ БУРЯТИИ

Бурятская диалектология берет свое начало с монографии А. Д. Руднева "Хорибурятский говор", изданной еще до революции¹ и вплоть до конца 20-х годов остававшейся единственным исследованием в этой области.

В советское время изучение бурятских диалектов перестает быть частным делом ученых-одиночек и благодаря претворению в жизнь ленинской национальной политики КПСС переходит в ведение государственных научных учреждений. В конце 20-х годов Институт востоковедения АН СССР и Бурятский ученый комитет организуют поездку диалектологов в отдельные районы Бурятии, в результате которой в печати появилось несколько работ². Несмотря на трудности военных и непосредственно послевоенных лет, Бурятский научно-исследовательский институт стремился продолжить диалектологические исследования, и в 40-х годах были опубликованы статьи некоторых языковедов³.

¹ См.: А. Д. Руднев. Хорибурятский говор, вып. I. Опыт исследования. Пб., 1913-1914.

² См.: Г. Д. Саижеев. Фонетические особенности говора нижеудинских бурят. Л., Изд-во АН СССР, 1930; его же. Лингвистические наблюдения в Еравне и Хори. - "Зап. БМ НИИЯЛИ", вып. I. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1939, стр. 7-23; Т. А. Бертагаев. Западнобурятский диалект на материалах лексики. - В сб.: Академия наук СССР академику Н. Я. Марру. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1935, стр. 143-164; его же. Заметки лингвиста о хоринском говоре. - "Зап. БМ НИИЯЛИ при ЦИК БМАССР", № I. Улан-Удэ, 1936, стр. 5-21.

³ См.: Т. А. Бертагаев. Словарные расхождения бурятских диалектов. - "Зап. БМ НИИЯЛИ", вып. 5-6. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1941, стр. 191-202; К. М. Черемисов. Заметки по бурят-монгольскому языку. Несколько замечаний о тункинском диалекте. - "Зап. БМ НИИЯЛИ", вып. 3-4. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1941, стр. 121-143; его же. Заметки по бурят-монгольскому языку. О кабанском подговоре. - "Зап. БМ НИИЯЛИ", вып. 7. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1947, стр. 125-136; Д. А. Алексеев. Диалекты бурят-монгольского языка. - "Учен. зап. Ленингр. ун-та", 1949, № 98, серия востоковед. наук, вып. I, стр. 161-202.

Но этих работ было далеко не достаточно для получения представления о диалектном различии языка бурят. Стремясь как-то восполнить этот пробел, лингвисты не раз пытались составить список бурятских говоров¹, используя при этом весьма отрывочные, скудные и не всегда достоверные сведения, полученные ими из уст практических носителей языка.

С 50-х годов диалектологическая работа в Бурятии приняла систематический характер: ежегодно проводился экспедиционный сбор материалов, и к середине 60-х годов было закончено рекогносцировочное обследование территорий Бурятской АССР, Иркутской и Читинской областей; частой стала публикация статей, издано два специальных выпуска сборника "Исследование бурятских говоров"², в которых напечатаны сокращенные варианты семи кандидатских диссертаций и небольшой монографии в виде восьми диалектологических очерков и другие материалы. Прделанная за эти годы работа позволила значительно повысить уровень наших знаний о бурятских диалектах.

Так, в частности, если в середине 30-х годов закаменские буряты ошибочно относились к носителям селенгинского наречия, то во второй половине 50-х годов было установлено, что закаменцы — это бывшие тункинцы. Если раньше полагали, что так называемые северноселенгинские (или ближнеселенгинские) буряты говорят на самостоятельном говоре, к 1960 году стало известно, что они по своему языку во многом охорились. Вплоть до начала 60-х годов в числе бурятских говоров не значился говор так называемых хамниганов, то есть ононских бурят, язык которых оказался отличен от языка соседних с ними агинских бурят и сравнительно близок к языку селенгинских бурят. Можно было бы привести и другие уточнения, внесенные в разграничение бурятских говоров, но, думается, что в этом нет необходимости.

Итак, со времени завершения объезда территории этнографической Бурятии появилось основание считать, что в севернобурятском (или западнобурятском) наречии имеется 7 говоров: нижнеудинский, ала-

¹ См.: А. Орлов. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878, стр. УІ-УІІ; А. Д. Руднев. Хорибурятский говор, вып. 3. СПб., 1913-1914, стр. 124-125; В. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 7-8; Н. Н. Попов. Бурят-монгольское языкознание. Л., Изд-во АН СССР, 1933, стр. 18-19; Д. А. Алексеев. Указ. соч., стр. 161-202; Г. Д. Санжеев. Некоторые вопросы бурят-монгольского языкознания в свете трудов И. В. Сталина. — "Зап. ЁМ НИИЯ", вып. XI. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1951, стр. 112.

² "Исследование бурятских говоров", вып. I. Улан-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1965; вып. 2, 1968.

ро-унгинский, боханско-осинский, эхирит-булагатский, баргузинский, ольхоно-кударинский и тункино-закаменский; в восточнобурятском (или хорибурятском) наречии - 4 говора: собственно хоринский, агинский, тугнуйско-хилокский и ближнеселенгинский; в южнобурятском (или селенгинско-ононском) - 3 говора: сартульский, цонгольский и хамниганский.

К середине 60-х годов стали более или менее известными важнейшие особенности перечисленных говоров прежде всего в фонетике и морфологии, до определенного предела в лексике, а также был выявлен основной этнический состав носителей этих говоров. Это обстоятельство дало возможность сектору языкознания Бурятского института общественных наук, во-первых, составить программу-вопросник по атласированию бурятских говоров и, руководствуясь ею, начать планомерный сбор диалектологических материалов; во-вторых, приступить к выяснению происхождения и прошлых связей отдельных групп бурят с другими племенами и народностями, для чего более интенсивно изучается история бурятских родов и племен, а с 1972 года предпринимаются поездки в Калмыцкую АССР и Киргизскую ССР с целью выявления ойрат-монгольских элементов в составе бурят.

Материалы, почерпнутые из лингвистической и этнографической литературы по монгольским народам, и сведения, собранные во время экспедиционных поездок по Бурятии и Калмыкии, уже послужили основанием для объяснения некоторых особенностей языка части бурят.

Диалектологами-бурятоведами установлено, что в говорах нижеудинских и ононских бурят сохранился заднеязычный смычный сильный согласный **к**, тогда как этот звук как фонема отсутствует в других бурятских говорах, но имеется в языках калмыков, шире - ойрат-монголов. Такое совпадение, как нам кажется, сигнализирует о их былой общности, потому что основное этническое ядро нижеудинцев состоит из хорчинов-хойтов, в свое время входивших в состав ойратов; среди ононских же хамниганов есть токчины, урянхай, хачины и некоторые другие роды, которые встречаются среди калмыков.

В западнобурятском диалекте вспомогательный глагол бай- (с первоначальным значением "быть, находиться, стоять") сливается с соединительным деепричастием основного глагола: *һуужайна* вместо *һуужа байна* (сидит). В этом же диалекте, точнее - в говоре эхиритских бурят, вокализм слова при наличии в нем среднеязычного гласного **и** передвигается по месту своего образования вперед: не *мор'ин*, а *м'өрён* (лошадь). Эти явления в неменьшей степени присущи калмыцкому языку. Такие слова, как *годьон* (обувь), *турээ* (голенщик), *уьун* (молоко), *хуб'ирха* (выцветать) и т. п., весьма характерные для западнобурятского диалекта, оказываются идентичными калмыцким словам *госн* (госн), *турээ*, *усн* и *хуврх*.

Приведенные языковые соответствия вполне правомерны, т. к. по левобережью Ангары среди аларских хонгодоров и булагатов живут харануты, шарануты, зомоты, икинаты, быкоты и некоторые другие; по Верхней Лене и ее притокам, по северному и южному побережью Байкала среди эхиритов и булагатов проживают чоноевцы, харануты, абгануты, цегенуты, хайталы, торгуты и некоторые другие роды, которые по своему происхождению относятся к ойрат-монгольским или джунгарским этническим элементам.

Следующая группа языковых фактов свидетельствует о том, что бурятскому языку, в том числе прежде всего хорибурятскому диалекту, легшему в основу литературного языка бурят, свойственны так же, как и калмыцкому языку, употребление личных предикативных частиц и наличие неустойчивого н в именах существительных в именительном падеже. В этом отношении калмыцкий и бурятский языки отличны от собственно (или халха-) монгольского языка.

Такие слова, как айбала | ээвл (пугало), араата | араат (ли-ошца), усхэлдэр | өцкүдүр (вчера), халааһан | халаасн (заплата), ьэдэхэ | седх (намереваться), тайлха | тээлх (открывать) и т. п., оказываются одинаково употребительными как в хоринском диалекте, так и в языке ойрат-монголов, включая сюда калмыков и в их числе торгутов.

Общие моменты, наблюдаемые в языке хорибурят и ойрат-монголов, едва ли говорят об их этническом родстве. Во всяком случае, в составе хоринцев не удается обнаружить ойратские этнические элементы. Только среди калмыков встречаются шаряды, то есть хоринские шарайты; в свое время отмечалось, что в составе калмыков имеют место галзуты и гучиты. Сведение о наличии у калмыков именно этих наиболее ранних хоринских родов неслучайно.

Суть дела заключается в том, что хори-туматы после попытки сопротивления чингисовскому захвату в 1207 году были разгромлены войсками дербетского Дорбо-Докшина и переданы Чингисом во власть ойратского Худуха-беки¹. И хоринцы находились в политической зависимости от ойрат-монголов, по-видимому, до 30-х годов XVI века, то есть более чем триста лет. Вряд ли есть необходимость говорить, что такая продолжительная связь не могла не обусловить возникновение общих черт в языке обеих сторон.

Таковы интерпретации некоторых особенностей языка нижеудинцев и хамниганов, эхирит-булагатов и хонгодоров, а также хоринцев. Предложенное объяснение представляет собой попытку конкретного историко-сравнительного подхода к этноязыковым и историко-этническим фактам.

¹ См.: С. А. К о з и н. Этнос монгольских народов. Изд-во АН СССР, 1948, стр. 26.

Диалектологическая работа сектора языкознания Бурятского института общественных наук вот уже несколько лет как переросла национально-бурятские границы. Правда, делаются лишь первые шаги по изучению взаимосвязи бурят и монголов с сибирскими и другими тюрками. С этой целью в 1967 году Ц. Б. Цндендамбаевым, И. Д. Буряевым и В. И. Рассадиным впервые была предпринята поездка в Хакасскую автономную область.

-СЕВЕРНОСЕЛЕНГИНСКИЙ ГОВОР БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА
(ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНО-СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
МАТЕРИАЛОВ, СОБРАННЫХ ПО ПРОГРАММЕ
ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА)

В бурятоведческой литературе имеются лишь отдельные упоминания об описываемом нами говоре. Так, Д. А. Алексеев выделяет селенгинско-иволгинский диалект и отмечает такие его особенности, как чередование о и у: оюн и уян (вода); утрата конечного н основной имени: модо (дерево), хэрмэ (белка) и некоторые другие¹. Г. Д. Санжеев упоминает о "сакающем" селенгинском (или цонголо-сартульском) и "несакающем" селенгинском говорах².

В связи с выявлением дифференциальных групп слов Т. А. Бертагаев в работе "К исследованию лексики монгольских языков" обращает внимание на словарные расхождения между южноселенгинским и северноселенгинским говорами сравнительно с восточными и западными диалектами. Южноселенгинским он называет говоры цонголов и сартулов, а северноселенгинским - говор "селенгинских шестиродцев-оронгойцев". Т. А. Бертагаев отмечает, что северноселенгинский "говор фонетически и морфологически не так сильно отличается от остальных бурятских говоров, особенно от западных. Но лексически заметно противостоит им, как и все остальные восточные говоры"³.

Таким образом, говор северных селенгинцев не подвергался специальному исследованию, особенно со стороны фонетики и морфологии.

В данной работе делается попытка дать краткую характеристику

¹ См.: Д. А. Алексеев. О "территориальных" диалектах бурят-монгольского языка. - В сб.: Мат-лы науч. конф. по вопросам бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1955, стр. 83-84.

² См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I. М., 1953, стр. 42.

³ Т. А. Бертагаев. К исследованию лексики монгольских языков. Улан-Удэ, 1961, стр. 138.

фонетических, морфологических и лексических особенностей северно-селенгинского говора на основе материалов, собранных нами главным образом в последние годы по программе диалектологического атласа бурятского языка, и определить место рассматриваемого говора среди других диалектов бурятского языка.

В 1968 году во время научной командировки нами был собран некоторый фактический материал в ряде сел, где распространен изучаемый говор. В следующем году сектором языкознания Бурятского института общественных наук был специально организован Селенгинский отряд диалектологической экспедиции в составе Ц. Б. Будаева (начальник отряда) и Д. Г. Дамдинова, Н. Б. Дугарова, А. Н. Содномова, Б. Ж. Будаева, Ж. Д. Доржиевой, В. А. Халтаевой. Участниками экспедиции были получены ответы на все вопросы программы атласа в 10 населенных пунктах Селенгинского аймака Бурятской АССР: Удунга, Ташир, Шанан, Ехэ-Цаган, Тухум, Сутой, Бургастай, Тахой, Арбузово, Жергалантуй. По разделу программы "Общие сведения о населенном пункте и его жителях", по лексике и частично по фонетике были даны ответы в селе Цайдам Селенгинского аймака, а также в селах Оронгой, Харгана, Хурамша и Нижняя Иволга Улан-Удэнского аймака.

Прежде всего следует отметить, что жители сел Ташир, Удунга, Шанан, Ехэ-Цаган и Цайдам в языковом отношении очень близки к кяхтинско-селенгинским цонголам. Для речи жителей указанных сел характерны отсутствие фарингального звука h (вместо него всегда употребляется щелевой s) и наличие южнобурятских аффрикат дж, дз, ц, ч (наряду со звуками ц, ч иногда встречаются щелевые с, ш¹). Например: сара (месяц), сальти (ветер), осо (вода); джалга (лощина), джил (год), аджил (работа); дзасаг (власть), дзурхэ (сердце), эдзэн (хозяин); цаг || саг (время), цэрэг || сэрэг (войско), хацар || хасар (щека), чанга || шанга (сильный), чадал || шадал (сила), чудөр || шудөр (тренога). И в области морфологии имеется много сходного с говором цонголов — утрата конечного h в именительном падеже: мори (конь), хони (овца), ямаа (коза) вместо лит. морин, хонин, ямаан; наличие аффикса родительного падежа —ын: малын (скота), гарын (руки), ангын (зверя) вместо лит. малай, гарай, ангай; наличие аффикса исходного падежа —аас (по гармонии гласных) вместо лит. —аа: урдаас (с юга), хоэноос (с севера), гэрээс (из дома) вместо лит. урдааа, хойнооо, гэрээ. Много общего между речью жителей названных населенных пунктов и цонгольским говором и в области лексики, например: шаральджаа (полян), дза-

¹ В селах Ехэ-Цаган и Шанан чаще употребляются аффрикаты ц, ч, а в селах Ташир и Удунга — щелевые с, ш.

ваяя (чайник), аэраг (пахта), талха (хлеб) вместо лит. урмэдээн, гүсэ, иилгэдээн, хилээмэн и т. д.

Поэтому говор жителей Удунга, Ташир, Шанан, Ехэ-Цаган и Цайдам следует отнести к южнобурятскому наречию, в частности к цонгольскому говору. Близости речи жителей указанных выше сел способствуют смежность территории распространения сравниваемых диалектов, в результате чего их носители имеют тесный контакт между собой, а также известная смешанность в отношении их родового состава. Так, в селах Цайдам и Ехэ-Цаган наряду с западнобурятским родом готол-сумал встречаются представители монгольского рода атаган, в селе Шанан имеются хатагины (бур. хатиган), табангуты и другие носители сакающих говоров, хотя в них (особенно в Шанане, Ташире и Удунге) преобладают представители добайкальских родов шоно, харанут, алагуй, энгут, готол, бумал, хурамша.

От речи жителей указанных населенных пунктов заметно отличается говор жителей сел Тухум, Бургастай, Сутой, Тахой, Ароузово, Жергалантуй, Харгана, Оронгой и Иволга.

Таким образом, северноселенгинский говор распространен к северу от Новоселенгинска — бывшего районного центра Селенгинского аймака Бурятской АССР. Его носители являются в основном выходцами из Добайкалья. Об этом свидетельствуют исследования по истории бурятского народа, а также устные предания и языковые данные самих северных селенгинцев.

В обследуемых населенных пунктах находим сейчас представителей следующих булагатских и эхиритских родов и их ответвлений: харанут (натаг харанут, жарай харанут, буян харанут, авганат харанут), бумал (аргаган бумал, бардам бумал), шаралдай, готол, энгут, муруй¹, олзон, шоно, хэнгэлдэр, абзай (хүзүү абзай), шабаг или шабагтан (ответвление рода олзон), хурамша и другие. Села Бургастай, Сутой, Тухум, Ароузово, Тахой, Жергалантуй населены в основном представителями булагатских родов харанут, шаралдай, энгут, муруй, алагуй, а села Харгана, Оронгой, Хурамша, Иволга — эхиритскими родами олзон, шоно, хэнгэлдэр, абзай, хурамша. Притом самыми многочисленными являются здесь представители эхиритского рода олзон, которые встречаются в селах Тухум, Тахой и других попеременно с булагатским населением.

Кроме того, на территории распространения северноселенгинского говора (Тухум, Сутой и т. д.) издавна живут атаганы и некоторые другие сравнительно немногочисленные монгольские роды. Как известно, в XVII веке переселились в Забайкалье атаганы из Сайн-Но-

¹ Местные жители называют также готол оумал, энгүүд оумал и мори бумал.

енхановского аймака, хатагины из Тушетухановского аймака Монголии¹.

Северные селенгинцы тесно контактируют с сартулами и цонголами с запада, с хоринцами – с востока. Носители северноселенгинского говора не потеряли также родственные и прочие связи со своими со-родичами из Добайкаля².

Эти и другие факторы наложили свой отпечаток на специфику диалекта северных селенгинцев, на чем остановимся ниже.

Из каждого раздела программы атласирования возьмем соответствующие фонетические, морфологические и лексические явления и рассмотрим наиболее характерные особенности северноселенгинского говора, сравнивая их с соотносимыми языковыми явлениями западных (эхирит-булагатского и боханского), восточных (хоринского) и южных (цонгольского и сартульского) говоров. Наряду со сравнительным анализом материалов, собранных по программе диалектологического атласа бурятского языка, попытаемся применить также метод количественного подсчета привлекаемых к изучению лингвистических данных.

Фонетические особенности говора

В фонетическом составе северноселенгинского говора имеются звуки, характерные для одних бурятских диалектов и не свойственные другим.

Фонетические явления северноселенгинского говора, имеющиеся в западнобурятском наречии, в частности в эхирит-булагатском и боханском говорах, но отсутствующие в восточных (хоринских) и южных (в цонгольском и сартульском) говорах бурятского языка:

1. В северноселенгинском говоре сохранился характерный для западного наречия огубленный краткий *e* как самостоятельная фонематическая единица, отличающаяся от фонемы *y*. Например, сев.-

¹ См.: "История Бурят-Монгольской АССР", т. I. Под ред. А. П. Окладникова. Улан-Удэ, 1951, стр. 161.

² См.: С. П. Балдаев. Родословные предания и легенды бурят (булагаты и эхириты), ч. I. Улан-Удэ, 1970, стр. 56. "Алагуи имел семь сыновей, – пишет автор со слов рассказчика с острова Ольхон. – Из них четверо жили в долине Бугульдейки, прочие уехали из-за тесноты, нехватки пастбищ в Забайкалье, промывают в долине реки Селенги. До революции они приезжали на старую родину свою (тоонто) и устраивали жертвоприношение. Алагуейцы принимали их со всей бурятской гостеприимностью: кололи барана, выкуривали двойную водку арза и угощали. Они посещали все пять улусов алагуева рода".

³ Под термином "диалект" нами подразумевается разновидность данного языка вообще (наречие, говор, подговор).

сел. хөрегкэ (остудить) и хурэгкэ (проводить)¹. Ср. эх.-бул. өлдөхө (проголодаться) и үлдэхэ (гнать), өрө (долг) и үрэ (плод)². В хоринском говоре восточнобурятского наречия краткий гласный ө не является самостоятельной фонемой, отличной от ү³. Эти звуки представляют одну краткую мягкорядную фонему⁴, например, үргэхэ означает здесь и "пугаться", и "поднимать"⁵. В южнобурятских говорах в первом слоге вместо ө встречается ү. Так, юж.-бур. хурхэ означает и "остывать", и "достичь", үри - и "долг", и "плод".

2. В первом слоге сохранился широкий неогубленный краткий звук э вместо узкого огубленного ү в восточных и южных говорах: сев.-сел. и зап.-бур. эвэшэн || эбшэн (болезнь), эвэдхэ || эбдэхэ (болеть). Ср. вост.-бур. үбшэн, үбдэхэ, юж.-бур. үвөчөн, үвөсхө.

3. В конце слова произносится долгий монофтонг ээ вместо долгого ии (графически: и) или дифтонга уй в восточных и южных говорах бурятского языка: сев.-сел. и зап.-бур. эрхээ (большой палец), шэгшээ (мизинец), зүгээ (пчела). Ср. соответственно вост.-бур. эрхы, шэгшы (юж.-бур. чигчии), зүгы || зүгүи (юж.-бур. дзүгы || дзүгүи).

В слове, означающем "зима", употребляется губно-губная фонема (о): в северноселенгинском говоре чаще используется ее щелевой оттенок (в), в западнобурятских диалектах - смичный оттенок (о). В восточных и южных говорах бурятского языка в данном случае выступает щелевой оттенок фонемы (в). Например, сев.-сел. увэл (зима), зап.-бур. үбэл, вост.-бур. и юж.-бур. үгөл.

Эти сходства в фонетике северноселенгинского говора и западнобурятского наречия связаны с сохранением прежних черт исходного диалекта.

Фонетические явления северноселенгинского говора, имеющиеся в восточнобурятском наречии, но отсутствующие в западных и южных говорах бурятского языка:

¹ Записано нами в селе Тухум Загустайского сельсовета Селенгинского аймака.

² См.: Б. В. М а т х е е в. Очерки эхирит-булагатского говора. - "Исследование бурятских говоров", вып. II. Улан-Удэ, 1968, стр. 5.

³ См.: Г. Д. С а н ж е е в. Лингвистические наблюдения в Еравне и Хори. - "Зап. БМ НИИЯЛИ", вып. I. Улан-Удэ, 1939, стр. II; Т. А. Б е р т а г а е в. Заметки лингвиста о хоринском говоре. - "Зап. БМ НИИЯЛИ", № I. Улан-Удэ, 1936, стр. 7; Д. А. А л е к с е е в. Диалекты бурят-монгольского языка. - "Учен. зап. Ленингр. ун-та", № 98. Серия востоковед. наук, вып. I, стр. 167.

⁴ См.: И. Д. Б у р а е в. Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ, 1959, стр. 153.

⁵ Г. Д. С а н ж е е в. Лингвистические наблюдения в Еравне и Хори, стр. II.

1. Щелевой ж в начале слова вместо аффрикаты дж в южных и среднеязычного й в западных (эх.-оул., бох.) говорах. Например, сев.-сел., вост.-бур. жэл (год), жавар (хиус), жаргал (счастье). Ср. юж.-бур. джил, джавар, джаргал; зап.-бур. (эх.-бул., бох.) йэл, йабар, йаргал.

2. Щелевой з в начале слова вместо аффрикаты дз в южных, среднеязычного й в западных говорах: сев.-сел. зааха (ремонтировать), зунэхэ (резать), зургаа (шесть). Ср. юж.-бур. дзасха, дзусхэ, дзургаа; зап.-бур. йааха, йунэхэ, йоргоон.

3. Губно-губной м вместо б в южных и носового н в западных говорах: сев.-сел. эмдэрхэ (сломаться). Ср. юж.-бур. эбдэрхэ; зап.-бур. үндэрхэ.

4. Смычный звонкий д вместо щелевого глухого с в южных, фарингального ь в западных говорах: сев.-сел. бодохо (вставать), садаха (насыщаться), үлдэхэ (проголодаться). Ср. юж.-бур. босхо, пасха, үлөсхэ; зап.-бур. боьохо, сааха, өлэхэхэ.

5. Щелевой двухфокусный ж вместо щелевого однофокусного з в западных и аффрикаты дз в восточных говорах: сев.-сел., вост. эжи (мать). Ср. зап.-бур. эзии (женщина, мать); юж.-бур. эджи (мать).

6. Палатализованный х' в середине слова вместо твердого х в западных и южных говорах: сев.-сел., вост. х'ирээ (ворон). Ср. юж.-бур., зап.-бур. хэрээ. Это сходство с хоринскими диалектами вызвано его влиянием на северноселенгинский говор.

Фонетические явления северноселенгинского говора, встречающиеся в южнобурятском наречии, но отсутствующие в западных и восточных говорах бурятского языка:

1. Щелевой г в интервокальном положении вместо х в западных и восточных говорах: сев.-сел., юж.-бур. дагаха (следовать за кем-либо), хугарха (сломаться), багана (колонна, столб). Ср. зап.-бур., вост.-бур. дааха, хухарха, бахана.

2. Смычный глухой т в начале слова вместо смычного звонкого д в западных и восточных говорах: сев.-сел., юж.-бур. тонгорог (перочинный нож), танха (чугунный кувшин). Ср. вост.-бур. донгорог, данха (в западных говорах эти слова встречаются очень редко).

3. В единичных случаях встречается твердый м в начале слова вместо палатализованного м' в западных и восточных говорах: сев.-сел., юж.-бур. маха (мясо). Ср. зап.-бур., вост.-бур. м'ахан.

Фонетические явления северноселенгинского говора, характерные для западного и восточного наречий, но не свойственные для южнобурятских говоров:

1. Фарингальный ь вместо южнобурятского переднеязычного с: сев.-сел., зап.-бур., вост.-бур. ьамарьан (вост. амар) (орех),

уһан (вода), загаһан (рыба). Ср. юж.-бур. самар, осо (уса), дзагас (дзагос). Во всех населенных пунктах, где распространен северноселенгинский говор, только в одном слове суу (молоко), как и в южнобурятских говорах, вместо ь последовательно встречается с.

2. Согласный т вместо южнобурятского с (в единичных случаях): сев.-сел., зап.-бур., вост.-бур. тамарха¹ (плавать). Ср. юж.-бур. самарха.

3. Смычный д вместо южнобурятского щелевого с: сев.-сел., зап. и вост. хиидэхэ, хиидхэ (развеваться), хородхо (гореть от ожога). Ср. юж.-бур. хиисхэ, хоросхо.

4. Щелевой х вместо южнобурятского смычного к: сев.-сел., зап. и вост. гэшхуур (ступеньки крыльца, лестница), мушхэхэ (преследовать). Ср. юж.-бур. гэшкуур, мушкөхө.

5. Фарингальный ь вместо юж.-бур. ш (или с) (в единичных случаях): сев.-сел., зап.-бур., вост.-бур. ьуни (ьөни) (ночь). Ср. юж.-бур. шуни, сүни.

6. В слове, означающем "соха", произносится звук з вместо южнобурятского д: сев.-сел., зап.-бур. и вост.-бур. анзаһан. Ср. юж.-бур. андас.

7. Щелевые ж или з вместо южнобурятских аффрикат дж или дз: сев.-сел., зап., вост. жакалха (жевать). Ср. юж.-бур. джаджалха; сев.-сел., зап., вост. заахан (вост. также жаахан) (маленький). Ср. юж.-бур. дзаахан.

8. Щелевой глухой с вместо южнобурятской аффрикаты ц: сев.-сел., зап., вост. саг (время), сэрэг (война, войско), хасар (щетка). Ср. юж.-бур. цаг, цэрэг, хацар.

9. Щелевой глухой ш вместо южнобурятской аффрикаты ч: сев.-сел., зап., вост. шанга (сильный), шудөр (тренога), шухала (важный). Ср. юж.-бур. чанга, чудөр, чухала.

10. Щелевой ж вместо южнобурятской аффрикаты дж: сев.-сел., зап., вост. жэл (год), жалга (овраг), ажал (работа). Ср. юж.-бур. джил, джалга, аджил.

11. Носовой звук н в конце слова вместо южнобурятского р (в единичных случаях): сев.-сел., зап., вост. суглаан² (собрание). Ср. юж.-бур. цуглаар.

12. Дрожащий р в середине слова вместо южнобурятского л || л' (в единичных случаях): сев.-сел., зап., вост. маарха (блеть). Ср. юж.-бур. маэлха (маал'иха).

13. Краткий и вместо южнобурятского сочетания среднеязычного й

¹ Наряду с ьамарха в восточных говорах.

² В селе Тухум Селенгинского аймака данное слово встречается без конечного согласного: суглаа (собрание).

и краткого а: сев.-сел., зап., вост. илгaha (отделять, различать). Ср. юж.-бур. йалгaha.

14. Закрyтый и, употребляющийся после палатализованного согласного т' вместо южнобурятского открытого отодвинутого назад и (графически: и), употребляющегося после твердого т: сев.-сел., зап., вост. т'имэ (такой), т'иирхэ (лигать). Ср. юж.-бур. тимэ (тыме), тиирхэ (тырхэ).

15. Долгий гласный и вместо южнобурятского краткого э (в единичных случаях): сев.-сел., зап., вост. т'иихэ (делать так). Ср. юж. тэхэ.

16. Краткий э вместо южнобурятского долгого и: сев.-сел., зап., вост. хэхэ (делать). Ср. юж.-бур. х'иихэ.

17. В начале слова, означающего "загибать", в северноселенгинском говоре, как и в восточных и западных диалектах, употребляется твердый н вместо южнобурятского палатализованного н': сев.-сел., вост., зап. нугалха. Ср. юж.-бур. н'оголхо, н'угалха.

Таким образом, в отличие от южнобурятского наречия в исследуемом говоре имеется звуковое сходство как с западными, так и с восточными говорами. Оно объясняется, во-первых, тем, что в историческом прошлом западнобурятские и восточнобурятские племена тесно общались между собой и потому в их языке имелось много общего. Во-вторых, параллельное употребление в северноселенгиноком говоре звуков, характерных и для западных, и для восточных диалектов связано с сохранением в изучаемом говоре исконных западнобурятских черт и влиянием на него со стороны восточного наречия.

Фонетические явления северноселенгинского говора, имеющиеся в восточно- и южнобурятском наречиях, но отсутствующие в западных говорах бурятского языка:

1. Щелевой боковой л в конце слова вместо щелевого дрожащего р: сев.-сел., вост., юж. барюул (прихватка для чугуна), харуул (рубанок), аршуул (тряпка). Ср. зап.-бур. бармур, харуур (стой), аршуур.

2. Увулярный г в начале слова вместо переднеязычного д в западных говорах (в отдельных случаях); сев.-сел., вост. и юж. гаанан (юж. ганца^I) (курительная железная трубка). Ср. зап.-бур. даанан.

3. Палатализованный х' вместо с', т', ш западнобурятских (бох., эх.-бул.) говорах: сев.-сел., вост. и юж. тах'аа (курица), арх'и (вино), тамах'и (табак), х'ааг (пырей). Ср. зап.-бур. тас'аа, тат'аа, ташаа.

^I В некоторых селах, например Тухум, Сутой и Бургастай, под влиянием цонгольского и сартульского говоров произносится также ганца (курительная трубка).

4. Палатализованный д' вместо среднеязычного щелевого й в западнобурятских говорах: аньд'ир - в селе Тухум, аньд'ар - в селе Сутой Селенгинского аймака (турпан); маньд'ир - в Сутое произносится маньд'ар, в Тухуме - маньд'ир (дикий лук); дольд'ин - в селах Оронгой и Хурамша Улан-Удэнского аймака, в остальных - дольд'о (волна). Ср. зап.-бур. аньйар, маньйар, дольйон. Таким образом, в западнобурятских говорах употребляются среднеязычный щелевой й вместо среднеязычного д' в восточнобурятских. Отсюда возник, по-видимому, сверхслабый звук д' (нечто среднее между й и д') в речи жителей села Тухум, например, в слове маньд'ир.

5. Губно-губной щелевой в (в интервокальном положении) вместо губно-губного смычного б в западных говорах: сев.-сел., вост., юж. хавар (весна), эвэр (рог). Ср. зап.-бур. хавар, үбэр.

6. Заднеязычный и увулярный щелевой г (в интервокальном положении) вместо заднеязычного и увулярного смычного г в западнобурятских говорах: сев.-сел., вост., юж. тэрэгэ(и) (телега), сагаан (белый). Ср. зап.-бур. тэрэгэн, сагаан¹.

7. Звук б в середине слова вместо западнобурятского м: сев.-сел., вост., юж. набтар (низкий), набшаан (юж. набча) (лист). Ср. зап.-бур. намтар, намшаан.

8. Глухой щелевой х вместо звонкого смычного г в западнобурятских говорах: сев.-сел., вост., юж. хахуули² (удочка), хасуури³ (ель). Ср. зап.-бур. гахуули, гасуурьан.

9. Смычный или щелевой г вместо х в западнобурятских говорах: сев.-сел., вост., юж. нагаса, нагса; юж.-бур. нагаца, нагца (дядя по матери), ногтуу (пьяный), явагты (идите домой). Ср. зап.-бур. накса, нохтуу, ябахты.

10. Палатализованный д' в середине слова вместо мягкого н в западных говорах: сев.-сел., вост.-бур., юж.-бур. али(и) (который). Ср. зап.-бур. ан'ин.

II. В слове, означающем "прятать"; в западнобурятских говорах происходит метатеза: хадалгаха. Ср. сев.-сел., вост., юж. хадагалха (прятать).

¹ Смычные оттенки фонем о, г встречаются и в восточнобурятских говорах, но реже, чем в западнобурятском наречии.

² В селах Тухум, Бургастай в начале слова произносится х: хахуули, в селах Сутой, Шергалантуй, Тахой, Харгана, Хурамша и Оронгой - н: нхуули. Как известно, в западных говорах вместо х иногда используется фарингальный н: намаагуй (безразличие), нароаха (стрелять из лука) и т. д. Поэтому н в северноселенгинском говоре, видимо, остаточное явление, сохранившееся от материнского диалекта.

³ В селе Хурамша Селенгинского аймака - хасуурьан. Ср. зап.-бур. гасуурьан.

12. Краткий э в первом слоге вместо и в западных говорах: сев.-сел., вост., юж. бэе (тело). Ср. зап.-бур. бие.

13. Широкий огубленный о вместо узкого огубленного у в западных говорах: сев.-сел. шоргоолзо (муравей), холтою (кора дерева). Ср. зап.-бур. шургалжин (шургалзаан), хултаан.

14. Гласный у вместо а в западных говорах: сев.-сел., вост. бур., юж.-бур. буряад (бурят), буляаха (отнимать). Ср. зап.-бур. баряад, баяаха.

15. В слове, означающем "мыть", в западных говорах происходит метатеза: гуаха. Ср. сев.-сел., вост., юж. угааха.

16. Неогубленный гласный а в слове, означающем "шестьдесят" вместо огубленного гласного о в западных говорах: сев.-сел., вост. жара (сев.-сел. жара, юж. джара). Ср. зап.-бур. жорон, иорон (шестьдесят).

17. Долгий гласный оо в первом слоге вместо долгого уу в западных говорах: сев.-сел., вост., юж. соолго (прорубь), соолхо (пробивать отверстие). Ср. зап.-бур. суулга, суулха.

18. Краткий гласный у в слове, обозначающем "человек", вместо долгого гласного уу в западных говорах: сев.-сел., вост., юж. хун¹. Ср. зап.-бур. хуун.

Фонетические явления северноселенгинского говора, параллельно употребляющиеся в западном, восточном и южном наречиях:

1. В начале слова, обозначающего "вол", произносится как плоскоцелевой звук ш, свойственный южным говорам, так и круглоцелевой с, характерный для восточных и западных говоров: сев.-сел. шар, сар - Оронгой, шара - Бургастай, Сутой, Тухум, Тахой, сар - Хурамша. Ср. юж. шар; зап. (изредка), вост. сар (вол). Но в слове шалдаган (голый) под влиянием южных говоров повсеместно произносится звук ш вместо с: салдан (шалдаган) в восточном и западном наречиях.

2. В начале слова, означающего "побеждать", произносится как палатализованный д', характерный для восточных и западных диалектов, так и твердый д, свойственный южнобурятскому наречию: сев.-сел. д'иилхэ - Тухум, Тахой, Арбузово. Ср. вост., зап. д'иилхэ; юж. диилхэ (оронгой. дилхэ).

3. В первом слоге встречаются как узкий огубленный у, так и широкий огубленный о: сев.-сел. худаг (колодец) - Сутой, Тухум, Лаггана, ходог | худаг - Хурамша, Бургастай, Оронгой, Хургана; уна (вода), хуна (береза). Ср. зап., вост. уан, хуан, худаг;

¹ В хоринском говоре в слове хун в косвенных падежах появляется долгий уу: хуунээ (человечка), хуундээ (человеку) и т. д.

Только в селе Хурамша - оюн, хоюн.

кж. (сел.-цонг.) ооо, хосо, ходог. Вообще нередко в северноселенгинском говоре, как и в других бурятских диалектах, встречаются случаи употребления звука о вместо общемонгольского у, то есть оканье: сев.-сел. оргохо (расти), хорим (свадьба) – Сутой, тодохо (попадать), хольти (ушная сера) – Хурамша, Сутой.

4. В говоре используется как долгий гласный уу (уу), характерный для южнобурятских диалектов, так и сочетание звуков с интervoкальным согласным р, свойственное восточнoбурятским и западнобурятским говорам: сев.-сел. хуруу (палец), нюруу (спина), уруу (подбородок) – Тухум, хурага, нюрага, урэгэ – Сутой, Тахой, Арбузово, хорго, нерго, ургэ – Харгана¹, дэгэл (шуба) – повсеместно. Ср. кж. хуруу, нюруу, уруу, дээл (изредка дэгэл); зап., вост. хурган, нюрган, ургэн, дэгэл.

Параллельное употребление в изучаемом говоре звуков, характерных для сравниваемых наречий, связано с воздействием на него со стороны контактирующих диалектов (кжнх и восточных).

Фонетические явления, характерные для северноселенгинского говора:

1. Как отмечалось выше, в ареале распространения северноселенгинского говора, в частности в селе Тухум, нами зафиксирован сверхслабый согласный д' в слове маньд'ир (дикий лук). Этот специфический звук представляет собой нечто среднее между западнобурятским й и восточно-, южнобурятским д'. Ср. зап.-бур. маньяан; вост., кж. маньд'ир.

2. В изучаемом говоре иногда (в селе Тухум) встречается палатализованный м' там, где в других бурятских диалектах употребляется твердый м: сев.-сел. эм'ээл (седло), м'ээхээ (нежный), м'идэгкүээб (не знаю). Ср. общебур. эмээл, мээхээ, мэдэхэгүйб (с фонетическими вариантами, особенно в гласных, но согласный м в остальных говорах бурятского языка всегда твердый).

3. В северноселенгинском говоре после конечного н в единичных случаях появляется редуцированный гласный: сев.-сел. хувөн,б (вата). Ср. зап., вост., кж. хубэн, (с фонетическими вариантами).

Из приведенных выше 55 звуковых явлений северноселенгинского говора, выборочно взятых нами для сравнительного рассмотрения, 4 фонетических явления имеют соответствия в западнобурятских говорах, 6 – в восточнoбурятских, 3 – в южнобурятских. Кроме того, в говоре северных селенгинцев наличествует 17 фонетических явлений, сходных с восточным и западным наречиями, и 18 фонетических явлений, общих с восточным и южным наречиями, и 4 фонетических явле-

¹ В селе хурамша произносят параллельно хорогон и хураган (палец), нерогон и нюраган (спина), урегэн и урэгэн (подбородок).

нил, характерных для западных, восточных и южных говоров и возникших в основном в результате взаимодействия всех сравниваемых подразделении языка. Специфических звуков, свойственных для северноселенгинского говора, найдено 3.

Распределив соответствующие (адекватные) фонетические явления по группам говоров¹, получаем следующие статистические данные: звуковых явлений, имеющих соответствия в восточных говорах, насчитывается - 24,8, что составляет 45 процентов, в западных - 13,8, то есть 25 процентов, в южных говорах - 13,3, то есть 24 процента, специфически северноселенгинских звуков - 3, что составляет 5,4 процента.

Итак, значительно большая доля соответствий по фонетике северноселенгинского говора приходится на восточнобурятские говоры - 45 процентов.

Морфологические особенности говора

Рассмотрим морфологические явления северноселенгинского говора сравнительно с соответствующими явлениями восточных, западных и южных говоров бурятского языка.

Морфологические явления северноселенгинского говора, имеющиеся в западнобурятском наречии, но отсутствующие в восточных и южных говорах бурятского языка:

1. В отличие от восточных и южных говоров в речи старшего поколения северных селенгинцев сохранилась повелительно-желательная форма третьего лица на -тгаэи: яватгаэг!² (пусть идет!). Этот же формант имеется в эхирит-булагатском говоре: хэлтгээг! (пусть скажет!)³. Ср. старописьм. монг. -тугай: гартугай! (пусть выйдет!), келетугэй! (пусть скажет!)⁴.

2. В изучаемом говоре, как и в западнобурятском наречии, употребляется обобщительное местоимение баран, барандаа (все) наряду с местоимениями хамаг, бухи, бүгэдэ, булта, наиболее характерными для восточнобурятских и южнобурятских говоров.

¹ Соответствия, имеющиеся в двух или трех наречиях, распределены между ними поровну.

² Записано в селе Арбузово Селенгинского аймака БурАССР. РО БФ СО АН СССР, инв. № 3221.

³ См.: Д. А. Алексеев. О "территориальных" диалектах бурят-монгольского языка. - В сб.: Мат-лы науч. конф. по вопросам бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1955, стр. 89; Б.В. М а т - х ё е в. Очерки эхирит-булагатского говора. - "Исследование бурятских говоров", вып. II. Улан-Удэ, 1968, стр. 21.

⁴ См.: Г. д. С а н ж е е в. Старописьменные монгольский язык. М., Изд-во вост. лит., 1964, стр. 81.

3. В северноселенгинском говоре сохранился свойственный для западного наречия аффикс винительного падежа -и: тэрээни харааб (я видел его). Ср. вост. -иие: тэрээниие; юж. -ыг: тэрээныг (его).

4. В говоре северных селенгинцев широко используется свойственный западному наречию аффикс множественного числа -д, там, где в восточных и южных говорах бурятского языка употребляется аффикс -нууд: сев.-сел. тугад (телята), гахад (свиньи). Ср. вост.-бур., юж.-бур. тугалнууд, гахаэнууд.

Морфологические явления северноселенгинского говора, имеющиеся в восточнобурятском наречии, но отсутствующие в западных и южных говорах бурятского языка:

1. Аффикс родительного падежа имен существительных после краткого гласного основы -ни: хадны (горы). Ср. зап.-бур. -аэн: хадаэн; юж.-бур. -ны (изредка -ни): хадны (хадны).

2. Аффикс родительного падежа имен существительных после переднерядного гласного и основы -иин: далиин (крыла). Ср. зап. -аэн: дал'аэн; юж. -ны: далины.

3. Аффикс родительного падежа имен существительных после долгого гласного основы -гээ: бөөгээ (шамана). Ср. зап. -йэ: бөөйэ; юж. -гы (изредка -гээ): бөөгы (бөөгээ)¹.

4. Аффикс родительного падежа имен существительных после согласных основы (кроме заднеязычного и увулярного н) -аэ: малаэ (скота). Ср. зап. -и: мал'и (при этом конечный согласный основы палатализуется); юж.-оур. -н (цонг.), -аэ (сарт.): цонг.² малы, сарт. малаэ.

5. Аффикс родительного падежа имен существительных после заднеязычного и увулярного н основы -гаэ: ангаэ (зверя). Ср. зап. -йа: анйа; юж. -гы, -гаэ³: ангы, ангаэ.

6. Аффикс винительного падежа имен существительных после краткого гласного основы -ыйэ: ахыйэ (брата). Ср. зап. -аэйэ: ахайэ; юж. -ыг: ахыг.

7. Аффикс винительного падежа имен существительных после согласного основы (кроме заднеязычного и увулярного н) -ыйэ: Гэрэлыэ (Гырыла - собственное имя). Ср. зап. -и: Гэрл'и; юж.-ыг: Гэрэлыг.

8. Аффикс винительного падежа имен существительных после зад-

¹ Формант -гы характерен для речи селенгинских цонголов, -гээ - для речи кяхтинских цонголов и джидинских сартулов.

² Особенно у селенгинских цонголов.

³ Формант -гы характерен для речи селенгинских цонголов, -гаэ - для речи кяхтинских цонголов и джидинских сартулов.

неязычного и увулярного и основы -гыйэ: зангыйэ (характер). Ср. зап. -йа: зания; юж. -гыг: зангыг.

9. Суффикс наречия, выражающий направление, -лжаа: баруулжаа (на запад), зуулжээ (на восток). Ср. зап. -хшаа: баруухшаа, зүүхшээ; юж.: баруун тээшээ, зүүн тээшээ.

10. Возвратные местоимения единственного и множественного числа өөрөө (сам), өөхэдөө (сами)¹. Ср. зап. өөхэн, өөхэд; юж. өөрөө, өөстөө или өөснөө.

11. Указательные местоимения единственного числа в родительном падеже -ээ: энээнээ (этого), тэрээнээ (того). Ср. зап.-бур. энээни, тэрээни; юж.-бур. энээны, тэрээны (или энны, тэрны).

12. Для выражения действия продолжающегося или все еще происходящего в говоре северных селенгинцев, как и в восточнобурятском наречии, используется сочетание формы соединительного деепричастия и основы вспомогательного глагола, чаще всего глагола баа- (быть): сев.-сел. и вост.-бур. яважа баэна (ходит), хэбтэжэ баэна (лежит). В западнобурятских и южнобурятских говорах происходит сращение формы соединительного деепричастия знаменательного глагола со вспомогательным глаголом баа-. Например, зап.-бур. ябажаэна, юж.-бур. яваджаэна (ходит); зап.-бур. хэбтэжаэна, юж.-бур. хэбтэджаэна (лежит). При сращении указанных глаголов происходит выпадение конечного гласного знаменательного глагола и начального б служебного глагола.

Морфологическое явление северноселенгинского говора, имеющееся в южнобурятском наречии, но отсутствующее в западных и восточных говорах бурятского языка:

Местоимение первого лица множественного числа: сев.-сел. и юж.-бур. бэдеэн (наряду с бэди, бэдин, бэдьнэр) (мы). Ср. вост. бидэ (бидэнэр, маанар, маанад); зап. биде (бэдэ). Сочетание местоимения биде (бидэ) (мы), с числительным (хоер) (два) в западных говорах дало бидагоор (бодигоор, бодогоор) (мы вдвоем). Ср. сев.-сел. и юж.-бур. бэди хоер; вост.-бур. бидэ хоер.

Морфологические явления северноселенгинского говора, имеющиеся в западном и восточном наречиях, но отсутствующие в южнобурятских говорах:

1. Аффикс родительного падежа имен существительных после долгого гласного или дифтонга основы -йэ: дууйэ (младшего брата или младшую сестру). Ср. юж.-бур. -гы (-гыг, -г): дуугы (дуугыг, дууг).

2. Аффикс совместного падежа имен существительных -таэ: кана-

¹ В селе Жергалантуй Селенгинского аймака произносят өөхэдөөн (сами).

таэ (со стеной), намагтаэ (с болотом). Ср. юж. -ты (сел.-цонг.): ханаты, намагты; -таэ (кях.-цонг. и сарт.): ханатаэ, намагтаэ.

3. Аффикс исходного падежа имен существительных: сев.-сел. -һаа, -һа, зап.-бур. -һа, вост.-бур. -һаа. Сев.-сел. гэрһээ (изредка гэрһэ¹) (из дома); зап. малгайһа (от шапок), гэрһэ (из дома); вост. малгаэһаа, гэрһээ. Ср. юж.-бур. малгаэһаас², гэрһээс.

4. При склонении местоимения первого лица единственного числа в сев.-сел., зап.-бур. и вост.-бур. говорах дательно-местный падеж принимает аффикс -да: намда (мне); винительный падеж -йэ: намаэйэ (меня); исходный падеж -һаа (изредка һа): намһаа (от меня). Ср. соответственно юж.-бур. дат.-местн. пад. -нада (аффикс -да с выпадением конечного м основы); вин. пад. -г: намаэзг; исх. пад. -аас: надаас.

5. При склонении указательных местоимений энэ (этот), тэрэ (тот) в северноселенгинском говоре винительный падеж принимает аффиксы -и, -ии, -иие: энээни, энээнии, энээнииe (этого), тэрээни, тэрээнии, тэрээнииe (того). Ср. зап.-бур. -и: энээни, тэрээни; вост.-бур. -иие: энээнииe, тэрээнииe. В южнобурятских же говорах употребляются форманты -ыг, -ы: энээныг, энээны (или энныг, энны) (этого); тэрээныг, тэрээны (или тэрныг, тэрны) (того).

6. Эти же указательные местоимения в исходном падеже в северноселенгинском говоре, западнобурятском и восточнобурятском наречиях принимают аффикс -һээ: сев.-сел., зап.-бур., вост.-бур. энээнһээ (от этого), тэрээнһээ (от того). Ср. юж.-бур. -ээс: энээнээс (или эннээс), тэрээнээс (тэрнээс).

В изучаемом говоре в форме орудного падежа местоимения энээгээр (этим), тэрээгээр (тем) употребляются в отношении к человеку, а энээнээр (этим), тэрээнээр (тем) - в отношении к остальным существам и неодушевленным предметам³. В других говорах бурятского языка подобные разграничения нам неизвестны.

7. В винительном падеже в северноселенгинском говоре, западном и восточном наречиях встречается частица возвратного притяжания -йаа (если имена оканчиваются на краткий гласный): сев.-сел., зап.-бур., вост.-бур. эсэгэйээ (своего отца). Ср. юж.-бур. -ыгээ: эцэгыгээ.

8. Желательная форма в северноселенгинском говоре, как и в восточных и западных говорах, образуется посредством аффикса -һаэ: гараһаэ (вышел бы), ерһээ (пришел бы). В южнобурятском на-

¹ Записано в селе Оронгой Улан-Удэнского аймака.

² Здесь н является вставочным согласным между конечным гласным основы и начальным гласным аффикса -аас.

³ Эти данные записаны нами в селе Тухум Селенгинского аймака.

речи данная форма глагола образуется при помощи аффикса -аасы: юж.-бур. гараасы, ерэсы:

9. Повелительно-наставительная форма второго лица образуется в говоре, как и в восточном и западном наречиях бурятского языка, посредством аффиксов -аараэ (от основы глагола с конечным кратким гласным) и -гаараэ (от основы глагола с конечным долгим гласным и дифтонгом): сев.-сел., вост., зап. аваараэ (возьми), баэгаараэ (постой).

При обращении ко многим лицам или при вежливом обращении к одному лицу к аффиксу -аараэ или -гаараэ в восточных и южных говорах присоединяется аффикс собственно повелительной формы второго лица множественного числа -гты, например, яваараэгты (юж. яваарагты) (идите). В западных говорах вместо аффикса -гты используются его фонетические варианты -хтуи (качуг.), -гтуун (эх.-бул.), например, качуг. абахтуи; эх.-бул. абагтуун¹. В южных говорах повелительно-наставительная форма второго лица образуется посредством аффикса -аары²: яваары (иди).

Морфологические явления северноселенгинского говора, имеющиеся в восточно- и южнобурятском наречиях, но отсутствующие в западных говорах бурятского языка:

1. Аффикс орудного падежа имен существительных после долгого гласного или дифтонга основы -гаар: вост.-бур. харгыгаар; юж.-бур. гаргуйгаар (дорогой). Ср. зап.-бур. -йаар: харгуйаар.

2. В изучаемом говоре, как и в восточных и южных говорах, употребляются качественные прилагательные в орудном падеже: сев.-сел., вост.-бур. и юж.-бур. хаэнаар (хорошо), муугаар (плохо), а в западнобурятских говорах более употребительны наречия на -са: хаэса (хорошо), мууса (плохо).

3. Аффиксы, образующие порядковые числительные: сев.-сел., юж.-бур. -дти³, вост.-бур. -дти, -дахи (далее по гармонии гласных): сев.-сел., юж.-бур. нэгэдти; вост.-бур. нэгэдти, нэгэдэхи (первый); сев.-сел., юж.-бур. хоердти; вост.-бур. хоердти, хоердохи (второй); сев.-сел., юж.-бур. гурвадти; вост.-бур. гурвадти, гурвадахи (третий). Ср. зап.-бур. аффикс -тьха: нэгэтьхэ, хоёртьхо, гурбатъха.

4. Распределительные числительные, выполняющие обстоятель-

¹ См.: А. Г. М и т р о ш к и н а. Говор качугских (верхоленских) бурят. - "Исследование бурятских говоров", вып. II, стр. 58.

² В речи кяхтинских цонголов встречаются также фонетический вариант -аарь: аваарь (возьми).

³ Аффикс -дти образовался от -дахи в результате выпадения первого редуцированного гласного а с последующими процессами ассимиляции и слияния согласных: дахи -д'х'и -дт'и.

ственную функцию в северноселенгинском говоре, восточнобурятском и южнобурятском наречиях, образуются путем удвоения числительных, причем второй компонент принимает аффикс -аар, например, сев.-сел., вост.-бур. и юж.-бур. нэгэ нэгээр (по одному), хоёр хоероор (по два), гурва гурваар (по три). В западнобурятских говорах распределительные числительные образуются при помощи суффикса -аад: нэжээд, хошоод¹, гурбаад, при этом в основе числительного нэгэн (один) происходит замещение звуков: г || д.

5. Местоимениями второго лица множественного числа в северноселенгинском говоре являются таанар, таанад таанууд (вы). Из них для восточных говоров характерны таанар, таанад, для южных таанар. Ср. зап.-бур. таа. В западных говорах не употребительны местоимения таанар, таанад (вы), как и маанар, маанад, бидэнэр (мы). Сочетание местоимения таа с числительным хоёр (два) в западных говорах дало таатагоор (вы вдвоем)².

6. В северноселенгинском говоре бытуют обобщительные местоимения бүхн, бүгэдэ, булта, бултандаа, бултадаан, баран (все), а также бүхэн, бэри, болгон (каждый). Эти местоимения (кроме западнобурятского баран) характерны для восточных и южных говоров. Из них местоимение болгон употребляется только в южнобурятских говорах.

7. В рассматриваемом говоре совместный залог образуется, как и в восточных и южных диалектах, посредством присоединения к первичной глагольной основе аффикса -лса (юж. -лца), взаимный залог - при помощи аффикса -лда. Например: сев.-сел., вост.-бур. ошолсо; юж.-бур. очолцо (сходить вместе с кем-либо); сев.-сел., вост. наншалда; юж. нанчалда (драться между собой). Но в южных говорах аффикс взаимного залога -лда употребляется реже, чем в северноселенгинском и восточных говорах. Вместо этого суффикса в южнобурятском наречии используется аффикс -лца. Ср. сев.-сел., вост. гуйлдэ (бежать), сохилдо (биться); юж.-бур. гуйлцо, цохилцо.

В западных говорах оба залога - совместный и взаимный - образуются при помощи аффикса -лда: ошолдо (сходи вместе), г'уйлдэ (беги вместе с кем-либо).

8. Деепричастие со значением предела или ограничения образуется в говоре, как и в восточных и южных диалектах, с помощью суффикса -тар: сев.-сел., вост.-бур., юж.-бур. яватар (пока не уйдет), ерэтэр (пока не придет). В западных говорах предельное дее-

¹ Ср. хос (пара) и хошоод (по два).

² См.: Б. В. М а т х е е в. Очерки эхирит-булагатского говора, стр. 17.

причастие образуется посредством аффикса -сар, являющегося фонетическим вариантом предыдущего аффикса, например, зап.-бур. ябсар (пока не уйдет), ерсэр (пока придет).

9. Деепричастие образа действия в исследуемом говоре, как и в восточных и южных диалектах, образуется от глагольной основы посредством аффикса -мгашаа¹: вост., юж. баэмгашаа (стоя). В южно-бурятском наречии употребляется также аффикс -мгаа: суумгаа (сидя). В западных говорах деепричастие образа действия образуется прибавлением аффикса -мган к основе глагола, например, бох. ъуумган (сидя)².

10. В сочетании с именами и глаголами в северноселенгинском говоре, как и в восточных и частично южных (сел.-цонг.) говорах, употребляется вопросительная частица гүү: сев.-сел., вост.-бур., юж.-бур. (сел.-цонг.) яваа гүү (ушел ли). В сартульском говоре и в речи кяхтинских цонголов вместо частицы гүү используется ее фонетический вариант йүү: яваа йүү (ушел ли).

В западных говорах бурятского языка вместо вопросительной частицы гүү употребляются ее фонетические варианты ги, йи (бох.), уу (эх.-бул.): морин ги или морин йи (лошадь ли), ошоо уу (ушел ли), ерээ уу (пришел ли).

Морфологические явления северноселенгинского говора, употребляющиеся параллельно в западном, восточном и южном наречиях:

1. В северноселенгинском говоре употребляются следующие аффиксы имен прилагательных, выражающие ослабленное качество: -бар, -отар, -льба, -лбар; аффикс -шаг отсутствует: улавар, улаабтар (красноватый), сазвар (светлый, белесый), хухэбтэр, хухэльвэ, хухэльвэр (синеватый, голубоватый). Эти же аффиксы характерны для других бурятских говоров (кроме -лбар, о чем ниже). Ср. юж.-бур. улавар, улаабтар, сазвар, хухэбтэр, хухэльвэ; вост.-бур. (хор.) улаабтар, улааншаг, улавар (красноватый), сагаабтар, сагааншаг, сазвар (беловатый), хухэбтэр, хухэшэг, хухэльвэ (синеватый, голубоватый). Ср. зап.-бур. улаашаг (красноватый), хөхөшэг (синеватый, голубоватый).

2. Усиленное качество имен прилагательных во всех трех сравниваемых языковых подразделениях выражается посредством редупликации: хаб хара (пречерный), уб улаан (очень красный) и т. д., а также при помощи усилительных слов, характерных для того или ино-

¹ В северноселенгинском говоре употребляется также фонетический вариант -магшаа, возникший в результате перестановки звуков в аффиксе: ъуумагшаа (вместо ъуумгашаа) (сидя).

См.: М. П. Хомонов. Боханский говор. "Исследование бурятских говоров", вып. I. Улан-Удэ, 1965, стр. 62.

го сравниваемого диалекта, например, хөө хара (очень черный, досл. как уголь черный); гал улаан (очень красный, досл. как огонь красный). Ср. вост.-бур. хаб хара, хөө хара, цэтэн хара (очень черный), уб улаан, шад улаан, шабга улаан, ьухаэ улаан (очень красный); зап.-бур. (эх.-бул., качуг., бох.) хаб хара, со-ол хара (очень черный), гал улаан, уб улаан (очень красный); юж.-бур. хдб хара, уб улаан, чад улаан и т. д.

3. В говоре употребительны суффиксы -уулан, -уулаан, -уулаа, образующие собирательные числительные: хоюулан - в большинстве сел, хоюулаан, хоюулаа - в селе Мергалантуй и некоторых других (вдвоем). Ср. зап.-бур. -уулан (-уулаандаа): хоюулан (хоюулаандаа); вост.-бур., юж.-бур. -уулаа: хоюулаа.

4. Имена существительные, оканчивающиеся на краткий гласный основы, в северноселенгинском говоре принимают аффиксы -нууд, -д: аяганууд, аягад (чашки чайные), таханууд, тахад (подковы). Ср. вост. и юж. -нууд: аяганууд, таханууд - в том же значении; зап.-бур. -д: аягад (чашки суповые), тахад (подковы). В западных говорах аффикс -нууд образует множественное число только от имен прилагательных: харнууд (черные), ехэнууд (большие)¹.

5. Имена существительные, оканчивающиеся на долгий гласный основы, в исследуемом говоре принимают аффиксы множественности -нууд, -д, -дууд: тахяанууд, тахяад, тахяадууд (куры). Из названных аффиксов в восточных и южных говорах более употребителен аффикс -нууд (тахяанууд), в западных - аффикс -д (тахяад). Кроме того, в западнобурятском наречии имеется аффикс -ьууд (в эхирит-булагатском говоре начальный **ь** данного аффикса нередко выпадает, превращаясь в -ууд): зап.-бур. тахяаьууд, эх.-бул. тахяаууд.

6. Имена существительные, оканчивающиеся на дифтонги в северноселенгинском говоре принимают аффиксы множественного числа -нууд, -дууд, -д: нохоэнууд, нохоэдууд, нохоэд (ноход) (собаки); гахаэнууд, гахаэдууд, гахаэд (гахад) (свиньи). Для западнобурятских говоров в данном случае более типичны аффиксы множественности -д (эх.-бул., бох.), -ьууд (бох.): эх.-бул. ноход, бох. нохоэд, нохоэьууд (собаки); для восточных и южных говоров - аффикс -нууд: нохоэнууд (собаки), гахаэнууд (свиньи).

7. Имена существительные, оканчивающиеся на согласные р, л, принимают в изучаемом говоре аффиксы -ууд, -нууд, -д, -дууд: тугалнууд, тугад, тугадууд (телята), мурууд, мурнууд, мурдууд (следы). Из этих аффиксов для западных говоров наиболее характерны -ууд, -д; эх.-бул. гэрүүд (дома), тармуурууд (грабли), голууд

¹ См.: Б. В. М а т х е е в. Очерки эхирит-булагатского говора, стр. 10, 11.

(реки), дэгэд (шубы) - от основы дэгэл (шуба); тугад - от основы тугал (телята).

8. Слова, обозначающие лица, в том числе термины родства, во множественном числе принимают аффиксы -нар, -нууд, нарцууд (от -нар + -нууд), -дууд (от -д + -ууд), -гууд, -д, -ээд, -ээдүүд (от ээд + -үүд), -аалан (-аалин), -аалансанар (от аффикса -аалан и контаминированного образования -санар, образовавшегося из -сар + -нар при выпадении конечного р первого компонента). Например: аханар, аханууд, ахад (старшие братья); багшанар, багшанарнууд, багшанад (учителя); худанар, худаалин, худаалингууд (сваты); бүлэнэр, бүлөөлэнгүүд (двоюродные братья) или (двоюродные сестры), бэрэнэр, бэрээд, бэрээдүүд (невесты) и т. д.

Из названных выше суффиксов в восточных и южных говорах бурятского языка встречаются -нар, -аалин, -ээд: багшанар (учителя), базаалин (свои), бэрээд (невестки); в западных говорах - аффикс -над (очевидно, контаминация суффиксов -нар и -д)²: аханад (старшие братья), дуунэд (младшие братья), бөлөнэд (двоюродные братья). Аффиксы -аалин и -нар в западных говорах, например в эхирит-булагатском, отсутствуют³.

9. Собирательное имя от прилагательного, например, залуу (молодой), в говоре северных селенгинцев образуется посредством аффиксов -шуул (изредка -шууд: от -шуул + -д при выпадении конечного л первого аффикса), -дууд (от -д + -ууд) -шуулнууд (от -шуул + -нууд): сев.-сел. залуушуул (изредка залуушууд)⁴, залуулдууд залуушуулнууд⁵ (молодежь). Ср. вост., зап. -шуул; юж.-чуул: вост. залуушуул; юж. дзалучуул (молодежь); зап. (бох.) ехэшуул (великие), ьаэшуул (молодцы)⁶.

10. В говоре северных селенгинцев употребляются лично-предикативные частицы первого лица единственного числа -м, -мни, -ни: ахам, ахамни (мой старший брат), гэрэм, гэрэмни, гэрни (мой дом). Также используются лично-предикативные частицы второго лица единственного числа -ш, -шни: эжын, эжышни (твоя мама).

¹ См.: Б. В. М а т х е е в. Очерки эхирит-булагатского говора, стр. 9, 10.

² См.: Г. Д. С а н ж е е в. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 132; Д. А. А л е к с е е в. О некоторых показателях множественности в бурят-монгольском языке. - "Сб. тр. по филологии", вып. I. Улан-Удэ, 1948, стр. 124.

³ См.: Б. В. М а т х е е в. Очерки эхирит-булагатского говора, стр. II.

⁴ Записано в селе Тахой Селенгинского аймака.

⁵ Зафиксировано в селе Жергалантуй Селенгинского аймака.

⁶ См.: М. П. Х о м о н о в. Боханский говор, стр. 51.

В восточных говорах более употребительны полные формы лично-предикативных частиц первого и второго лица единственного числа -ми, -ши; в западных - усеченные формы личных местоимений -м, -ш; в южных говорах почти всегда встречаются усеченные формы -м, -ч. Например, вост.-бур. ахамни (изредка ахам) (мой старший брат), ахаши (изредка ахаш) (твой старший брат). Ср. зап.-бур. ахам (изредка ахамни), ахаш (изредка ахаши); юж.-бур. ахам, ахач.

11. Пропозитивная форма первого лица образуется в говоре от глагольной основы посредством суффикса -уу, к которому присоединяются лично-предикативные частицы первого лица единственного числа -б (-м) или множественного числа -бди (-мди). В говоре северных селенгинцев эта форма глагола иногда встречается и без лично-предикативных частиц. Например: ороуу, ороуум, ороууб (дай я зайду); ороуумди, ороуубди (дайте мы зайдем); ерзуу, ерзуум, ерзууб (дай я приду); ерзуумди, ерзууб (дайте мы придем).

В восточных говорах к суффиксу -уу присоединяются лично-предикативные частицы -б, -бди, в западных - чаще употребляются их фонетические варианты -м, -мди. В восточных говорах пропозитивная форма первого лица единственного числа встречается иногда и без лично-предикативных частиц. В южных же говорах после аффикса -суу в большинстве случаев вообще не присоединяются указанные частицы: юж.-бур. явасуу (пойду-ка) (изредка используется здесь частица -б и никогда не встречается ее фонетический вариант -м). При присоединении частицы -б к аффиксу -суу его долгий гласный -уу часто переходит в -а (по гармонии гласных): юж.-бур. гарсаб (выйду-ка), ерсаб (приду-ка).

12. Заверительная форма первого лица в изучаемом говоре образуется путем прибавления суффиксов -уужа к глагольным основам с конечными краткими гласными или -гуужа - к глагольным основам с конечными долгими гласными или дифтонгами. К этой форме присоединяются частицы личного притяжания первого лица единственного и множественного чисел -б || -м или -бди || -мди: медуужэб, медуужэм (узнаю), медуужэбди, медуужэмди (узнаем). В западнобурятском наречии эта форма встречается с частицей -м: медуужэм (узнаю), ошуужам (схожу), в восточнобурятском и южнобурятском наречиях - с частицей -б: вост. медуужэб, ошуужаб; юж. медууджэб, очууджаб.

13. Для выражения опасения или предостережения от каких-либо действий в данном говоре служит однократное причастие, к аффиксу (-гша) которого прибавляется частица -б: унагшаб (как бы не упал), мэдэгшэб (как бы не узнал). В отдельных селах, например в Оронгое, для выражения опасения или предостережения употребляется суффикс -уужа: унуужа (как бы не упал), медуужэ (как бы не узнал).

В восточных и южных говорах форма опасения или предостережения выражается при помощи аффикса -уужа || -уужан: нохоэ зуугуужа(н), юж. нохоэ дзуугууджа(н) (как бы не укусила собака); в западных говорах — при помощи аффиксов -гша, -лаэ (с прибавлением к ним соответствующих личных показателей, например, мартагшабта (как бы ты не забыл), уналаэш (как бы ты не упал).

14. Повелительно-пригласительная форма первого лица множественного числа образуется в говоре путем присоединения к глагольной основе суффиксов -иы, -йа: сев.-сел. хэлэйи, хэлэйэ (давайте расскажем). Ср. зап.-бур., юж.-бур. хэлэйи (сел.-цонг., кях.-цонг. -и: хэли); вост.-бур. хэлэйэ.

Морфологические явления, характерные для северноселенгинского говора:

1. В говоре имеется своеобразный аффикс -лоар в слове хухул-бөр (синеватый), образовавшийся, по-видимому, по аналогии с суффиксом -бар в слове улбар (красноватый).

2. для исследуемого говора весьма характерно употребление сложных аффиксов множественности: -дууд (-д + -ууд), -нагнууд (-нар + -нууд), -ээдууд (-ээд + -ууд). Например, тахнадууд наряду с тахнад (куры), ноходууд наряду с ноход (собаки), тугадууд наряду с тугад (телята), багшанарнууд наряду с багшанар (учителя), бэрээдууд наряду с бэрээд (невестки) и т. д.

3. Повелительно-допустительная форма третьего лица образуется в говоре северных селенгинцев при помощи специфичной частицы наамза (по-видимому, это обращение частиц эн и аабза), которая используется (наряду с аабза) вместо аффиксов -уужа(н), гуужа(н), употребляемых в остальных группах сравниваемых диалектов. Например: сев.-сел. мори барина наамза (пусть поймает коня); асарха наамза (пусть приносит потом)². По словам жителей северноселенгинских сел, в их речи отсутствуют аффиксы -уужа(н), -гуужа(н). Ср. вост.-бур., зап.-бур. олуужа (пусть он найдет), хэлүүжэ (пусть он скажет), юж.-бур. олууджа(н), хэлүүджэ(н).

4. При наращении вопросительной частицы гүү к причастию оуду-щего времени конечный гласный аффикса причастия -ха выпадает, при этом начальный согласный этой частицы, сказавшись рядом с глухим х, ассимилятивно переходит в к: сев.-сел. ошохкуу (пойдет ли), ерэхкуу (придет ли). Ср. вост. ошохо гүү, юж. ошохуу, зап. ошо йи и т. п.

¹ Зафиксировано нами в селе Сутой Селенгинского аймака.

² Записано нами в селе Сутой Селенгинского аймака. В селах Лургастай, Тухум, Жералантуй, Обонгой записано: мори баринаабза (пусть поймает коня потом).

5. В говоре северных селенгинцев в значении русского предложения (об) используется послелог түлөө (вместо послелога тухаэ в других бурятских говорах): сев.-сел. юнээ түлөө хөөрнэо (о чем говорят). Ср. в остальных бурятских диалектах: юнээ тухаэ хөөрнэб.

Таким образом, из взятых нами выборочно 55 морфологических явлений северноселенгинского говора 4 – имеют соответствия в западнобурятских говорах, 12 – в восточноурятских, 1 явление в южнобурятских. Кроме того, в говоре северных селенгинцев найдено 9 морфологических явлений, соответствующих таковым же в восточных и западных говорах, 10 явлений, общих с восточными и южными говорами, 14 морфологических явлений, характерных для западных, восточных и южных говоров (они появились в говоре северных селенгинцев в результате взаимодействия всех сравниваемых языковых подразделений). Специфически северноселенгинских морфологических явлений найдено 5.

Распределив соответствующие (адекватные) морфологические явления по группам говоров¹, получаем следующие статистические данные: явлений, имеющих соответствия в восточных говорах, насчитывается 26,2, что составляет 47,5 процента, в западных – 13,2, то есть 24,0 процента, в южных – 10,7, то есть 17,8 процента, специфически местных (северноселенгинских) морфологических явлений – 5, то есть 9,0 процента.

Итак, по морфологии северноселенгинского говора значительное большинство соответствий приходится также на восточнобурятские говоры (47,5 процента).

Лексические особенности говора

Рассмотрим названия предметов и явлений, употребляющиеся в северноселенгинском говоре, и сравним их с соответствующими названиями в восточных, западных и южных группах говоров бурятского языка.

Лексические единицы северноселенгинского говора, употребляющиеся параллельно в западнобурятском наречии, но отсутствующие в восточных и южных говорах бурятского языка:

1. Деревянная юрта в северноселенгинском говоре называется һөри, һөрин гэр, в западнобурятских говорах – һөрө, һөр. Ср. вост. зуһалан гэр, зуһалангай гэр; юж. дзусланаэ гэр, дзусаал, балгоос (балгос).

2. Доска в северноселенгинском и эхирит-булагатском говорах

¹ Соответствия, имеющиеся в двух или трех наречиях, распределены между ними поровну.

обозначается словом зартагаз, а в восточном и южном наречиях — хабтагаз.

3. Мошку северные селенгинцы называют боргооюн — Нижняя Иволга, Оронгой, юмор боргооюн — Хурамша, Харгана, Сутой, Жергалантуй, дэлэичэ — Бургастай, Тухум. Ср. зап.-бур. боргооюн; вост. мухар пошко; юж. илаа, ялаа (в цонгольском говоре), бургуус (в сартульском).

Лексические единицы северноселенгинского говора, употребляющиеся параллельно в восточнобурятском наречии, но отсутствующие в западных и южных говорах бурятского языка:

1. В северноселенгинском и восточных говорах цветок сараны (красная лилия) называется улаалзаэ, в южнобурятском наречии — тумуснуи улаан или тумуснуи цэцэг, в западнобурятском наречии — ыараанаэн сэсэг.

2. В рассматриваемом говоре и в восточнобурятском наречии заноза обозначается словом шэртээн, в южном диалекте — үргэс, модо, в западных говорах — модо, кумэ: модо роо, юмэ роо (заноза попала).

3. Пиджак в северноселенгинском говоре и восточном наречии называется хууртиг, в южнобурятских говорах — костюм, в западном наречии — польтоо (больтоо), пинжааг.

Лексические единицы северноселенгинского говора, употребляющиеся параллельно в южнобурятском наречии, но отсутствующие в западных и восточных говорах бурятского языка:

1. Дверной крючок — сев.-сел. тээг, шагта (лишь в селе ларгана этот предмет называется гохо). Ср. юж.-бур. тээг (халх. также тээг); зап.-бур. хүшэлгэ, гохо, дэгээ (ср. калм. дегэ); вост.-бур. шэбхэ.

2. Кол — сев.-сел. гадаһа (н), юж.-бур. гадас. Ср. зап.-бур. хабшалга, шоро; вост.-бур. ыаднаг.

3. Кровать — сев.-сел. орон; юж. оро. Ср. зап. кровать; вост. шэрээ.

4. Сундук — сев.-сел. сундууг; юж. сундууг, абдар. Ср. зап. хоото; вост. ханза.

5. Кадка для отстаивания молока — сев.-сел. табхаансаг, тэбхээнсэг; юж. (сел.-цонг.) табхаансаг; сарт. торхо. Ср. зап. матаар, тэбхээр; вост. оеорсог, баэлгансаг.

6. Спички — сев.-сел. зуруул, дзуруул; юж. дзуруул. Ср. зап. (эх.-оул.) спичкэ, шээрэнхи; вост. шиира.

7. Мука — сев.-сел. гурил; юж. гурил. Ср. зап. талхан; вост. талхан.

8. Пахта — сев.-сел. аэраг; юж.-бур. аэраг. Ср. вост.-бур. иилгэдээн; зап.-бур. паахта, зөөхээн уян.

9. Хлеб - сев.-сел. талха (н); юж. талха. Ср. зап. хэлеемэ; вост. хилээмэн.

10. Заплатка - сев.-сел. нүхөөнө; юж. нүхөөс. Ср. зап. хадхааса; вост. халааһан.

11. Карась - сев.-сел. үхэр загаа (н); юж. үхэр дзагас, нууры хүтэгэр. Ср. зап. зоодээ, тараасха; вост. хөөлнтий.

12. Кочка - сев.-сел. (кяж.-цонг.) дэгнүүл; сел.-цонг. болдог. Ср. вост. болдог; зап. бута, сохое.

13. Затылок - сев.-сел. шэлэ; юж. шэлэ, толгоэн шэлэ, толгоэн ара. Ср. зап. гээзэг; вост. шэлэ хүзүүн, тархийн ара.

14. Плита - сев.-сел. шэрэм, хандза; юж. шэрэмэ, хандза, ачааг. Ср. вост. ушааг, пилтаа; зап. плитаа (с фонетическими вариантами).

Лексические единицы северноселентинского говора, употребляющиеся параллельно в западнобурятском и восточнобурятском наречиях, но отсутствующие в южных говорах бурятского языка:

1. Отец - сев.-сел. бааваэ¹; вост. и зап. бааваэ. Ср. юж. ава.

2. Дед по отцу - сев.-сел. үвгэн бааваэ; вост. хугшэн бааваэ; зап. өтөө, өтөө бааваэ (тообаэ). Ср. юж. үвгээ, үвгөө.

3. Старший брат - сев.-сел. ахаэ; вост. ахаэ; зап. ахаэ. Ср. юж. авагаэ.

4. Колесо - сев.-сел. мөөр, мөөрэ; зап. мөөр; вост. мөөри. Ср. юж. догон, донгери, хольцоо.

5. Окунь - сев.-сел. алгана - Сутой, Оронгой, барваанчаг - Бургастай, Тахой, Мергалантуй; вост. и зап. алгана. Ср. юж. шаргалаг, шаргаадаэ.

6. Полюнь - сев.-сел. үрмөэн, өрмөё; зап. өрмөён; вост. га-щуун үрмөдээн. Ср. юж. шаральджаа.

7. Роса - сев.-сел., вост., зап. шуудэр. Ср. юж. чииг, набсаа.

8. Откармливать - сев.-сел. шахаха, шахка; вост. шахаха; зап. шахха (шахка). Ср. юж. бордохо.

9. Грубый точильный брусок в изучаемом говоре, как и в западном и восточном наречиях, - хаэраг, а в южных говорах - шэруун булзу.

10. Действие "убегать" в северноселентинском говоре, в восточном и западном наречиях бурятского языка обозначается глаголом тэргэлхэ (вост.-бур. наряду с тэрьелхэ). Ср. юж.-бур. дзугтааха, дзугдаха.

Лексические единицы северноселентинского говора, употребляющиеся параллельно в восточнобурятском и южнобурятском наречиях, но отсутствующие в западных говорах бурятского языка:

¹ В селе Бургастай: ава - отец, бааваэ - дед.

1. Потолок - сев.-сел. потлоог; юж. потлоог; вост. потлоог, дээдэ палааха. Ср. зап. үхээ.
2. Окно - сев.-сел. сонхо, изредка онгоошхо¹; вост. сонхо, онгоошхо; юж. цонхо, онгоошхо. Ср. зап. шагаабар (с фонетическими вариантами).
3. Ящик (для вещей) - сев.-сел. хаэрсаг; вост. хаэрсаг; юж. хаэрцаг. Ср. зап. яшаг, бишыхан хобта.
4. Выдвижной ящик стола - сев.-сел. шургуул, таталга, ьугалга; вост. ьугалга; юж. сугалга, шургуул, татамал. Ср. зап. хомоод, ходлуур, остооли хобта.
5. Жбан для сбивания масла - сев.-сел. хава; вост. хава; юж. сава. Ср. зап. булуур, торха.
6. Мутовка для сбивания масла - сев.-сел., вост., юж. бэлуур. Ср. зап. аша.
7. Обруч - сев.-сел. боолто, ооворша; вост., юж. боолто. Ср. зап. сөхэ (с фонетическими вариантами), бөөшэ.
8. Корыто (для мяса) - сев.-сел., вост., юж. тэбшэ. Ср. зап. (эх.-бул.) шидага.
9. Сито - сев.-сел., юж. шэгшуур; вост. ьагшуур. Ср. зап. шилкуур, ьаэгуур.
10. Тарелка - сев.-сел., вост., юж. таваг. Ср. зап. (эх.-бул.) тореолхо. Ср. зап. аяга - суповая чашка (миска).
11. Чашка (пиала) - сев.-сел., вост., юж. аяга. Ср. зап. тагша (с фонетическими вариантами).
12. Фарфоровый стакан - сев.-сел. шаажан аяга; вост. шаажан астахаан; юж. шаадзан астахаан. Ср. зап. хонхор.
13. Блюдец - сев.-сел., вост., юж. бэлюүдцэ. Ср. зап. яла, ялабгаэ, яланхаэ, жалгар.
14. Вилка - сев.-сел. биилхэ, изредка сабха; вост. биилхэ, нэрээ; юж. оиилхэ, сабха, сэрээ. Ср. зап. (эх.-бул.) шөбөгэ (с фонетическими вариантами).
15. Сковорода - сев.-сел., вост., юж. усхавардаа (с фонетическими вариантами). Ср. зап. (эх.-бул.) яланхаэ.
16. Чайник - сев.-сел. заваяа, гүсэ; вост. гүсэ, юж. (цонг.) дзаваяа, сарт.² гүцэ. Ср. зап. (эх.-бул.) шаанаг (с фонетическими вариантами).
17. Лялька - сев.-сел. үлгээ; вост., юж. үлгүи. Ср. зап. (эх.-бул.) өөөэ.

¹ Сведомители из сел Харгана и Сутой рассказывают, что их деды говорили онгоошхо, а теперь уже стали говорить сонхо.

² В халха-монгольском языке - дзальма, гуц, данх.

18. Лестница - сев.-сел., вост. гэшжүүр; кж. гэшжүүр. Ср. зап. (эх.-бул.) дамжуурга.
19. Зеркало - сев.-сел., вост., кж. гэрэл. Ср. зап. (эх.-бул.) зээркэл.
20. Замок - сев.-сел., вост., суурга; цонг. цуурга. Ср. зап. (эх.-бул.) бархаг, сидууса.
21. Ключ - сев.-сел., кж., вост. тультюур. Ср. зап. неэбрэ, оньон, шураб, хилууса (с фонетическими вариантами).
22. Посох (трость) - сев.-сел., кж. таяг, толуур || тулуур, вост. толгуур || тулгуур. Ср. зап. норьбо, набаа.
23. Веревка - сев.-сел., вост. аргамжа; кж. аргамджа. Ср. зап. ооюр, верёовко.
24. Веник - сев.-сел., кж. бээниг (биинэг), харганаа; вост. бээниг (биинэг), хамуур. Ср. зап. эльбүүр.
25. Айрак - сев.-сел., вост., кж. аэраг. Ср. зап. хөрөнгө.
26. Платье - сев.-сел., кж. палаати (палаатиг); вост. палаати. Ср. зап. халдаэха, булуза.
27. Тряпка - сев.-сел. трябка, бүд; вост. трябка, аршуул; кж. трябка, арчуул. Ср. зап. (эх.-бул.) өрөмгө.
28. Пимы - сев.-сел., вост., кж. пэнии. Ср. зап. (эх.-бул.) дугтуи.
29. Стелька - сев.-сел., вост. дүрэнхэ; кж. дүрөнкө, улабча. Ср. зап. (эх.-бул.) хагдан.
30. Вол - сев.-сел. сар, шар; вост. сар; кж. шар. Ср. зап. (эх.-бул.) үхэр.
31. Челка (у лошади) - сев.-сел. хүхэл, намназ; кж. хүхэл; вост. намбаа. Ср. зап. хохоол (нохоол).
32. Пшеница - сев.-сел., вост., шэниисэ; кж. шэницэ. Ср. зап. улаан тарьян (изредка тэниисэ).
33. Жигало - сев.-сел. сорьжур, сорьжуул; вост. сорьжуул; кж. цорьжуул. Ср. зап. хаджуур.
34. Ось телеги - сев.-сел., вост., кж. гол. Ср. зап. (эх.-бул.) тээли.
35. Плетка - сев.-сел., кж., вост. ташуур. Ср. зап. минаа.
36. Рубанок - сев.-сел., вост., кж. харуул. Ср. зап. шударга, струужэ.
37. Суслик - сев.-сел. зумбараа; кж. дзумбараа; вост. зумбараан, үрхэ. Ср. зап. (эх.-бул.) өрхэ, өрхи.
38. Голубь - сев.-сел. тагтаа, гулабхаа; кж. тагтаа; вост. гулабхаа. Характерно, что северные селенгинцы, живущие в соседстве с южными бурятами - Бургастай, Тухум, Жергалантуй, Харгана - говорят тагтаа, а живущие ближе к восточным бурятам - Нижняя Иволга, Оронгой, Хурамша - гулабхаа. Ср. зап. бурхан шубуун.

39. Лебедь - сев.-сел., юж. хун || хон; вост. хун. Ср. зап. сагаан шубуун.
40. Завтра - сев.-сел. үглөөдэр, үглөө; вост. үглөөдэр; юж. үглөөдөр. Ср. зап. малгаар, маргааша.
41. Подорожник - сев.-сел. тава ыалаа набша, тава ыалаа, таван ыалаата; вост. тава ыалаа; юж. таван салаа набча, таван салаата. Ср. зап. шөрмөён ногоон, табан хурган, хуитэн набша.
42. Дождь - сев.-сел., юж., вост. бороо (н). Ср. зап. хура.
43. Радуга - сев.-сел., вост. ыолонго; юж. солонго. Ср. зап. үнэгэн эзии шээгээ, бурхан баабаз тогоогоо нэрээ.
44. Мама - сев.-сел., вост. эжы; юж. эджи. Ср. зап. маамаа, маамаэ.
45. Лоб - сев.-сел. духа (изредка сохо); вост. духа || дохо; аг. сохо; юж. дохо. Ср. зап. (эх.-бул., бох.) маалаа.
46. Ключица - сев.-сел. эгэм; вост. ээм; юж. (сарт.) эгэм; цонг. тобчолуур. Ср. зап. (эх.-бул.) мөр¹.
47. Коса (у девушки) - сев.-сел., вост. гэзэгэ; юж. гэдээгэ. Ср. зап. саажа.
48. Дочь - сев.-сел. басаган, хүүхэн, өхөн; вост. басаган; юж. хүүхэн, үхөн. Ср. зап. сааштаэ (с фонетическими вариантами)².
49. Ребенок - сев.-сел., вост. үхивүүн; юж. үхьхувүүн. Ср. зап. хөөхээ, буубаз.
50. Муж - сев.-сел., вост., юж. үбгэн, нүхэр (с фонетическими вариантами). Ср. зап. хураэха.
51. Жена - сев.-сел., вост. ыамаган; юж. самаган. Ср. зап. хүгшэн, эзы.
52. Зайка - сев.-сел., вост., юж. ээруу. Ср. зап. хэлжээ.
53. Читать - сев.-сел., вост., юж. уншаха || умшаха. Ср. зап. дуудаха.
54. Писать - сев.-сел., вост. бэшэхэ; юж. бэчихэ. Ср. зап. зураха.
55. Думать - сев.-сел., вост., юж. бодохо. Ср. зап. шэбшэхэ, ыанаха.
56. Встретиться - сев.-сел., вост. уулзаха; юж. уулдзаха. Ср. зап. ушарха, золгодохо.
57. Бить - сев.-сел., вост. сохихо; юж. цохохо. Ср. зап. налиха.

¹ В западнобурятских говорах ээм - плечо. Ср. сев.-сел., вост., юж. эгэм - ключица.

² В некоторых населенных пунктах, где распространено западное наречие, например в селе Булук Эхирит-Булагатского района Иркутской области, сааштаэ - сестра.

58. Спешить - сев.-сел., вост., юж. яарха. Ср. зап. мэндэхэ, тэбэдхэ.

59. Разговаривать - сев.-сел., вост. хөөрэлдэхэ; юж. хөөрэл-цөхө. Ср. зап. зугаалха.

60. Бросать - сев.-сел., вост., юж. шэдэхэ, хаяха. Ср. зап. (эх.-бул.) ообордохо, намнаха.

61. Картофель - сев.-сел. хартаабха, хортообхо; вост. хартааб-ха; аг. хортообхо; юж. (сел.-цонг.) хортообхо; нях.-цонг. бүүль-вэ. Ср. зап. яабалха, яабал.

Лексические единицы северноселенгинского говора, употребляющиеся параллельно в западнобурятском и южнобурятском наречиях, отсутствующие в восточных говорах бурятского языка:

1. Пенка - сев.-сел. үрмэ; зап. үрөм, үрэмэ; юж. үрөм. Ср. вост. (хор.) хушөөэн.

2. Медведь - сев.-сел. баабгаэ, бартахь; зап. баабгаэ, хара гүрөөэн; юж. хара гүрөөс, бартахь. Ср. вост. баахалдаэ.

3. Сон - сев.-сел., зап., юж. нээр. Ср. вост. ургээн.

4. Открывать - сев.-сел. пээхэ, онгоэлгохо; зап. неэхэ; юж. онгоэлгохо. Ср. вост. (хор.) таалха.

Лексические единицы северноселенгинского говора, употребляющиеся параллельно во всех трех сравниваемых наречиях - западнобурятском, восточнобурятском и южнобурятском.

Имеются в виду не общепурятские слова, совпадающие во всех или в большинстве наших говоров, а такие слова, которые различаются по диалектам, но во всех сравниваемых бурятских диалектах употребляются синонимично, в основном в результате их взаимовлияния.

1. Изба - сев.-сел. гэр, баэшан гэр, баэшан, изредка соол; вост. баэшан гэр, баэшан, ород гэр; юж. баэшан гэр; зап. соол, тура.

2. Полка - сев.-сел. таг, поолхо, данхаа^I; юж. таг; вост. таг; адяар; зап. (эх.-бул.) данхаэ.

3. Перегородка - сев.-сел. таалга, зовоор; вост., зап. таалга; юж. тасалга, дзавоор, үрөө (сказывается влияние на южное наречие со стороны других диалектов).

4. Сметана, сливки - сев.-сел. зөөхээ, сүсэгээ; зап. зөөхээ, саалгаса; юж. дзөөхээ, цүцөгүи; вост. зөөхээ - сметана, сүсэгээ - сливки.

5. Муха - сев.-сел. илааа (н), алыаа (н), хар илааа, бата-

^I В селе Тухум данхаа - открытый буфет в виде скамейки (дурвэн хултээ аскаама шеньде үндэр). В селе Сутой данхаа - открытый буфет с несколькими рядами полочек. В селе Маргана данхаа - своеобразный столик на четырех ногах для подставки чана.

ганаа; зап. илааһан, алаһан, харьяаһан; вост. алаһан; юж. батаганаа.

6. Комар - сев.-сел. боргооһо, бүгэтэр батаганаан; зап. батагана, боргооһон; вост. боргооһон, бүхэтэр батаганаан; юж. бургуус, илаа.

7. Одуванчик - сев.-сел. шар сәсэг (в селе Жергалантуй - зүгээн сәсэг); юж. шар цэцэг; вост. нямяя, шар сәсэг, ьүтээ сәсэг; зап. нямяяхаа, шар сәсэг, тумбаа сәсэг. Таким образом, название шар сәсэг (юж. шар цэцэг) встречается во всех четырех сравниваемых языковых подразделениях. Это, очевидно, типологическое сходство, не связанное ни с взаимовлиянием, ни с генетическим родством (название дано по желтому цвету растения).

8. Пол - сев.-сел. поол, палааха; вост., юж. поол, палааха; зап. поол, оёор, алаабси.

9. Печь - сев.-сел., вост. пеэһэн; юж. пеэчин; зап. пеэшэ, соол.

10. Дымход - сев.-сел. хоолоэ, үрхэ; вост. хоолоэ; юж. хоолоэ, яндан, чуваал, турваа, үрхэ (изредка сорго); зап. өрхө, сорго.

II. Железное ведро - сев.-сел. зантуу, хотеол, бидаруу, хүнэг; зап. зантуу, ьуулга; вост. хүнэг, бидаруу; юж. (цонг.) бидаруу, (сарт.) хотеол.

Специфически северноселенгинокие (узко диалектные) слова:

1. Журавль колодца - дүүжэгэ, дүүшхэ^I, жэрвээс (с фонетическими вариантами жэрвээс, жэрвээцэ²). Ср. юж. адзарга модо³; вост. саха; зап. гонзоли.

2. Коромысло - сев.-сел. хоромысоол (с фонетическими вариантами). Ср. зап. тээг; юж. ургэбчи; вост. ургэбшэ, үлдүүр, дүхээг.

3. Матерчатый мешочек - сев.-сел. мэшээг, заа мэшээг. Ср. вост. туулмаг; юж. агсаа, шуудаа, дзулвадха; зап. (эх.-бул.) хаабшаг, хаабша.

4. Колечко - сев.-сел. хольцоо. Ср. зап. орёодоһон, ээмэг; вост. бэһэлиг; юж. бислаг.

5. Бабушка по отцу - сев.-сел. һамаа, һамджи. Ср. юж. эмэгээ; вост. хугшэн эжи; зап. төөдээ, хольти иибии.

6. Старшая сестра - сев.-се. сэтээ. Ср. вост. абгаа (преимущественно); юж. увашхаа, бааһаа; зап. сааштаа (с фонетическими вариантами).

^I Заимствовано из русского: "дужка" (от основы "дуга").

² Заимствовано из русского: "жеребец".

³ Калька с русского, досл. "жеребец-дерево".

7. Жена старшего брата - сев.-сел. хээтээ (изредка авгаэ). Ср. вост. авгаэхан; юж. ахаэ; зап. ахадаа.

Всего взято нами для сравнительного рассмотрения 113 лексических единиц, употребляющихся в говоре. Из них 3 слова бытуют в западных говорах, 3 - в восточных, 14 - в южных говорах, 10 - как в западном, так и в восточном наречиях, 61 слово - и в южном, и в восточном наречиях, 4 - и в южном, и в западном наречиях, 11 - и в восточных, и в южных, и в западных говорах¹, 7 слов - специфически северноселенгинские.

Распределив соответствующие лексические единицы по наречиям, получаем следующие данные: слов, имеющих соответствия в восточном наречии насчитывается 42,1, что составляет 38,1 процента, в западном - 13,6, то есть 12 процентов, в южном - 50,1, то есть 44,3 процента, специфически диалектных слов - 7, что составляет 6,2 процента всех взятых нами лексических единиц.

Итак, в лексике северноселенгинского говора большинство соответствий падает на долю южнобурятских (44,8 процента) и восточнобурятских (37,2 процента) говоров. В лексике изучаемого говора заметно меньше соответствий с исходным, западнобурятским наречием (11,7 процента).

Если возьмем северноселенгинский говор в целом, то получим следующее соотношение: соответствий с восточнобурятским наречием - 33,1, что составляет 43,5 процента (в фонетике - 45,0, морфологии - 47,5, лексике - 38,1 процента), с южнобурятским - 74,1, то есть 28,1 процента (в фонетике - 24,0, морфологии - 17,8, лексике - 44,3 процента) и с западнобурятским наречием - 40,6, то есть 23,3 процента (в фонетике - 25,0, морфологии - 24,0, лексике - 12,0 процента). Специфически диалектных явлений - 15, то есть 6,3 процента².

Для наглядности изобразим данное соотношение в таблице.

При изучении диалекта северных селенгинцев нами сделана попытка комплексного использования сравнительно-статистического и частично лингвогеографического метода. На основе этого можно заключить, что в результате дифференциации исходного, западнобурятского наречия и контактирования его с близкородственными восточно- и южнобурятскими говорами на новом месте образовался качественно новый диалект. Он вобрал в себя черты всех трех указанных групп бурятских говоров, а также приобрел свои специфические особеннос-

¹ Они появились в северноселенгинском говоре в результате взаимодействия всех сравниваемых нами языковых подразделений и употребляются в говоре как синонимы.

² Эти цифры являются средними. Могут быть небольшие отклонения в ту или иную сторону в зависимости от тем, вопросов программы.

Языковые явления	Соответствия со сравниваемыми на- речиями (в процентах)		
	восточно- бурятским	южнобу- рятским	западно- бурятским
Фонетические	45,0	24,0	25,0
Морфологические	47,5	17,8	24,0
Лексические	38,1	44,3	12,0
В с е г о . . .	43,5	28,7	23,8

ти. При этом в речи северных селенгинцев значительно преобладают признаки, характерные для восточнобурятских говоров, особенно в области фонетики и морфологии. Поэтому диалект северных селенгинцев следует считать самостоятельным, назвав северноселенгинским говором, и отнести его к восточнобурятскому наречию.

О ЯЗЫКЕ ЗАКАМЕНСКИХ (АРМАКСКИХ) ХАМНИГАН

Небольшая этнографическая группа хамниган — представителей тунгусских родов заектаев и цингидинов, проживавшая в восточной части нынешнего Закаменского аймака Бурятской АССР, почти полностью смешалась с местными бурятами. Этот процесс ускорило, видимо, еще одно обстоятельство. С самого начала переселения указанных родов из Култукского урочища с берегов Байкала в Закамну примерно с конца XVII века, а также до этого переселения среди них жили представители бурятского рода тэртэ, разделявшегося в свою очередь на I-й (или большой) и 2-й (или малый) роды. Наряду с тунгусскими родами заектаев и цингидинов эти бурятские роды числились в составе Армакской инородческой управы со времени ее образования.

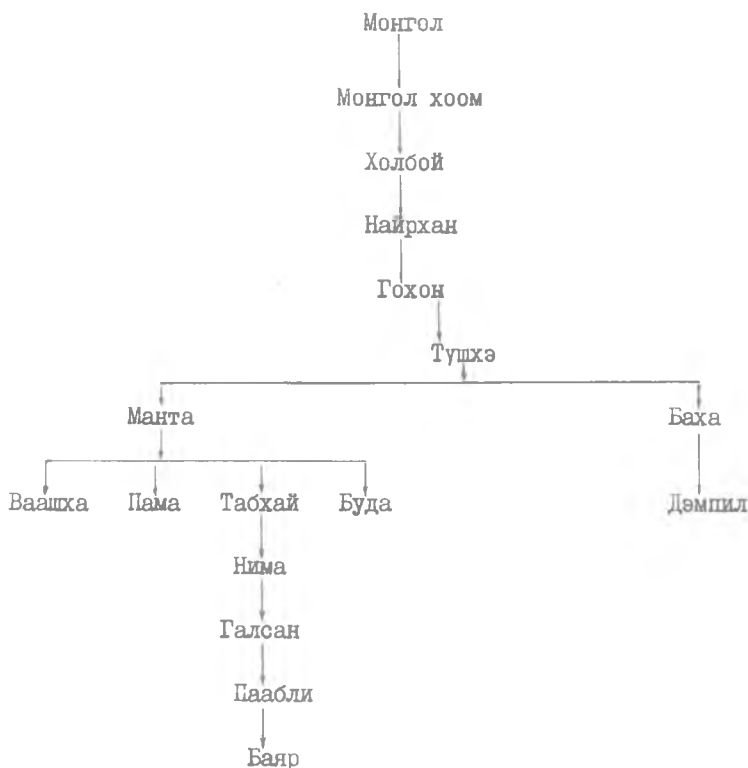
Кроме того, имелись случаи присоединения к рассматриваемой группе монголов¹. Так, например, в составе заектаева рода имеется небольшая группа людей, которая повела свою ветвь от бахасар-урянхай (монгола, выкраденного тунгусами), видимо, в XVII веке. Родословная представителя этой ветви Галсана Табхаевича Нимаева (1901 года рождения, из села Мыла Закаменского аймака) насчитывает 12 поколений, что составляет более 300 лет.

Среди закаменских хамниган и бурят распространено предание о получении ими удостоверения, выданного русским царем на пользование земель (улаган даанна). Документ тиснен, по словам рассказчиков, на обработанной коже, обгоревшая часть которой сохранилась до 20-х годов нашего века, а потом потерялась². Право на получение этого документа заслужил предводитель закаменских хамниган

¹ См.: Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 302.

² Дымпил Гармаевич Гармаев, 1897 года рождения, из рода тэртэ, проживавший в селе Цакир Закаменского аймака, говорил, что в 20-х годах он видел своими глазами обгоревшие остатки этого документа.

Обо Монголов, который оказал услуги посланникам русского правительства в проведении государственной границы между Монголией и Россией. Одновременно с ним другой предводитель бурят Амор, проживавший со своими сородичами по реке Хамней, получил в 1728 году золотое знамя за создание административного рода и оказание помощи графу Савве Рагузинскому в проведении границы. С монгольским посольством Амор попал к царю, который пожаловал ему патент с приложением золотой печати об освобождении Амора, его четырех братьев и их внуков от всяких налогов и повинностей и назначил ему жалованье^I.

История образования подгородного рода и устные предания закаменских хамниган наделяют и Обо Монголова, и Амора почти одинаковыми чертами. Оба они являются историческими личностями, вышедшими в свое время из Монголии и принявшими русское подданство, оба

^I См.: С. Д. Дыльников. Из истории селенгинских бурят. - "Краткие сообщ. Ин-та народов Азии", 83. Монголоведение и тюркология". М., "Наука", 1964, стр. 143-145.

приобрели известность своими заслугами во время проведения русско-маньчжурской границы. О первом из них — предводителе хамниган — известно также из царского Указа 1740 года, направленного в Култукское зимовье ясашным тунгусам зайсану Обо Монголову и шуленте Аюте (по всей видимости, Аюше или Аюме. — д. Д.) Чрылееву¹. По мнению местных осведомителей, Обо Монголов был выходцем из тюркского племени сойотов Монголии и до выхода на территорию России имел имя Салингаа (или Шалэнгаа || Шэлэнгээ)².

Из сказанного выше следует, что заектаев род тунгусов имел в своем составе бурят и монголов, к числу которых относились урянхайцы и сойоты.

Поскольку смешение закаменских хамниган, бурят и отдельных мелких групп монголов шло с давних пор, оно должно было оставить следы в языке бурят, проживавших вместе с ними. Закаменские хамниганы не отличаются от закаменских и джидинских бурят ни хозяйством, ни бытом и ни культурой.

В языке армакских хамниган бытует лишь несколько сильно модифицированных тунгусских слов, которые с трудом воспроизводятся отдельными лицами. Так, например, армакские хамниганы говорят гонихи гогорбо (годорбо) — собака лает, тунгусы — гинакин (ненакин) — собака, гогор — лай (гого-ми — лаять); армак. хамн. нунааг — девочка, и тунг. хунаат означает "девочка"; армак. хамн. омондиг — сын, тунг. омонгии — юноша, молодой человек; армак. хамн. тоохи — сохатый, тунг. тоокии — лось; армак. хамн. нилга — молодой ленок, тунг. нилбэн — мясо молодого животного, нилли — рыба чешуя. Наличие отдельных тунгусских слов в языке закаменских хамниган, на наш взгляд, служит подтверждением того, что их носители в прошлом были связаны с тунгусами.

В работе С. Г. Рыбакова, вкратце описавшего материальную культуру армакских хамниган³, обозначения отдельных предметов и понятий даны по-бурятски, например: мендамор! — здравствуйте!, шире — божница, годо — обутки или обувь, гутул — унты, хокданы — ветоши, выгон для охоты, кунук — подойник, мыкыр — растение со съедобным корнем, шамур — солодовый корень, гышыгэнэ — гусиная лапчатка, тумусу — сарана, мангир — лук, шудун — кровохлебка, суглан — сход или собрание. Отдельные предметы описаны С. Г. Рыбаковым более подробно. Так, он пишет, что армакские хамниганы носят шапки-ма-

¹ См.: С. Г. Рыбаков. Армакские тунгусы. — "Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отд. Приамурского отд. РГО", т. 51, вып. 1. СПб., 1903, стр. 53.

² Из рассказов Нороева Кубрага, 1884 года рождения, из рода Турай, из села Мыла и Гармаева Дымпила Гармаевича.

³ См.: С. Г. Рыбаков. Указ. соч., стр. 60—81.

лахай с наушниками, обшитые кругом из меха, иногда же целиком из меха, с красными кисточками и стеклянными шариками наверху. В чашку они сыпят жареную муку, хорошо смешивают с жиром и этой массой белят чай, что называется затураном. Из материалов С. Г. Рыбакова видно, что в языке предков армакских хамниган не было обнаружено тунгусских слов.

Язык современных армакских хамниган почти не отличается от языка закаменских бурят. В свою очередь говор закаменцев похож на тункинский говор бурятского языка. Здесь, вероятно, сказывается генетическая связь закаменцев с тункинцами.

Единственная специфическая черта речи армакских хамниган в отличие от языка закаменских бурят — употребление ими окончания исходного падежа —ааа (—ооо, —эээ), восходящего к —ааса (—оосо, —ээсэ), тогда как у закаменцев этот падеж бытует в виде —аа (—оо, —ээ). Под влиянием речи закаменцев эта особенность сейчас исчезает.

Если сравнить язык армакских хамниган с сартульским говором, то есть с языком соседних сартулов Джидинского аймака, то в них обнаруживаются фонетические, лексические и морфологические различия. Армакские хамниганы говорят на каком-то диалекте (хаба — жбан, мунээн — посуда), тогда как сартулы сакают (уса — вода, часа — снег). У армакских хамниган употребительны шипящие и свистящие спиранты (шуудэр — роса, хазаар — узда), а у сартулов и аффрикаты (сэнджэ — дужка ведра, арчуул — кiset). У армакских хамниган находим палатализацию согласных в начале слова, как это имеет место в бурятском языке (нюур — лицо, нүдэн — глаза), а у сартулов — отсутствие ее (нуур — лицо, нүдэ — глаза) и т. д.

Интересно также отметить то, что имеется небольшое количество слов, характерных для говоров прибайкальских, тункинских, закаменских бурят и армакских хамниган, но отсутствующих в сартульском говоре.

В языке прибайкальских тункинских, закаменских бурят и армакских хамниган	В сартульском говоре	В бурятском литературном	Значение
мунээнэ	амсарта	амхарта	посуда
ури, хий	хохир	хохир	сухой навоз
эргэнэг	хашалтан үүдэ	үүдэн	калитка
тоорог	тоос	тортог	сажа
нэжээд	нэгэ нэгээр	нэгэ нэгээр	по одному
мэтээр	тургэн	түргэн	быстро

дэбитхэр	шэрдэг	шэрдэг	войлочный матрац
иибии	эжн	эжн	мама
баабаз	аба	аба	папа
таабии	үбүгөө	хүгшэн аба	дедушка
сондоэ	арчуул	аршуул	кисет

В приведенных выше говорах встречаются также слова, имеющие фонетические различия:

ᠵᠵэбтэрхэ	нэбтэрхэ	нэбтэрхэ	промокнуть
ᠵэбтэ	нэбтэ	нэбтэ	насквозь
ᠵэргэ	эрги	эрье	баран (кастрированный)
эрмэг гутал	эрмэгтэй	эрмигтэй гутал	бурятская национальная обувь
хотиго	хутага	хутага	нож
жоргоо	дзургаа	зургаа	шесть
шилэ	хилэ	хилэ	граница

В то же время у армакских хамниган и закаменских бурят, с одной стороны, и у сартулов – с другой, наблюдаются общие слова, представляющие собой монголизмы:

В языке армакских хамниган и закаменских бурят	В сартульском говоре	В монгольском языке	В бурятском языке	Значение
цүгүцэ	цүгүцэ	цөгц	тахил	чашка для священной воды
талии тэлээ	тэлии тэлээ	тэлээ	үмдэнэй хирмэ	брючный ремень
тунгэрэг	тунгэрэг	тунгэрцэг	арьян туулмаг	кожаный мешочек для сухого чая
нюдарга	нудрага	нудрага	туруун	обшлаг на конце рукавов
ару нөөлгэ	ару нөөлгэ	ар нөөлэг	ой модон хин	лес хал-ветер- верховик
гурил	гурил	гурил	талхан	мука

Иногда в языке тункиноких, окинских, закаменских бурят и армакских хамниган встречаются монголизмы, по-видимому, отсутствующие у сартулов, например:

В тункинском, окинском, закаменском говорах	В литературном бурятском языке	В монгольском языке	Значение
яндан	түмэр пэшэн	яндан	железная печка
лута "очень"	тон	лут	грандиозный, великий
мээнэг	тэнэг	мээнэг	дураковатый, дурак
мээнэглэхэ	тэнэглэхэ	мээнэглэхэ	дурачиться

В говоре армакских хамниган имеются свои специфические слова, почти не встречающиеся в других говорах бурятского языка:

В языке армакских хамниган	В оурятском языке	Значение
зэмхэ (как и у закаменских бурят)	-	трава, растущая в озере
ордо	ургэн	запас пищи на зиму в норах полевых мышей
туурабчи	-	охотничья обувь, голенище которой из шерсти, а низ - из кожи
халтари	хохюур	сухостой
бүтээл	хабхаг	крышка

Нередко встречаются тюркские слова: армак., хамн. зото, бур. шагайта - бедренная кость, ср. др.-тюрк. Jода - голень, часть ноги, якутск. сото, алтайск. дьодо, тув. чода - голень, каракалп. жота - туловище, стан, уйгурск. йота - верхняя часть спины, лопатка, нога от колена до пояса; бедро, пах; горный хребет; армак. хамн. ободог, бур. мауза - подушка на седле, ср. калм. обд⁰ - подушка круглая, кирг. ободо - шитый в два слоя орнаментированный войлок, южн.-кирг. потник; армак. хамн. турсууг - посуда типа лукошка, ср.-кирг. торсук - бурдюк для хранения и перевозки жидкостей, тув. дорзук - подколенок, голень; бурдюк для хранения и перевозки кумыса и других жидкостей, хак. торсых, тат. турсык, башк. турыгт - бурдюк для хранения жидкостей; армак. хамн. бундай, бур. шэниисэ, ср. др.-тюрк. бугдай, кирг. буудай, казах. сидаи - пшеница и др. (буудай - возможно, не тюркское, а тюркс-

монгольское слово). Тюркские слова могли попасть в язык закаменских хамниган из тюркоязычных этнических элементов, имеющих в составе их.

В свою очередь под влиянием сартульского говора некоторые слова у закаменских хамниган произносятся, как и у сартулов: ср. бур. нүхэ, армак. хамн., сарт. сүхэ – топор; бур. шамаруу, армак. хамн., сарт. чамаруу – к тебе и т. д.

Из рассмотренных языковых фактов можно заключить, что малочисленная группа тунгусов в Закамне не могла сколько-нибудь повлиять на язык численно преобладавших над ними местных бурят. Нынешнее поколение закаменских хамниган говорит на закаменском и отчасти сартульском говорах бурятского языка. В языке местных хамниган осталось лишь незначительное количество тунгусских слов, а в области фонетики и грамматики следов от эвенкийского языка не обнаруживается.

ИЗ НАБЛЮДЕНИИ НАД РЕЧЬЮ БУРЯТ ГОРОДА УЛАН-УДЭ

В советском языкознании проблема обследования речи городского населения связана с именем проф. Б. А. Ларина. Он подчеркивал почти полную неисследованность к началу 20-х годов устной речи горожан, отмечая, что "декларируются, но не изучаются и более широкие наддиалектные типы устной речи"¹.

По мнению В. А. Ларина, изучение живой речи горожан поможет выяснить историю общенародного разговорного языка и построить научную теорию развития национального литературного языка. Он писал: "Городской фольклор, неканонизованные виды письменного языка, разговорная речь разных групп городского населения оказывает непрерывное и огромное воздействие на нормализуемый литературный язык, на высшие его формы"². Следовательно, "язык города" является важным источником образования литературного языка.

Б. А. Ларину принадлежит инициатива постановки вопроса о "языке города" как "третьего основного круга явлений", которому отводится самостоятельное место в разговорной речи между "высоким книжным языком" и "деревенскими диалектами". Он писал: "Разговорный язык города является конгломератом разнородных письменных и разговорных арг, каждый из которых представляет собой цельную систему и не является тождественным ни литературному языку, ни какому-либо крестьянскому диалекту. В большей или в меньшей степени они могут совпадать или с тем или с другим, но они своеобразны и по социальной основе, и по чисто лингвистическим признакам, а потому никак не сводимы целиком к двум первым сферам"³.

¹ Б. А. Л а р и н. Разговорный язык Московской Руси. - В сб.: Начальный этап формирования национального языка. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1961, стр. 23.

² Б. А. Л а р и н. О лингвистическом изучении города. - "Русская речь", 1928, вып. III, стр. 61-62.

³ Т а м ж е, стр. 64.

Проф. Б. А. Ларин, изучая язык горожан, выявил совершенно новое языковое образование, названное им "общим разговорным языком города", "городским просторечием" или "арго" и имеющим свою фонетику и морфологию.

Начало сложения наддиалектных образований данных типов устной речи связано с историческими условиями развития общества. Об историческом значении городских койне Ф. П. Филин писал: "Еще в феодальную эпоху в крупных городских центрах образовывались междиалектные койне, но их влияние не распространялось на всю территорию русского языка. С XVII-XVIII веков койне Москвы становится образцовым и общерусским и утверждается в крупных городах. Речь городского населения постепенно выключается из общей системы территориальных диалектов"¹.

В настоящее время в больших и малых городах имеются разноязычные коллективы, проживают представители различных диалектов и говоров, что создает благоприятное окружение для соприкосновения диалектов и сложения наддиалектных форм устной речи. В новых социалистических условиях даже в малых городах диалекты перестают прямо влиять на нормы литературного языка, а проникают в его состав и обогащают его через посредство городской речи, так как литературный язык в городах имеет сильное и все возрастающее влияние на территориальные диалекты. Изучение живой речи городского населения все больше и больше привлекает внимание ученых, и в настоящее время язык горожан широко исследуется методами "конкретной социологии" в Ленинграде (диалектологический кабинет имени Б. А. Ларина ЛГУ), в Москве (Т. С. Коготкова, Т. А. Бертагаев и другие), Саратове (О. В. Сиротинина, Л. И. Баранникова и другие), Воронеже (В. И. Собинникова), Горьком (Б. Н. Головин), Душанбе (А. А. Никольский), Пензе (В. Д. Лондалетов) и в других городах.

Объектом наших наблюдений послужила обиходно-бытовая речь бурятского населения города Улан-Удэ, которая рассматривается в бурятской диалектологии впервые.

Бурятский литературный язык, образовавшийся на основе хоринского диалекта как одного из самых распространенных, в своей основе является общенародным языком, но как и любой литературный язык обогащается за счет речевых средств других диалектов и обиходно-бытовой речи городского населения. История развития бурятского литературного языка довольно коротка, но тем не менее его

¹ Ф. П. Ф и л и н. К вопросу о так называемой диалектной основе русского национального языка. — В сб.: Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 27.

письменная форма установлена и получила широкое распространение среди масс. В условиях советского общества часть бурятского населения города Улан-Удэ уже владеет устной формой бурятского литературного языка, хотя некоторые носители диалектов, недавно прибывшие в город, могут сохранить в речи и диалектные своеобразия.

Город Улан-Удэ — столица Бурятской АССР. За годы Советской власти город превратился в крупный индустриальный, административный и культурный центр с населением свыше 250 тысяч человек. Развитие промышленности, экономики и культуры республики сопровождалось увеличением численности населения города.

Если до революции почти не было бурят среди городского населения, хотя они являются аборигенами края, то по переписи 1970 года в Улан-Удэ проживает 31 992 человека бурятской национальности, являющейся одной из основных в городе.

Бурятское население города Улан-Удэ непрерывно пополнялось и пополняется за счет сельских жителей, переезжающих из различных аймаков Бурятской АССР, бурятских национальных округов Иркутской и Читинской областей. Ныне здесь живут представители всех диалектов и говоров бурятского языка. В новой лингвистической среде происходит процесс интенсивного взаимодействия и взаимопроникновения разных диалектов и литературного языка.

Социальный состав улан-удэнских бурят неоднороден. В городе живут рабочие разных профессий, служащие различных ведомств, современная советская интеллигенция — люди разной социальной принадлежности, разного возраста, образования и культуры.

Бурятский язык активно функционирует в разговорной речи городских бурят — носителей разных диалектов, которые приспособляются к языку окружающей среды путем использования в речи литературных и диалектных особенностей. На основе концентрации языковых явлений в устном общении улан-удэнских бурят создается "нечто среднее между их родным говором и литературным языком"¹. Это "среднее" (или формы речи, переходные из диалектов в бурятский литературный язык) описывается нами в области лексики, фонетики и морфологии в сопоставлении с материнскими говорами информантов и литературным языком.

Было проведено наблюдение над разговорной речью бурят, проживающих длительное время в городе Улан-Удэ. При этом мы старались записывать обиходно-бытовую речь артистов Бурятского драматического театра имени Х. Намсараева, учителей восьмилетней школы № 47, республиканской школы-интернат № 1, преподавателей педаго-

¹ А. А. Д а р б е е в а. Развитие общественных функций монгольских языков в советскую эпоху. М., "Наука", 1969, стр. 58.

гического училища, научных сотрудников Бурятского филиала СО АН СССР и рабочих ЛВРЗ.

Всего информантов было 67 человек, из них 29 – носители западнобурятского, 12 – южнобурятского, 9 – восточнобурятского и 8 – прибайкальско-саянского (или промежуточного) диалектов¹. Их образовательный ценз неодинаков: с высшим специальным образованием – 43 человека, со средним специальным и общим образованием – 16, с неполным средним – 8 человек. Их возраст колеблется от 27 до 65 лет, длительность проживания в городе Улан-Удэ – от 8 до 42 лет (см. таблицу).

По характеру своей работы артисты повседневно употребляют бурятский литературный язык в его устной форме. Научные работники Бурятского филиала СО АН СССР пользуются бурятским разговорным языком в общении с бурятами, пишут научные и другие статьи, выступают по радио и телевидению, с лекциями перед трудящимися на бурятском литературном языке. Учителя школ ведут преподавание на русском языке, но в семье, между собой или с другими бурятами разговаривают по-бурятски. Рабочие ЛВРЗ в семье, на работе и в других местах с бурятами разговаривают на бурятском языке.

Лексические особенности

Известно, что лексика языка по сравнению с фонетикой и морфологией более подвижна, то есть подвергается быстрому изменению своего состава и объема. При описании лексического состава переходной формы речи улан-удэнских бурят мы говорим о диалектных и литературных словах, идентичных по значению, но различных по звучанию.

В условиях влияния литературного языка на диалекты обычно эквиваленты диалектной лексики выходят из употребления, оставаясь в языке художественной литературы для показа стилистической окрашенности языка. В условиях города Улан-Удэ некоторые диалектизмы, имеющие эквиваленты в литературном языке, становятся даже понятными и общеупотребительными для всех носителей диалектов и говоров. Например, широко бытуют в разговорной речи городских бурят слова, синонимичные по значению, но разные по происхождению:

существительные: лит. сонхо || хор. онгоошо зап. шагаабар, шабаагар – окно; лит. зун || зап., барг. нажар – лето; лит. тал-

¹ О классификации диалектов бурятского языка см.: Ц. Б. Цыдендамбаев. О диалектальных различиях в разговорном бурятском языке. – "Тр. БКНИИ СО АН СССР", серия востоковедная, вып. 3. Улан-Удэ, 1960, стр. III.

хан || иволг. гурил - мука; лит. хилээмэн || иволг. талхан - хлеб; лит. хахад || зап. халтагай, утархай - половина; лит. Һаалта || зап., южн. Һаад - препятствие; хор. кадьха || зап., южн. шиихан - фурункул; лит. Һамган || зап. ээи - жена; лит. хурьгэн || зап. хуряха - зять; лит. борос || зап., южн., барг. хура - дождь; лит. үгэ || зап., барг. хуур - слово; лит. жаргал || зап. зол - счастье; лит. ажал || зап. хүдэмэри - труд, работа и т. д.;

прилагательные: лит. богонихон || зап. охорхон - коротенький; лит. Һүрхэй || зап. Һайзгай кичливый, заносчивый;

глаголы: разг.-лит. хөөрэхэ || зап. зугаалха - рассказывать; хор. зөөхэ || лит. нүүхэ - кочевать; хор. бархирха || лит. уйлаха - плакать; лит. бэшэхэ || зап. зураха - писать; лит. хожомдохо || зап. таһарка - опаздывать; лит. уулзаха || зап. золгохо, ушарха - встретиться; лит. сухалдаха || зап. уурлаха || барг. гаараха - сердиться; лит. эхилхэ || южн., зап. захалха - начинать; лит. бодохо || зап. шэбшэхэ - думать и т. д.;

наречия: лит. || үглөөдэр || зап. маргаар, маргаадэр - завтра; лит. үглөөгуур || зап. маргааша - утром;

последлоги: лит. ашаар || зап. хабаар - благодаря, посредством; путем, с помощью; письм.-лит. дэргэдэ || хор. хажууда - возле, около и другие;

частицы: лит. тон || зап., южн. угаа - очень и т. д.

Некоторые из названных диалектных слов употребляются в периодической печати, художественной литературе и драматических произведениях в качестве синонимов, обогащая и развивая бурятский литературный язык.

При усвоении литературного языка носители западнобурятского, южнобурятского и прибайкальско-саянского диалектов часто употребляют в своей речи книжные или разговорные (иногда просторечные) слова и выражения из хоринского диалекта, легшего в основу литературного бурятского языка. В таких случаях нередко в одном предложении сочетаются книжно-литературные или разговорно-хоринские слова и формы наряду с диалектными словами и формами: Орой иигэжэ байжа (разг. сочетание) зугаалха (зап., ср. лит. дуугарха) ямар хун (Так уметь рассказывать, что за человек); Бузар гоёор (простореч. сочетание) харагдана (Смотрится очень красиво); Харшынтай (сарт., ср. лит. хоройнтай) үүдэнэй дэргэдэ (книж.) машина зогсобо (книж.) (У ворот вашего забора остановилась машина); Талыгинтай үзэлэй Һайн (простореч. сочетание) болошонхой (новолит. форма) ябахы ма (зап., ср. лит. ябаха юмэ) (Талыгины помирились и такие дружные идут); Ухаангуй (простореч.) энеэлдэшкообди (зап., ср. лит. энеэлдэбди) (Так сильно расхохотались); Хаа яа (простореч.) хүүрнуудээ (зап., ср. лит. үгэнүүдээ) мартана (Кое-когда

Социальная характеристика информантов

Социальная принадлежность	Количество информантов	Из них носителей диалекта				Образование			Возраст	Длительность проживания, лет
		запад-ноу-рятско-го	южно-бурятско-го	восточно-бурятско-го	присай-кальско-саянско-го	высшее	среднее	неполное среднее		
Артисты	22	10	5	4	3	10	12	-	30-60	15-42
Учителя	12	9	1	2	1	10	2	-	40-60	20-32
Научные работники	23	10	6	3	4	23	-	-	33-65	15-40
Рабочие	10	9	-	-	1	-	2	8	27-45	8-25
И т о г о . . .	67	29	12	9	9	43	16	8	27-65	8-42

забывает слова); Ямар зоболонтой (простореч.) шүхэрнүүдэгтшэб (хор., ср. зап. боохолдой йиб!) (Каким надоедливые черти!).

В разговорной речи улан-удэнских бурят образуются парные слова, компонентами которых являются диалектные и литературные слова, которые употребляются в речи носителей разных диалектов и литературного языка: Маргаар (зап.) (лит. углөө) худалмэртөө ошохоб – Завтра пойду на работу; Би наашаа харайжа (сарт., тунк.) (лит. гуйжа) ерээб – Я прибежала сюда; Ши хэлыш (лит.) (зап. зугаалыш) тэрээндэ – Ты скажи ему; Хожом уулзахабди (лит.) (зап., барг. золгохобди) – Потом встретимся.

Употребление литературного слова вместо диалектного иногда оказывается непоследовательным. Если в предложении встречаются два диалектизма, то одно из них может быть заменено, а другое оставлено:

В диалекте	Переходная форма	В литературном языке	Перевод
бох. угаа ер-хэштэй хүн	булай (вм. угаа) ерхэштэй хүн	булай муухай хүн	очень противный человек
барг. эзиинь арба наа аха	хамганиинь (вм. эзиинь) арба наа аха	хамганиинь арба наа эгэшэ	жена старше на десять лет

В предложении могут употребляться не только лексические, но и фонетические, морфологические диалектизмы, которые также иной раз подвергаются замене литературными соответствиями, причем не всегда последовательно: говорящий заменяет один из диалектизмов литературным соответствием, а другой оставляет:

В диалекте	Переходная форма	В литературном языке	Перевод
эхир. Улад олон байгаа ии?	Зон (вм. улад) байгаа ии?	Зон олон байгаа гү?	Много было народу?
сарт. Би өөрөө арлигаа гээчэ гүб?	Би өөрөө арлигаа гээшэ (вм. гээчэ) гүб?	Би өөрөө хаяа гээшэ гүб?	Может быть, я сам потерял?
бох. Изиитээгээ буряаһаар хүүрээ хэлсэнэм	Һамгатаая (вм. изиитээгээ) буряаһаар хүүрээ хэлсэнэм.	Һамгантаяа буриадаар хөөрэлдэнэб.	С женой разговариваю по-бурятски.

В обиходно-бытовой речи улан-удэнских бурят наблюдается расширение или сужение значения некоторых литературных слов. В предло-

жении Мундэр зогсоо (вм. болео, тогтоо) гү? (Град перестал?) расширилось значение слова. Зогсохо (лит.) имеет следующие значения: "останавливаться" (машина зогсохо – остановится машина); "приостанавливаться" (зогсон татаха – приостановиться); стоять (хүн зогсоно – человек стоит). Приведем пример на сужение значения слова: Сабхийнгаа ульмыгөөр нюур хударнь (тугн.-хилок., вм. лит. уруунь) сохеодхино (Каблуком своего сапога он ударил в лицо). Уруунь (лит.) имеет значения "в, вниз, внутрь, прямо, под" и показывает направление чего-нибудь.

Наблюдается также смешение стилей – вместо обычного разговорного слова используются нейтрально-просторечные, аргогические или вульгарные слова: Зай, югээ шагаашообди (вм. разг. гэтэшообта)? (Ну, что уставились?); Хокулан бэе бээ наншажа (сарт., вм. лит. сохижо) оронод (Оба стали бить друг друга). На пути к освоению литературного языка представители разных диалектов вместо синонимичных диалектных слов употребляют литературные слова с некоторыми искажениями под влиянием своего говора или неправильно воспринимают их. Би тэрнийш эркулээб (вм. эрьюлээб) (Я его догонял); Үмэ доромжоолго (вм. доромжолго) хараабээб (Такого унижения не видела); Баааа (вм. бааа) унашоо йи тиэхэдээ (Снова упало, что ли); Тэрэмнай вун тухай бодолгошордог (вм. бодолготодог) болошооб (О чем же стал он у нас задумываться?).

Для наглядности сравним интересующие нас слова из приведенных примеров со словами материнского говора и литературного языка.

В диалекте	Переходная форма	В литературном языке	Значение
сарт. эргүүлээб	эркулээб	эрьюлээб	догоняя
бох. нет такого слова	доромжоолго	доромжолго	унижение
бох. нет такого слова	баааа	бааа	снова
бох. шэбшэхэ	бодолгошорхо	бодолготохо	задумываться

Следует отметить, что обиходно-бытовая речь улан-удэнских бурят развивается в основном в сторону сближения с бурятским литературным языком.

Коренные жители бурятского населения города под влиянием русского языка могут отреблять в речи слова кайгүй (вм. разг. бирагуй), шэрдэхэ (вм. лит. будаха): ямар кайгүй амитан бэ (какое нехорошее существо), буд шэрдэхэ (красить материал) или складывать посредством кальки с русского языка: Хоолойгоороо бу хашхара (Не кричи во весь голос).

Наблюдается употребление фразеологических оборотов с расширением значения или сокращением слов: Ши намтай толгойгоороо үзэлсэхэл байхаш (Ты со мной еще померишься умом). В литературном языке слово үзэлсэхэ означает "встретиться": Ши намтай үзэлсэхэл байхаш (Ты со мной еще встретишься). Харайн бодоод - вскочив - Ши харайн бодоод хүсэ (Вскочи и догони). В литературном языке ьуга харайн бодоод - вскочив : Ши ьуга харайн бодоод, хүсэ (Вскочи и догони).

Наблюдается взаимовлияние различных диалектов и говоров. Носители одних диалектов могут использовать в речи слова из других диалектов: Ямар наартайхан (зап., ср. иволг. аятайхан, лит. зохидхон) юмэб? (Какая хорошенькая штука?) и т. д. Таких примеров можно привести очень много.

Итак, в лексике обиходно-бытовой речи улан-удэнских бурят происходят некоторые изменения, которые несомненно заслуживают внимания как факты взаимовлияния диалектов и литературного языка.

Фонетические особенности

Система фонем в бурятском литературном языке не всегда совпадает с системой фонем того или иного диалекта или говора. Так, в частности, в консонантизме южноурятского диалекта вовсе отсутствует фарингальный ь. Поэтому носители цонгольского и сартульского говоров с большим трудом усваивают этот звук, часто путая его с близким по образованию увулярным звуком х, или, напротив, вместо последнего могут употребить фарингальный ь.

В южнобурятском диалекте	Переходная форма	В литературном языке	Значение
саба	хаба	ьаба	жбан
сайхан	хайхан	ьайхан	красивый
суугты	хуугты	ьуугты	садитесь
тэслээ	тэхэлээ	тэхьэлээ	разбил
хагелна	хаьална	хахална	пашет
дагача	даьаха	дахаха	следовать

Представители южнобурятского диалекта, стремясь говорить на бурятском литературном языке и намеренно заменив наиболее значительные звуковые отклонения своего диалекта, допускают произношение слов по фонетическим законам своего диалекта или, осуществив замену в начале слова, забывают сделать то же самое в конце его.

В южнобурятском диалекте	Переходная форма	В литературном языке	Перевод
Эндэмнай хони үсхэдэг гадзар байн.	Эндэмнай хони үсхэдэг газар байна.	Эндэмнай хони үдхэдэг газар байна.	В этой местности, оказывается, разводятся овец.
Ходжом өрджэ байгьт.	Хожом өрджэ байгьт.	Хожом өрөжэ байгьт.	Приходите еще к нам.
Ямар джэгтэй ем гээчэб.	Ямар джэгтэй гээшэб.	Ямар жэгтэй юм гээшэб.	Как это странно.
Ши үтхэлэнгүй суу.	Ши үтхэлэнгүй юу.	Ши удьхэлэнгүй юу.	Ты сиди и не пинайся.
Саарья үлтэрчинэ.	Саарья үлтэршэнэ.	Саарьян үлтэршэнэ.	Бумага мнется.

В приведенных примерах видим замену аффрикат ч, дж, дз соответствующими им целевыми ш, ж, з, но в силу звуковых своих законов остаются непалатализованным переднеязычный т, незаменимым целевой звук с.

Носители западнобурятского диалекта, стараясь употреблять в речи литературные слова вместо диалектных, часто подчиняют их фонетическому закону своего диалекта:

а) ввиду отсутствия в консонантизме боханского говора палатализованных согласных т, х в середине слова заменяются согласные:

в боханском диалекте	переходная форма	в литературном языке	значение
хүлхуса	түльхүүр		
силхуса	түлшүүр	түлхюур	ключ
неэбэри			
читаруулга	хоторуулга	хотируулга	калачик

б) под влиянием чередования согласных н, х, которое иногда допускается в боханском говоре, литературные слова, отсутствующие в говоре, получают такие формы: хамаагүй вм. лит. хамаагүй (безразлично), хадаа вм. лит. хадаа (если, скоро, так как, или является показателем подлежащего);

в) ввиду соответствия переднеязычных звуков т, д в литературном языке целевому с в качугском, эхиритском и других говорах западнобурятского диалекта, в городской речи складываются необычные формы: Ши хөөрэлсэл (вм. хөөрэлдэл) даа тэрэ хүнтэй (Ты поговори с этим человеком); Тэрэ багал энеэлсэнэ (вм. энеэлдэнэ) (Он с ними тоже смеется); Үдэшэ болсор (вм. болотор) театр ерхүүш (вм. лит. ерэхэ гүш) (До вечера в театр придешь) и т. д.;

г) носители западнобурятского диалекта, стремясь говорить на литературном языке, в некоторых словах заменяют губной о на увулярный г, или щелевой звук з меняют на ж. При этом вокализм слова оставляют по законам своего диалекта.

В диалекте	Переходная форма	В литературном языке	Значение
мартанбөө	мартангоэ	мартангуй	не забывая
аргабөө	аргагоз	аргагуй	очень
хэлэнбөө	хэлэнгээ	хэлэнгуй	не сказав
үдэрбөө	үдэргээ	үдэргуй	ни днем
изии	эжээ	эжи	мать

Носители западнобурятского диалекта и баргузинского говора очень часто путают употребление долгих гласных ээ, өө, ээ. Литературные слова подчиняют иногда фонетическому закону своих диалектов: Түхэрөөлэн (вм. лит. түхэрээлэн) һуунад (сидят кругом); зүжэгтэйгээ (вм. лит. зүжэгтэйгөө) ерхэб (досл. приду со своей пьесой); толгойгоо үргээд (вм. лит. үргөөд) харана (Подняв голову, смотрит); өөрээнкөөрөө (вм. лит. өөрынкээрээ) хэлэнэб (расказываю по-своему) и т. д.

Итак, в фонетическом отношении разговорная речь улан-удэнских бурят – выходцев из западных и южных районов этнографической Бурятии имеет тенденцию к олитературиванию наиболее бросающихся в глаза диалектных отклонений.

Морфологические особенности

В советский период значительное воздействие социальных факторов на живую речь бурят привело к ряду изменений в ее морфологическом строе. Разумеется сами основы морфологической системы не меняются, так как между бурятским литературным языком и диалектами нет больших грамматических расхождений. Речь идет об изменении отдельных деталей, касающихся способов словообразования, которое заключают в себе те или иные фонетические явления. В современной городской речи бурят зафиксированы в суффиксах имен и глаголов лишь некоторые отклонения от норм бурятского литературного языка и диалектов.

Шии хэлэжэртөө (ср. цонг. хэлтөө, лит. хэлэжэрхөө) бэшэ гүш? (Ты, по-моему, уже сказал?); Тэрэм театр гудор (цонг, гудор, ср. лит. уруу) ябajarтөө (ср. цонг. явтөө, лит. ябajarхөө) (Он вдруг пошел в сторону театра); Тыгээд (цонг., ср. лит. тиигээд уужартөөб (ср. цонг. уудтөөб, лит. уужархөөб) (Поэтому вдруг выпил).

Из этих примеров видно, что представители южнобурятского диалекта вместо своего суффикса -тео усвоили составной суффикс литературного языка -жархео (далее по гармонии гласных), приспособив его к фонетическому закону своего языка в виде -жартео (далее по гармонии гласных).

желательная форма глагола у представителей южнобурятского диалекта в городской речи образуется прибавлением к многократному причастию суффикса множественного числа -гууд (-гууд) и суффикса -най:

В южнобурятском диалекте	Переходная форма	В литературном языке	Значение
хараасы	харадагууд най	харадаг най	хоть бы посмотрели
очоосы	очидогууд най	ошодог най	если б пошли
ерээсы	ердэгүүд най	ерэдэг най	хоть бы пришли
хөөрөөсы	хөөрдэгүүд най	хөөрэдэг най	если б рассказали

Повелительно-просительная форма второго лица множественного числа и повелительно-наставительная форма второго лица единственного числа в обиходно-бытовой речи улан-удэнских бурят, в частности цонголов и сартулов, образуются путем прибавления к основе глагола аффикса -да (далее по гармонии гласных), вытесняя при этом суффиксы -гты и -гаарай (далее по гармонии гласных):

В южнобурятском диалекте	Переходная форма	В литературном языке	Значение
цонг. яваат	ябадагты	ябагты	идите же
цонг. очоот	ошодогты	ошогты	идите же
сарт. ерыт	ерэдэгты	ерэгты	приходите же
сарт. гарыт	гарадагты	гарагты	выходите же

Повелительно-наставительная форма второго лица единственного числа:

В южнобурятском диалекте	Переходная форма	В литературном языке	Значение
сарт. явыч	ябадагаарай	ябаарай	иди
сарт. очич	ошодогоорой	ошоорой	иди
цонг. ерээч	ерэдэгээрэй	ерээрэй	приходи
цонг. туугаач	туудагаарай	туугаарай	выгони

Повелительно-допустительная форма третьего лица, образующаяся в бурятском литературном языке посредством суффикса -уужа (-үүжэ) или -уужан (-үүжэн) в условиях города приобретает не только пове-

лительно-допустительную, но и повелительно-наставительную и повелительно-желательную формы третьего лица множественного числа путем присоединения к форме именного падежа суффикса множественного числа -д: Тэдэш манайда хонуужад (вм. лит. хонуужан) (Пусть они ночуют у нас) или Пурбындэ хонуужад, тэндэ ороорой (Может быть, ночуют они у Пурбо, заходи к ним); Еруужэдэгэл даа (вм. лит. еруужэн) (Ну пусть приходят); Галида хэлүүжэд (вм. лит. хэлүүжэн) (Пусть Гале скажут, или Как бы Гале не сказали).

Носители баргузинского говора, проживающие долгое время в городе, могут образовать по закону грамматики своего говора:

а) формы послелогов, обозначающих направление действия - гуурьяа хажуушань (вм. лит. хажуу тээшэнь) хаяадхина (свою ручку бросает в сторону); гэр руушань (вм. разг. руунь) эльгээгээб (отправил в сторону его дома);

б) формы наречий из слов, отсутствующих в говоре, слагают при помощи суффикса орудного падежа и основы прилагательного литературного языка - сэдхэл зурхэнэй найхаар (вм. лит. найханаар) болохо (решает доброе сердце); Намда бишхаар (вм. лит. бишыханаар) хэл даа (Налей мне немного);

в) формы существительных множественного числа при помощи суффикса -д, широко распространенного в баргузинском и эхирит-булагатском говорах: Залуушууд (вм. лит. залуушуул) клубтэ ошоо (Молодые пошли в клуб); Минии ахатам тугалшад (вм. лит. тугалшан) (Семья моего брата телятники).

Носители западнобурятского диалекта, употребляя литературные слова в своей речи, могут сложить существительные путем использования диалектного окончания исходного падежа -наа вместо литературного суффикса дательно-местного падежа -даа: Би багаһаа (вм. лит. багадаа) тэндэһээ гараһан байгааб (Я выехал оттуда, когда был маленьким); Гэртэһээн зааханһаа (вм. лит. заахандаа) гарааб (Из дома выехал, когда мне было всего несколько лет); Тиигээд лэ юэтэһөөн (вм. лит. юэтайдөө) баяшуулда хүдэлөөб даа (Потом с девяти лет начал работать на богачей).

Таким образом, для общедно-бытовой речи улан-удэнских бурят характерно взаимовлияние литературных и диалектных слов, создающее смешанные формы речи путем различных лексических, фонетических и морфологических явлений в устах одного и того же лица. Такое смешение связано с тем, что усвоение системы литературного языка носителями диалектов находится на стадии становления, в силу чего и имеют место различного рода колебания и взаимовлияние.

ПОСЛЕЛОЖНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВ
В ХОРИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ

В данной статье речь пойдет о послеложном употреблении слов в хоринском диалекте, а следовательно, и в литературном языке, в основу которого положен данный диалект.

Бурятский язык, входящий в семью монгольских языков, относится к агглютинирующим языкам. В нем, наряду с развитой системой склонения, имеются слова, по своим синтаксическим функциям соответствующие предлогам в индо-европейских языках. Эти слова, выполняя служебную роль, выражают различные пространственно-временные, причинно-целевые, комитативные, компаративные и т. д. отношения между членами предложения, тем самым дополняя и уточняя значения падежей. На наличие таких слов, несущих служебную функцию, обращали внимание все авторы монголо-бурятских грамматик, начиная с Я. И. Шмидта. Послелогои в различных грамматиках получали разные наименования: послеречие (Я. И. Шмидт)¹, предлоги (Александр Бобровников)², частицы и пустые слова (Алексей Бобровников³, Александр Орлов⁴ и другие), послелогои (в современных грамматиках)⁵. При этом состав слов, причисляемых указанными авторами к послелогам, не совпадает, что говорит о трудности разграничения этой группы слов. Затруднения в отнесении того или иного слова к послелогам вызывает тот факт, что процесс превращения знаменательных

¹ См.: Я. И. Ш м и д т. Грамматика монгольского языка. СПб., 1832.

² Александр Б о б р о в н и к о в. Грамматика монгольского языка. СПб., 1835.

³ Алексей Б о б р о в н и к о в. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.

⁴ А. О р л о в. Грамматика монголо-бурятского языка. Казань, 1878.

⁵ См.: "Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология". М., Изд-во вост. лит., 1962. Д. Д. А м о г о л о н о в. Современный бурятский язык. Улан-Удэ, 1958.

слов в служебные в бурятском языке не завершился, в силу чего одно и то же слово может встречаться как в своем исконном, самостоятельном значении, так и в служебном, послеложном употреблении.

Проблеме изучения предлогов (послелогов) в различных языках посвящено много работ¹. Их авторы приходят к выводу, что в языке нет раз и навсегда установившихся границ между частями речи, что одни части речи могут переходить в другие. Поэтому некогда полнозначные слова со временем могут потерять свое самостоятельное значение и превратиться в служебные слова. Таким путем и появляются предлоги (послелог) и другие служебные слова. Однако, не всякое слово может превратиться в предлог (послелог), а только такое, в лексическом значении которого заложена способность выражать релятивность, то есть отношения между словами. Сущность этого явления заключается в том, что полнозначное слово теряет свое старое категориальное значение и приобретает новое значение релятивности, свойственное именно предлогам (послелогам). Исходя из такой предпосылки, рассмотрим послеложное употребление слов в хоринском диалекте бурятского языка.

В хоринском диалекте встречается довольно много слов, употребляющихся постпозиционно и напоминающих послелог. В академической грамматике бурятского языка² такие слова носят название послелогов, которые разделены на четыре группы: послелог-имена, послелог-наречия, отглагольные послелог и собственно послелог.

Действительно, слова, имеющие послеложное употребление, по происхождению могут быть отыменными, отглагольными, отнаречными и отадективными, что и имеет место в хоринском диалекте. Когда полнозначное слово, обладающее определенным, только ему присущим лексическим значением, со временем начинает выполнять служебную функцию, в данном случае функцию послелога, то оно теряет старое категориальное значение и приобретает новое. Для примера можно взять бурятское слово хуул (хвост). Категориальное значение его — предметность. Однако в современном бурятском языке формы дательного-местного и орудного падежей этого слова выполняют служебную функцию, иначе говоря, приобрели послеложное значение, утратили

¹ См.: Ю. Н. М а з у р. Падежи и послелог в корейском языке. Канд. дис. М., 1953; Н. И. Ф е л ь д м а н. Послелог в современном японском языке. Канд. дис. М., 1944; Ф. К е н ж е б а е в а. Послелог и частицы в современном казахском языке. Канд. дис. Алма-Ата, 1964; Н. М. П р и г о р о в с к а я. Развитие отыменных предлогов в современном английском языке. Канд. дис. М., 1952; Е. Т. Ч е р к а с о в а. Переход полнозначных слов в предлог. М., "Наука", 1967 и т. д.

² См.: "Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология", стр. 301-316.

связь со старым категориальным значением и стали выражать просто отношение между словами в значении "после, за чем-нибудь", что связано с первоначальным лексическим значением, то есть здесь налицо понятие чего-то конечного, последнего, последующего, ассоциируемого с понятием "хвост". Например: дайнай хуулээр эндэ багшалжа эхилээ нэм (после войны я начал здесь преподавать). И в то же время это слово продолжает употребляться в своем исконном значении, например: эжымнай буруугай хуулээр хэбжур хэжэ үгэбэ (наша мама смастерила нам веер из хвоста теленка).

Следует заметить, что послеложное употребление наблюдается не у всех форм слов, а только у таких, которые могут выполнять функцию наречия в качестве разного рода обстоятельств места, времени, степени и т. д. Из этого можно заключить, что знаменательные слова переходят в послелогои через стадию онаречивания.

В хоринском диалекте послеложное употребление имеют некоторые имена существительные, прилагательные, местоимения в той или иной падежной форме (чаще всего в форме дательно-местного, орудного и исходного падежей), наречия, глаголы в какой-либо деепричастной или причастной форме. Наречия по происхождению восходят к именам и представляют собой в большинстве случаев отдельные застывшие падежные формы: газасагуур, хажуугаар и т. п. Кроме того, в функции послелогов выступают наречия, образованные от так называемых мертвых основ с помощью суффиксов -ра (-рэ, -ро), -на (-нэ, -но), -ша (-шэ, -шо): дээрэ - над, доро- под, наана - по, сааша - туда, нааша - сюда, дээшэ - вверх, доошо - вниз, хойшо - с, урагша - до, перед и т. д.

Имена существительные в послеложном употреблении

Число имен существительных, имеющих послеложное употребление в хоринском диалекте, незначительно, но их гораздо больше, чем в академической грамматике, в которой в качестве имен-послелогов перечислены всего шесть слов: багта (багаар) - около, бэе - тело, газаса - двор, нурган - спина, тала - степь, хуул - хвост. Все эти слова употребляются в самостоятельном и служебном значениях и в хоринском диалекте. По нашим данным, в хоринском диалекте, кроме них, есть еще ряд, временами выполняющих послеложную функцию: ара - спина, задняя или северная сторона чего-либо, арга - способ, метод, забхар - щель, оёор - дно, орой - вершина, хирэ - время, турша - промежуток, ёю - правило, обычай, традиция, ушар - случай, обстоятельство, аша - милость, благодеяние, услуга, туша - помощь, содействие (иногда эти два слова употребляются в парном сочетании: аша туша, точно так же, как и ушар шалтагаан),

хусэн || хушэн - сила, зэргэ - ряд, ступень, эбэр || лит. үбэр -
вжная, передняя сторона чего-либо и другие. Однако нельзя ска-
зать, что ими исчерпано количество имен существительных, способ-
ных употребляться в послеложном значении, потому что любое имя,
поставленное в синтаксические условия послелога и способное по
своему лексическому значению выражать релятивность, может выпол-
нять функцию послелога.

Перечисленные выше имена выполняют послеложную функцию глав-
ным образом в форме трех "пространственных" падежей: дательно-
местного, орудного, исходного. Это, видимо, объясняется тем, что
существительные в указанных падежах чаще всего являются обстоя-
тельствами места, времени и т. д. У имен в этих падежах ослабля-
ется категориальное значение предметности, в силу чего при даль-
нейшем абстрагировании они уже начинают выполнять служебную функ-
цию. Однако, на современном этапе их еще нельзя назвать чистыми
послелогами, так как все они продолжают употребляться в самостоя-
тельном значении как полнозначные имена. Подобное явление имеет
место не только в хоринском диалекте бурятского языка, но и в
других монгольских, тюркских, а также японском, корейском языках.
Н. К. Дмитриев называет такие слова служебными именами¹. Он пи-
шет: "Служебными именами в башкирском языке можно назвать такие
имена, которые имеют двоякую функцию: первую, прямую, т. е. упот-
ребляются по своему основному материальному значению, и вторую,
служебную, т. е. употребляются в ином, более абстрактном значе-
нии, передавая разного рода оттенки пространственных отношений"².

В хоринском диалекте эти имена передают не только простран-
ственные отношения, но и временные, причинные, орудийно-сред-
ственные, компаративные и другие. Некоторые имена в функции
послелога имеют не одно, а больше значений (пространственное,
временное и т. д.). Они управляют в большинстве случаев родитель-
ным падежом имен и причастий, но могут стоять и после основы.
Также некоторые из них могут принимать частицы личного и возврат-
ного притяжания. Личные местоимения в таком случае опускаются:
мини хажууда или хажуудамни (около меня).

Все перечисленные имена употребляются в своем прямом значении
как имена существительные, полностью сохраняя способность скло-
няться.

Попытаемся ниже рассмотреть некоторые имена существительные,

¹ См.: Н. К. Д м и т р и е в. Строй тюркских языков. М.,
Изд-во вост. лит., 1962.

² Н. К. Д м и т р и е в. Грамматика башкирского языка. М.-
Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 229.

употребляющиеся в хоринском диалекте и как самостоятельные, и как служебные имена. Некоторые из них в служебной, послеложной функции могут передавать как пространственные, так и временные или иные отношения. Это зависит от лексического значения самого имени и управляемых слов. Причем контекст играет большую роль при определении значения служебного имени.

Арада (за, на северной стороне чего-либо, позади) представляет собой форму дательного-местного падежа с суффиксом -да от существительного ара (спина, северная, задняя сторона). Употребляется и в литературном языке, но в академической грамматике в числе имен-послелогов не значится. В качестве послелога упоминается в первой бурятской грамматике А. Кастрэна¹, в "Сравнительной грамматике монгольских языков" Г. Д. Санжеева² (ару дур).

Имя арада указывает на местонахождение предмета: хуунуудэй арада - за людьми, гэрэй арада - за домом. Управляет родительным падежом имен. В хоринском диалекте, да и в литературном языке, синонимом к нему выступает отнаречный послелог хойно, а антонимом - эбэртэ (в литературном языке - үбэртэ): гэрэй арада или гэрэй хойно (за домом), гэрэй эбэртэ или гэрэй урда (перед домом).

Араар (за, по северной стороне) - форма орудного падежа от того же существительного ара. В функции послелога указывает на место, где происходит действие: гэрэй араар үхибууд гуйлдэнэ (за домом бегают дети).

Арааа (из-за, сзади) - форма исходного падежа от того же существительного ара. В послеложной функции указывает на направление действия, то есть откуда происходит действие: Боролдойн абяан зоной арааа соностоно (из-за людей слышится голос Боролдоя).

Эбэртэ (перед, на южной стороне чего-либо) - форма дательного-местного падежа от существительного эбэр (лит. үбэр) (южная, солнечная сторона чего-либо), указывающая на местонахождение предмета: гэрэй эбэртэ (перед домом). В хоринском диалекте часто встречаются словосочетания гэрэй эбэртэ (перед домом), хадын эбэртэ (на южной стороне горы) и т. д. Как и арада, управляет родительным падежом имен. Ни у Кастрэна, ни у Санжеева это слово не встречается в качестве отыменного послелога. В классическом монгольском и в литературном бурятском языках значение этого послелога передается словами үбэртэ, үмэнэ и урда.

Эбэрээр (перед, по южной стороне чего-либо) представляет собой

¹ См.: М. Alexander C a s t r e n ' s . Versuch Sprachlehre nebst einer Burjatischen kurzen Wörterverzeichnisse. SPb., 1857, S. 74.

² Г. Д. С а н ж е е в . Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I. М., Изд-во вост. лит., 1953, стр. 204.

форму орудного падежа имени эбэр. Как и его антоним араар, этот послелог указывает на место, где происходит действие: хоройн эбэрээр – перед изгородью.

Эбэрээ (спереди, с южной стороны) – форма исходного падежа от имени эбэр указывает на направление действия, откуда оно происходит: мал хадын эбэрээ гаража ерэбэ (скот появился из-за горы).

Хажууда (к, у, возле, при, около) – форма дательно-местного падежа от существительного хажуу (бок, боковая сторона). В хоринском диалекте употребляется в функции имени, наречия, прилагательного и послелога. Широко употребляется и в литературном языке наряду с синонимичным книжным послелогом дэргэдэ. В качестве послелога слово хажууда указано уже в грамматике Кастрэна, а также в последующих грамматиках бурятского языка вплоть до академической, то есть оно давно стало выполнять служебную функцию. Управляет родительным падежом: столой хажууда – около стола.

Хажуугаар (рядом с, наряду с, к тому же, мимо, вдоль) – форма орудного падежа от имени существительного хажуу. Очень употребительна как в хоринском диалекте, так и в литературном языке в самостоятельном и служебном значении. Как послелог, фиксируется со времен Кастрэна. Это слово сильно абстрагировалось от своего исконного лексического значения и теперь в качестве послелога выражает пространственные и временные (одновременность действия) отношения, управляя родительным падежом: хорео хотын хажуугаар – вдоль изгороди, эдеэлхынгээ хажуугаар уншаха – читать и одновременно кушать.

Хажуунаа (сбоку, с, из, со стороны) – форма исходного падежа от того же имени хажуу. В послеложной функции выражает направление действия, то есть исходный пункт, откуда начинается, происходит действие: галай хажуунаа шубууд ниидэшэбэ (птицы взлетели со стороны костра). По сравнению с хажуугаар эта форма менее употребительна и значение уже.

Забьарта (между, между тем, как) – форма дательно-местного падежа от имени существительного забьар (щель, пауза, промежуток). Это довольно употребительное в хоринском диалекте слово может встречаться в самостоятельном и служебно-послеложном значении. В функции послелога управляет родительным падежом имен, указывая местонахождение предмета, а после родительного падежа причастия будущего времени приобретает значение "между тем, как": номой забьарта – в книге, телевизор харахынгаа забьарта – между тем, как смотреть телевизор.

Забьараар (между, во время) – форма орудного падежа от того же существительного забьар. В послеложном употреблении также управляет родительным падежом имен и причастия и указывает на прост-

ранство, где происходит действие или на образ действия: үүлэнэй забъараар (между туч).

Слово забъар в приведенных формах нигде не было зафиксировано в качестве послелого. Лишь в "Бурятско-русском словаре" К.М.Черемисова¹ эти формы даны в качестве самостоятельных словарных статей, но без указания, что это послелогои. Бесспорно, это не послелогои в полном смысле слова, но они уже находятся на пути превращения в них. В послеложной функции они входят в синонимичный ряд с послелогоми хоорондо, хоорондуур (между), дунда, дундуур (между, среди). Например, можно сказать зоной дунда (дундуур), зоной забъарта (забъараар или хоорондуур) – между людьми, среди людей.

Захада (на, у, около, возле, на краю) – форма дательного падежа от существительного заха (край, конец). В качестве послелогоа это слово зафиксировано уже у Кастрэна, но отсутствует в академической грамматике бурятского языка. В хоринском диалекте выступает как самостоятельное слово. Но, с другой стороны, так же, как и забъар, находится на пути превращения в служебно-послеложное слово. В языке хоринских бурят часто употребляется в выражениях айлай захада (на краю села), ойн захада (у леса) и т. д. С таким же пространственным значением употребляются и формы орудного и исходного падежей: захаар и захааа.

Оёорто (в, по) представляет собой форму дательного падежа от имени существительного оёор (дно) и в хоринском диалекте употребляется в прямом и переносном значении. Употребляясь в переносном значении находится на пути превращения в послелог. Например: ойн оёорто (в глубине тайги), харанхын оёорто (в темноте), сээжин оёорто (в душе), ыанаан сэдхэлэй оёорто (в мыслях) и т. д. Употребительны и формы орудного и исходного падежей оёороор, оёорьоо: ногооной оёороор – по траве, ойн оёороор – по лесу, сээжингээ оёорьоо – от души и т. д.

Оройдо (на, над) – форма дательного падежа от имени существительного орой (вершина). В качестве послелогоа нигде не зафиксировано, но в хоринском диалекте по функции приближается к служебному слову. Например: модоной оройдо – на дереве, хадын оройдо – на горе, гэрэй оройдо – на крыше. В форме орудного падежа имеет более широкое употребление: модоной оройгоор дүүлихэ – летать над деревьями и т. д.

Аргаар (посредством, путем, с помощью) – форма орудного падежа от имени существительного арга (средство, способ, метод, прием). В качестве послелогоа нигде не зафиксирована. В хоринском диалекте

¹ См.: К. М. Черемисов. Бурятско-русский словарь. М., ИС, 1951.

больше употребляется в самостоятельном значении, но тем не менее уже появляется в служебном употреблении после родительного падежа, например: ажалаа онъон техникын аргаар бүтээхэ – выполнять работу с помощью техники.

Ашаар, аша туһаар, аша үрөөр (благодаря). Основное значение слова аша – милость, благодеяние, туһа – помощь, содействие, үрэ – плод. Формы орудного падежа этих слов, или их парное употребление в хоринском диалекте, могут приобретать послеложное значение, выражая орудийно-средственные отношения, как и форма аргаар. Управляют родительным падежом имен и причастия прошедшего времени. Например: эдэ бугэдн ашаар (благодаря всему этому), оролдоһоной ашаар (благодаря старанию), хамаг зоной аша туһаар (благодаря помощи всех) и т. д.

Хушээр (благодаря, с помощью) – форма орудного падежа имени существительного хушэн (в литературном произношении – хусэн) (сила, мощь). В качестве послелога хушээр (хусөөр) нигде не указывается, кроме "Бурятско-русского словаря" К.М. Черемисова. В хоринском диалекте произносится хушээр, как послелог употребляется после родительного падежа имен и причастий и выражает орудийно-средственные отношения: минии хушээр – благодаря мне, оролдохын хушээр – благодаря стараниям и т. д.

Туршада, турша соо (в течение, в продолжение, на протяжении). Туршада – форма дательного-местного падежа имени турша (промежуток, отрезок времени), который в хоринском диалекте в самостоятельном значении не употребляется, бытуя послеложно в форме туршада или турша соо. В литературном языке вместо компонента соо может употребляться книжный послелог дотор (турша дотор). Управляет родительным падежом, выражает время: гушан жэлэй туршада – в течение тридцати лет.

Зүгһөө (со стороны, от имени) представляет собой форму исходного падежа от имени существительного зүг (сторона, направление). Как послелог, нигде не указывается, но в хоринском диалекте, а также и в литературном бурятском языке после родительного падежа имен может приобретать послеложное значение, например: колхозни-гуудай зүгһөө – от имени колхозников, өөһэднүгөө зүгһөө – со своей стороны и т. д. В хоринском диалекте это слово очень употребительно.

Употребляется также и форма дательного-местного падежа зүгтэ: нүхэдэйнгөө зүгтэ хаража – глядя в сторону друзей, басаганай зүгтэ нүдөө хандуулан – устремив взор на девушку.

В значении "от имени, со стороны" зүгһөө может быть заменен синонимичным нюурһаа – формой орудного падежа от существительного

ноур – лицо. Например: олоной ноурһаа (зүгһөө) мэдүүлхэ – сообщить от имени многих.

Итак, перечисленные имена существительные, а также имена багта (багаар), хирэдэ (хирээр), газаа (газаагуур), һүүлдэ (һүүлээр), талада (талаар, талаһаа), орондо, зэрге, ёһоор, на разборе которых мы не останавливались, так как они давно известны, употребляются послеложно в хоринском диалекте. Степень абстракции лексического значения у разных имен различна. Некоторые существительные в послеложном употреблении приобрели не одно, а два-три служебных значения, другие – имеют только одно значение и находятся на пути превращения в послелог.

Имена прилагательные в послеложном употреблении

Кроме имен существительных, перечисленных выше, в хоринском диалекте послеложное употребление имеют несколько имен прилагательных. По нашим материалам, всего три имени прилагательных имеют послеложное употребление: адли (одинаковый, похожий), сасуу (равный) и ондоо (другой).

Адли (как, как только, подобно, одновременно, при). Имеет много значений, но в послеложном употреблении после имен и причастий в дательном-местном, орудном и совместном падежах может выражать сравнение или одновременность действия. В качестве послелога это слово зафиксировано в классическом монгольском языке, в академической грамматике бурятского языка. В хоринском диалекте очень употребительно, например: нүдэнтнай залуугайхидаал адли – зрение у вас как в молодости, хэнгэрэгэй дуунаар адли – при звуках барабана, дохёо үгэхэтэй адли – как только подали сигнал.

Ондоо (другой, иной). В послеложном употреблении после исходного падежа имен и причастий приобретает значение "кроме": намһаа ондоо хун ошохогуй – никто; кроме меня, не пойдет, хайралһаа ондоо юмэ олоогуйб – кроме как жалеть, ничего не нашёл. Ондоо – антоним к адли – является весьма употребительным словом в хоринском диалекте.

Сасуу означает "как (лишь) только, одновременно". Послеложное значение приобретает после причастия в совместном падеже и слитного деепричастия: сайлан сасуу ангууридаа гараба – вышел на охоту, как только напились чаю, буугай дуунай гарахатай сасуу – одновременно с выстрелом. Собственно лексическое значение слова сасуу – "равный, одинаковый (по высоте, длине, возрасту и т. д.)."

Слово адли в послеложной функции вступает в синонимичный ряд с послелогам мэтэ, шэнги (подобно, похоже), ондоо – со словом оэһэ в послеложной функции. Например: намдал адли нам мэтэ, нам

шэнги) хүн – человек подобно мне, шамъяа ондоо (бэшэ) хүн мэдэхэгүй – никто, кроме тебя, не знает.

Перечисленные имена прилагательные чаще употребляются в самостоятельном значении, но и в служебно-последложной функции сохраняют свое лексическое значение, выражая компаративные (адли, ондоо) и временные (адли, сасуу) отношения.

Местоимения в последложном употреблении

Местоимений, имеющих последложное употребление в хоринском диалекте, можно назвать три: обобщительные местоимения бүхэн (каждый, всякий), бури (каждый) и выделительное бэшэ (другой, иной, прочий).

Местоимение бури употребляется в последложной функции со значением "каждый, еже-": жэл бури – каждый год, ежегодно. Управляет основной имен и именительным падежом причастий: тэнгэрийн дуугарха бури – каждый раз, когда гром гремит. Склоняется по всем падежам, в родительном падеже выполняет функцию определения, сохраняя свое значение: үдэр бурийн ажал – ежедневная работа, наһан бурийн хүнүүд – люди разных возрастов и т. д. Может принимать частицы личного и возвратного притяжания: һара бурийнгөө ажал дүүргэхэ – выполнять свою ежемесячную работу. После причастия будущего времени употребляется в значении каждый (всякий) раз, как..; по мере того, как..; сколько ни... (как ни...), а..; чем..., тем...: наһанай ошохо бури – по мере того, как годы идут.

С близким к бури значением употребляется местоимение бүхэн (каждый), управляя также основной имен и причастий: хүн бүхэндэ – каждому человеку, ерэхэ бүхэндөө – каждый раз, когда приходит. Тоже склоняется по всем падежам, в родительном падеже может быть определением: хүн бүхэнэй нюур – лицо каждого человека.

Служебное слово бэшэ выполняет различные функции: может быть частицей отрицания: хүн бэшэ – не человек, улаан бэшэ – не красный и т. д.; определением: бэшэ хүнүүд – другие люди. В академической грамматике бурятского языка носит название выделительного местоимения. Управляя исходным падежом имен и причастий, выполняет последложную функцию со значением "кроме": клубта кинооо бэшэ юмэ угы (в клубе, кроме кино, ничего нет), һай һанахаһаа бэшэ юншьэ байхагүй (кроме желания добра, ничего нет).

Таким образом, указанные местоимения в определенных условиях могут выполнять последложную функцию, но полноты процесса абстрагирования и грамматикализации при этом не наблюдается.

Наречия в хоринском диалекте, имеющие послеложное употребление, продолжают существовать и в самостоятельном значении: стол доро - под столом (послелог), доро дохико - низко кланяться (наречие). Они образуются при помощи суффиксов -ра (-рэ, -ро) : дээрэ - над, доро - под; -на (-нэ, -но): саана - за, наана - по, хойно - за; -ша (-шэ, -шо): сааша - от, нааша - из, с, хойшо - с, дээшэ - вверх, дошо - вниз, урагша - до; -да (-дэ, -до), -та (-тэ, -то): саада - на той, наада - на этой, дээдэ - на верхней, доодо - на нижней, урда - на южной, хоорондо - между, хойто - на северной; -(г)уур, -(г)үүр: дээгүүр - над, доогүүр - под, саагуур - за, по, наагуур - по, урдүүр - перед, хойгуур - за, хоорондүүр - между; -һаа || -һээ, -һоо: саанаһаа - из-за, наанаһаа - от, урдаһаа - из, с, хойноһоо - из-за, дээрэһээ - сверху, с, доороһоо - снизу, из-под, хоорондоһоо - из, между. Перечисленные суффиксы присоединяются главным образом к так называемым мертвым корням дэ-, до-, ур-, хой-, саа-, наа- и по значению образуют антонимы: дэ- - над, на, наверху, вверху, до- - под, внизу; ур- - перед, впереди, до; хой- - позади, за, после; саа- - дальше, за; наа- - ближе, по эту сторону.

Наречия с суффиксами -да (-дэ, -до), -та (-тэ, -то) выполняют функцию определения и употребляются большей частью с другими словами в послеложной функции, образуя как бы составные послелогии. В качестве вторых составных элементов, как правило, выступают слова бэе - тело, хажуу - бок, тала - степь, тээ - сторона: нуурай хойто хажууда - на северной стороне озера, хургуулийн саада талада - на той стороне школы, хүнэй дээдэ тээ хууха - сидеть выше человека и т. д.

В быстрой разговорной речи в хоринском диалекте тээ сливается с предыдущим определяющим словом; вместо урда тээ (на передней стороне) произносится уртээ, хойто тээ (на северной стороне) - хойтээ, саада тээ (на той стороне) - саатээ, наада тээ (на этой стороне) - наатээ, дээдэ тээ (на верхней стороне) - дээтээ, доодо тээ (на нижней стороне) - доотээ и т. д. Синонимом к саатээ может выступить тэнтээ (от тэндэ тээ): үхибүүд гэрэй саатээ (тэнтээ) наадана (дети играют за домом, то есть на той стороне дома). А синонимом к наатээ будет энтээ (от эндэ тээ): гэрэй энтээ (наатээ) - по эту сторону дома.

Кроме наречий, образованных с помощью указанных суффиксов, послеложную функцию выполняют наречия уруу (руу) - вниз, под, өөдэ - вверх, на, дунда (дундуур) - в середине, между и другие.

служебной функции лексическое значение наречий в большинстве

случаев сохраняется или же подразумевается. Отнаречные послелогои выражают пространственные, временные, причинные, целевые и прочие отношения. Некоторые из них могут иметь различное значение в зависимости от контекста, от лексического значения тех слов, которыми они управляют. Так, послелог дээрэ может иметь временное значение: эртэ байһан дээрэ хэрэггээ бүтээхые бодое (Пока не поздно, подумаем, как дело сделать); указывать на местонахождение: стол дээрэ нааданхай хэбтэнэ – на столе лежит игрушка.

Принимая во внимание, что в других языках, например в русском, существует наряду с чистыми, неизменяемыми предлогами категория отнаречных предлогов, нам кажется целесообразным выделить среди послелогов хоринского диалекта группу отнаречных послелогов, которые являются самыми многочисленными. Ниже рассмотрим их более подробно.

а) Пространственные отнаречные послелогои

К этой группе относятся следующие послелогои, которые вместе с управляемым словом отвечают на вопросы хаана? (где?), хаагуур? (где?), хаанаһаа? (откуда?), хайшаа? (куда?): дээрэ – над, доро – под, саана – за, наана – по, урда – перед, хойно – за, дунда – среди, хоорондо – между, эндэ – по, тэндэ – по, в; дээгуур – над, доогуур – под, саагуур – за, наагуур – по, урдуур – перед, хойгуур – за, дундуур – среди, хоорондуур – между; дээрэһээ – с, дороһоо (доороһоо) – из-под, саанаһаа – из-за, наанаһаа – из, урдаһаа – с, из, хойноһоо – из-за, дундаһаа – из, хоорондоһоо – из; дээшэ – вверх, доошо – вниз, сааша – за, нааша – по, урагша – до, хойшо – с, өөдэ – вверх, уруу (руу) – вниз, по.

Каждый аффикс в этих послелогогах имеет свой оттенок значения. Например, если –рэ в дээрэ выражает что-то статичное, неподвижное, то –(г)уур в дээгуур уже содержит понятие некоего пространства, в котором происходит действие, или указывает на плоскость, над которым совершается действие, –шэ в дээшэ указывает направление и т. д.

Часть перечисленных послелогов управляет основой имен: гэр дээрэ (доро) – на избе (под избой), хада өөдэ (уруу) – в гору (под гору); некоторые – саана, наана, урда, хойно и другие – управляют родительным падежом: модоной саана – за деревом; другие дээшэ, доошо, сааша, нааша, урагша, хо⁴шо) – исходным падежом: ьургуулиһаа сааша – за школу.

б) Отнаречные послелого с временным значением

Отнаречные послелого дээрэ, доро, дунда, зуура(а), нааша, сааша, саана, урда, урид, урагша, хойно, хойшо и другие имеют также временное значение, которое зависит, главным образом, от лексического значения управляемых слов. Рассмотрим это на конкретных примерах.

Дээрэ – пока, перед самым..., больше..., свыше... Управляя исходным падежом имен, обозначающих время, именительным падежом причастия будущего и прошедшего времени, а также основой имен прилагательных, имеет временное значение: арша мяханайнь ьайн дээрэ үүсэлхэ – забить, пока мясо и шкура хороши, ябаха дээрэ ьанабaб – вспомнил перед самым уходом, хөөрэлдөөнэй дүүрэхэ дээрэ – в момент окончания разговора, гурбан часнаа дээрэ ябаха-гүйб – прохожу не больше трех часов и т. п.

Доро (дороо) – как только, немедленно, тотчас же. Употребляется с временным значением после числительного нэгэ (н) – один указательных местоимений энэ, тэрэ – это, то, именительного падежа причастия прошедшего времени: нэгэн доро хүрэжэ ерэбэ – прибыли одновременно; энэ дороо ябагты! – уходите немедленно!; ябаан дорошни тэдэ ерээ – они пришли, как только ты ушел.

Саана – тому назад. Управляя родительным падежом, выступает как послелог времени: арба гаран жэлэй саана – десять с лишним лет тому назад. Однокорневой отнаречный послелог сааша и его антоним нааша, управляя исходным падежом, приобретают временное значение: эндэьээ сааша – с этих пор, энэ жэлхээ сааша – с этого года, униньөө нааша – с давних пор и т. д.

Хойно – после, после того, как..., затем, вслед за..., по прошествии. Очень употребителен в хоринском диалекте, управляет в этом значении родительным, исходным падежами имен, именительным и родительным падежами причастия прошедшего времени: тэрээнэйнгээ хойно хоёр жэл болоод – спустя два года после этого, хэды хоноьон хойно – через несколько суток, эсэгчнгээ нүгшэьэнэй хойно – после кончины отца.

Временное значение имеет и однокорневой отнаречный послелог хойшо – с, требующий исходного падежа имен, причастий будущего и прошедшего времени: энэ углөөнөө хойшо – с самого утра, баганаа хойшо – с детства, колхоз тогтохоьоо хойшо – со времени образования колхоза, айлладай бууьаннаа хойшо – со времени приезда гостей.

Урда – до, раньше, прежде, тому назад, за. Управляет родительным и исходным падежами имен и причастия будущего времени: минии урда хэдэн туруулэгшэнэр ьэлгээд байгаа – до меня сменилось не-

сколько председателей; үбьэндэ орохынгоо урда – до того, как начнется покос; орой болохооо урда – пока не поздно и т. д.

С синонимичным значением к послелогу урда выступает однокорневой с ним послелог урид, управляя исходным падежом имен и причастия будущего времени. Временное значение имеет и урагша, также однокорневой послелог: колхозой тогтохооо урид – до образования колхоза, намгаа урид – до меня, раньше меня, энээнхээ урагша – до этого.

Временное значение имеют послелогии дунда (в, на), хоорондо (между), зуура (между тем, как)¹, тэндэ (в тот миг, как). Например: унажа ябаха хоорондоо (или зуураа) – во время падения или в то время, как падал, унахынгаа тэндэ – в тот момент, как упасть или в момент падения, гүйдэл дундаа – на ходу. Послелог дунда управляет основой имен, хоорондо и зуура – именительным падежом причастия будущего времени, тэндэ – родительным падежом причастия будущего времени.

Одни и те же отнаречные послелогии в одном случае имеют пространственные, в другом – временные значения, что зависит от лексических значений управляемых слов, от контекста.

С временным значением употребляются еще отнаречные послелогии хамта (с, наряду с, одновременно с, как только), удаа (после того, вслед за), дары (тотчас же, тут же).

Хамта с временным значением управляет родительным и совместным падежами причастия будущего времени и орудным падежом имен: энээн тухай нурахатаяа хамта – одновременно с тем, как спросить об этом, тэнгэрийн дуунаар хамта (можно употребить и адли) – с громом.

Удаа с временным значением управляет родительным падежом имен и причастия прошедшего времени: тэрэнэй удаа – после него, хэрэлдээнэй удаа – после того, как поссорились, минии удаа – после меня. В временном значении послелогии удаа, хойно, һуүлдэ становятся синонимами: суглаанай удаа (һуүлдэ, хойно) – после собрания.

Послелог дары употребляется после указательных местоимений энэ, тэрэ, причастия прошедшего времени: энэ дары – немедленно, тэрэ дары – тут же, в тот же миг, ошоён дары – тут же, как приехал. В хоринском диалекте с таким же смыслом употребляются выражения энэ гъээр, энэ дороо, энэ бэээрэ – немедленно, сию же минуту.

¹ Эти послелогии чаще всего употребляются с частицами возвратного притяжания: дундаа, хоорондоо, зуураа.

в) Отнаречные послелогои с причинным значением

Отнаречные послелогои дээрэһээ, хойно, хойшо, кроме пространственного, могут иметь и причинное значение, в зависимости от контекста и лексического значения слова, которым управляют.

Дээрэһээ – причинный послелог со значением "из-за, из, вследствие, так как, с". В качестве послелога причины он употребляется после основы имен существительных, прилагательных, местоимений, именительного падежа причастия прошедшего времени и многократного причастия: атаа жутөөн дээрэһээ – из-за ревности, хоол муутай дээрэһээ – из-за плохого питания, ажалгүй дээрэһээ – из-за неимения работы, техникэ муугаар хэрэглэдэг дээрэһээ – ввиду неправильного использования техники, ьэжэглэһэн дээрэһээ – так как подзревал. Послелог дээрэһээ очень употребителен в хоринском диалекте.

Хойно – причинный послелог со значением "поскольку, так как, раз", которое он приобретает после именительного падежа причастия прошедшего времени: үгэхэл гэхэн хойнотнай абахал болоо бээб – раз вы решили дать, то возьму; нэгэнтэл имэ юмэ болоһон хойнонь хайшан гэхэб – что поделать, раз уж это случилось; худалдажа абахая абаһан хойноо яахабши – что теперь сделаешь, поскольку уже купили.

Хойшо – причинный послелог со значением "поскольку, так как". Как правило, употребляется с временным, пространственным значениями, но иногда может иметь причинное, употребляясь после исходного падежа причастия прошедшего времени: бодинсы үбгэн буруутай бэшэ болоһонһоо хойшо танайхин уруу баһа югээ туужа ерэхэ юмбиб (поскольку у меня, старика Бодинсуя, нет никаких годовалых бычков, кого же еще я должен пригнать вам?).

Отнаречных причинных послелогов немного, из названных трех хойшо окказионально может передавать причинные отношения, но в хоринском диалекте с причинным значением употребляются такие имена, как ушар – случай, шалтагаан – причина, или их парное сочетание ушар шалтагаан, передавая причинные отношения в силу своего лексического значения, собственно причинные послелогои тула – из-за, поскольку; түлөө – за, из-за.

г) Отнаречный послелог цели

В качестве отнаречного послелога цели можно назвать только одно слово хойноһоо (форма исходного падежа от хойно) в значении "для, для того, чтобы". Основное его значение – указывать направление и на основе этого при дальнейшем абстрагировании развилось

целевое значение. Например, в сочетании Ондореоной хойнооо Норбо, тэрээнэй хойнооо бултаараа нубарин (за Ондореном Норбо, а за ним все остальные) послелог хойнооо показывает последовательность и управляет родительным падежом имен. В зависимости от лексического значения управляемых слов (имен и причастия будущего времени), стоящих также в родительном падеже, может передавать цель, например: үбшэнтэниие аргалхын хойнооо – ради лечения больных (досл. за тем, чтобы вылечить больных). В этом значении является синонимом к собственно целевому послелогу түлөө (ради, для, за), и без ущерба для омысла может заменяться им: үбшэнтэниие аргалхын хойнооо или үбшэнтэниие аргалхын түлөө.

Кроме перечисленных отнаречных послелогов, имеющих временные, пространственные, причинно-целевые значения, есть ряд послелогов, выражающих компаративные (мэтэ – подобно, дээрэ – лучше, доро – хуже, үлүү – лучше, больше), комитативные (хамта – с, вместе, суг || сугтаа – с, вместе), аблативные, то есть выражающие лишение, отнятие, отношения (гадна – кроме).

Мэтэ как послелог управляет основой имен и причастий: нам мэтэ – как я, наподобие меня, Доржо мэтэ – как Доржо, ябаха мэтэ – как будто пойдет, ябаан мэтэ – как будто поехал и т. д. В этом значении синонимом к нему могут стать собственно послелогои шэнги – подобно (нам шэнги – подобно мне), адли – похоже, подобно (намдал адли – подобно мне).

Послелогои дээрэ, доро, үлүү употребляются после исходного падежа имен или причастий для сравнения: намъаа дээрэ (доро, үлүү) – лучше (хуже, лучше) меня; ябаханаа || ябаанъаа дээрэ (доро, үлүү) юмэ үгы – ничего нет лучше (хуже, лучше), чем ехать (уехать) и т. д.

Послелогои хамта и суг || сугтаа управляют совместным падежом. Например: Дондогтой хамта || суг или сугтаа – вместе с Дондоком; наранай гэрэл улам хурса болохотойнь хамта хухэ ногоон хүл ореодог болобо – как только солнце стало сильнее греть, трава стала путаться в ногах. Во втором примере послелог суг || сугтаа вместо хамта уже не подходит, так как хамта после причастия имеет временный оттенок, о котором говорилось выше.

Наречия, которые служат обстоятельствами места, времени, сравнения, степени и т. д., с течением времени все более абстрагируются и начинают передавать синтаксические отношения между членами предложения или предложениями. Примерами могут стать такие наречия в хоринском диалекте, как холо – далеко, ойро – близко. Производные от них холдуур, ойгуур пока выступают как явные наречия, но в некоторых случаях приближаются к послелогам. Например: гэрэй

ойро - около дома, гэрээ холо или холуур - далеко от дома и т. д.

Глаголы в послеложном употреблении

Число глаголов, употребляющихся в роли послелогов, по сравнению с именами и наречиями в этой функции незначительно. Так, в академической грамматике бурятского языка¹ перечислено всего четыре отглагольных послелога: оротор - до, оруулжа - подобно тому, как (от глагола оро- - входить), хурэтэр - до (от глагола хурэ- - доходить, дойти) и туласа - к (от глагола тула- - упираться, доходить). Препежные исследователи монгольского и бурятского языков, имена которых были приведены выше, в качестве служебных элементов, называя их то предлогами, то частицами или пустыми словами, приводили лишь оршон (около), тойрон (вокруг), байтар (при), болотор (до), хурэтэр (до), причем последний фигурирует у всех авторов. В "Бурятско-русском словаре" К. М. Черемисова с указанием "послелог" приведены слова хурэтэр, туласа, тойрон, а слова байтар (байсар), болотор (болосор) приведены с указанием "деепричастие предела" в значении "так, что...; до того, как...; между тем, как..." и т. д. Таким образом, все авторы признают, что эти глаголы в данных деепричастных формах выполняют служебную, послеложную роль. Однако их мнения относительно того, какие глаголы считать выполняющими послеложную функцию, не совпадали. Например, у Я. И. Шмидта² перечислены всего три глагола: оршон, тойрон, хурэтэр; у Александра Бобровникова³ - два: хурэтэр, болотор; у Александра Орлова⁴ - три: байтар (байсар), хурэсэр, тойрон; у Александра Кастрена⁵ - два: хурэтэр, тойрон; у Алексея Бобровникова⁶ - вовсе нет. Только в отношении послелога хурэтэр мнения всех совпадают. Незначительное количество отглагольных послелогов и разные мнения разных авторов доказывают, что отглагольные послелоги - явление позднее и не устоявшееся в бурятском языке.

В хоринском диалекте наличествуют все перечисленные выше слова, за исключением байсар (при), болосор (до), хурэсэр (до), которые свойственны другим диалектам бурятского языка и очень упот-

¹ См.: "Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология", стр. 301-316.

² Я. И. Ш м и д т. Указ. соч., стр. 85, 87.

³ Александр Б о б р о в н и к о в. Указ. соч., стр. 86.

⁴ Александр О р л о в. Указ. соч., стр. 113.

⁵ А. К а с т р е н. Указ. соч., стр. 74-76.

⁶ Александр Б о б р о в н и к о в. Указ. соч.

ребительны. Кроме них есть и другие глагольные слова, тоже выполняющие послеложную функцию. За основу определения глагольных форм – послелогов мы взяли синтаксические и семантические признаки, но не морфологические, так как глагольная, чаще всего какая-нибудь деепричастная форма, переходя в послелог, начинает выражать синтаксические отношения. Первоначальное значение глагола при этом меняется, хотя лексическое значение глагола играет решающую роль при переходе его в послелог. Это связано с тем, что не все глаголы способны стать послелогом, а только такие, которые по своему лексическому значению более подходят для выражения отношения между словами. В послелог могут перейти не все формы глагола, а только деепричастные и причастные формы, которые, как указывает Е. Т. Черкасова¹, характеризуются меньшей степенью глагольных признаков и обозначают второстепенное, добавочное действие, сопровождающее главное. В предложении эти формы выполняют функцию, приближающуюся к обстоятельственной. Контекст или слово, с которым сочетается отглагольный послелог, позволяют определить, чем является та или иная глагольная форма: послелогом или самостоятельным словом. Для примера возьмем предложение: Бодинсы үбгэншье үхээн гууетнай шэрээд лэ, үүрэй сайха хурэтэр өөрингөө гэртэ хурэнэл бээб (Я, старик Бодинсуй, нагрузив вашу мертвую кобылу, до рассвета доберусь, конечно, до дому). В нем один и тот же глагол хурэ – доходить, добираться употреблен в служебной, послеложной функции и в самостоятельном значении.

Деепричастные формы сами по себе имеют те или иные значения. Например, предельное деепричастие выражает предел действия, выраженного основным глаголом: киногой дуурэтэр хүлээе – подождем до конца сеанса. На основе подобных значений и развивается послеложное употребление. В хоринском диалекте в функции послелога чаще всего употребляется предельное деепричастие с суффиксом –тар (-тэр, -тор): байтар – при, хурэтэр – до, бологор – до; слитное деепричастие с суффиксом –н: тойрон – вокруг, зубшан – вдоль; разделительное деепричастие с суффиксом –аад (-ээд, -оод): тойроод – вокруг; соединительное деепричастие с суффиксом –жа (-жэ, -жо): боложо – из-за; продолжительное деепричастие с суффиксом –наар (-нээр, -ноор): гэжээр – с; деепричастие степени действия с суффиксом –са (-сэ, -со): туласа – к, до; условное деепричастие с суффиксом –бал (-бэл, -бол): болбол – что касается..; причастие будущего времени: байха – не только, но и.., болохо – не только, но и..., орходоо – по сравнению с..; постоянное причастие гэшэ –

¹ См.: Е. Т. Черкасова. Переход полнозначных слов в предлоги. И., "Наука", 1967, стр. 214-217.

что касается... По значению эти послелогои выражают причинные, временные, пространственные, сравнительные и другие отношения. А такие послелогои, как хадаа, болбол и гээшэ, служат показателем подлежащего.

Глаголы, имеющие послеложное употребление в той или иной деепричастной или причастной форме, с другой стороны, продолжают функционировать как полнозначные самостоятельные глаголы. Например: ямар халуун болоно гээшэб! – как жарко становится! (самостоятельное значение); шамьаа боложо, кинодс хожомдобоб – из-за тебя опоздал в кино (послеложное значение); Үдин город хурэжэ ерэбэб – прибыл я в город Улан-Удэ (самостоятельное значение); Үдин город хурэтэр хэр холоб? – как далеко до города Улан-Удэ? (послеложное значение).

Число глаголов, имеющих послеложное употребление в хоринском диалекте, не так велико. Это в основном следующие формы (опускаем такие общеизвестные, как хурэтэр и другие).

Байтагай – повелительная форма из письменного языка от глагола бай– – быть, находиться. В хоринском диалекте употребляется как послелог и управляет исходным падежом имен и причастий, имеет значение "не только, но и...", с оттенком "какое там..., но даже...": гал эрихэньэ байтагай гараха үүдээ оложо ядан гараад, гүйжэ ерэбэлби – какое там огонь просить, еле нашел дверь и убежал.

Байха (не только, но и...) – причастие будущего времени от глагола бай– – быть, находиться. Выполняет послеложную функцию после имен и причастий в исходном падеже. По значению является синонимом к послелогу байтагай: таньаа байха өөрөөшье гайхадаг гээшэб – не только вы, но и сам я удивляюсь, шан үгтэхэньэ байха ажалай түлөөэн үгтэнэгүй – какое там премия, даже основная зарплата не выплачивается.

В некоторых случаях вместо байха в том же смысле употребляется болохо: Бадмааа болохо хүнэй айхаар байгаа – можно было испугаться любому, не только Бадме.

Болохо (не только, но и...) – форма причастия будущего времени от глагола боло– – становиться, делаться, происходить, случаться и т. д. Выполняет послеложную функцию после исходного падежа имен: Дугарьаа болохо хүнэй төөрихөөр – не только Дугару, но и любому можно заблудиться.

Боложо (из-за, ввиду, вследствие) представляет тот же самый глагол боло– в форме соединительного деепричастия. После исходного падежа имен и причастий выполняет послеложную функцию с причинным значением: үхи хүүгэдньэ боложо, хөөрэлдөөгөө тааалдашаб – из-за детей прервал разговор.

Болотоф (до, до тех пор, пока...). Глаголы в форме предельного деепричастия вообще обозначают предел основного действия: шуудэ-рэй хататар сабшабаб – косил, пока роса не высохла. Поэтому болотор – предельное деепричастие от указанного выше глагола боло – на основе такой способности и благодаря многозначности и широкой употребительности стал выполнять послеложную функцию после основ имен и причастий, а также наречий и числительных: хойто намар болотор – до следующей осени, мунөө болотор – до сего времени, харанхы болотор – до темноты, наранай гараха болотор – до восхода солнца, июлиин 15 болотор – до 15 июля и т. д.

Орхолоо (по сравнению, в сравнении, против, чем, нежели) представляет собой глагол оро- (входить) в форме причастия будущего времени в дательном падеже с частицей возвратного притяжания и выполняет послеложную функцию после дательного падежа имен и причастий с компаративным значением: энэ басагамнай Донир багшада орходоо долоо дахин шанга – эта девушка по сравнению с учителем Дониром намного строже.

По сравнению с отглагольными послелогоми болотор, боложо и другими степень абстрагирования от первоначального значения у этого послелога больше. Поэтому можно считать, что орходоо, как и хурэтэр, является уже настоящим послелогом.

Тойрон (вокруг, около) – форма слитного деепричастия от глагола тойро- (огибать, обходить, окружать). В послеложной функции может указывать на местонахождение предмета или приблизительную меру: гэр тойрон гүйдэхэ – бегать вокруг дома, табнад тойрон наһатай хүн – человек около пятидесяти лет. Выражая приблизительную меру, становится синонимом к собственно послелогу тухай в том же значении: таби тухай наһатай хүн.

Употребление слитного деепричастия в послеложной функции оказывается возможным и для глагола зубша – идти вдоль: хадн хормой зубшан – вдоль подножия горы.

Тойроод (вокруг) представляет собой тот же глагол в форме раздельного деепричастия. Выполняет послеложную функцию, управляя основой имен: стол тойроод – вокруг стола.

Гэьээр (сейчас же; тут же; с тех пор, как...). Суффикс продолжительного деепричастия -һаар (-һээр, -һоор) вообще имеет внутреннее значение, передающее временное отношение: һууһаар байтарни орой болошобо – пока сидел, стало поздно; Һатгн ябаһаар арбаад хоног үнгэрбэ – прошло дней десять, как уехал Бата и т. д. Глагол гэ- (говорить, сказать) в форме этого деепричастия имеет послеложное значение: тэрэ гэьээр хоер жэл үнгэрбэ – с тех пор прошло два года. С временным значением послелог гэьээр употребляется после указательных местоимений энэ, тэрэ, о чем говорилось выше.

Туласа (до, по, к) – деепричастие степени действия от глагола тула – упираться, достигать. Выполняя функцию обстоятельства образа действия, временами может приобретать послеложное значение: үүдэ туласа ерэхэ или үүдэндэ туласа ерэхэ – подъехать вплотную к двери. Как правило, управляет дательным падежом, но, как видно из примера, может управлять и винительным.

Из перечисленных слов ближе всего к настоящим послелогам стоят: байтагай, байха, болотор, хүрэтэр, орходоо, остальные находятся на пути превращения в послелого и в послеложном значении употребляются в отдельных случаях.

Таким образом, можно утверждать, что отглагольных послелогов в хоринском диалекте пока немного и процесс перехода некоторых глаголов в послелого продолжается.

Собственно послелого

В академической грамматике бурятского языка в разряд собственно послелогов включено пятьдесят слов. В их числе фигурируют, в частности, отнаречные послелого дээрэ, доро, урда, хойно и т. д. Эти слова, безусловно, выполняют послеложную функцию и поэтому заслуживают названия послелогов, но, с другой стороны, они продолжают употребляться как наречия, выполняя функцию различных обстоятельств. Ввиду этого думается, что они должны считаться отнаречными послелогам и не входить в число собственно послелогов. В число же последних, как нам кажется, следует включать только такие послелого, которые в современном бурятском языке употребляются именно как послелого и уже не встречаются в качестве полнозначных самостоятельных слов. Если придерживаться такой точки зрения, то в хоринском диалекте собственно послелогам можно считать следующие слова: соо – в, по, в течение, в продолжение, на, среди, между; соогуур – в, по, во время; сооһоо – из, от; тээ – на, в; тээгуур – на, в стороне, тээһээ – от, из, с, со стороны; тээшэ – в сторону, в направлении; тулөө – для, за, ради, из-за, вследствие; тула – для, ввиду; тулада – для, ради, из-за, ввиду; тухай – о, об; тухайда – о, об; тухайгаар – величиной с; шэнги || шэнгээр – подобно, наподобие.

Эти послелого весьма употребительны в хоринском диалекте. Каждый из них имеет свое значение, а некоторые многозначны. Выполняют служебные функции, выражая пространственные (соо, соогуур, сооһоо, тээ, тээгуур, тээһээ, тээшэ), временные (соо), причинные (тула, тулөө), целевые (тула, тулөө), делиберативные, то есть указывающие на содержание суждения, на предмет мысли, речи (тухай, тухайда), компаративные (шэнги, шэнгээр, тухайгаар) отноше-

ния. Морфологически неизменяемы и представляют собой те или иные застывшие падежные формы. За исключением шэнги, могут принимать частицы личного и возвратного притяжания, но, в отличие от некоторых отнаречных или других послелогов, не адвербиализуются, а сохраняют свое послеложное значение.

Эти послелогов в прежних работах подробно освещены, поэтому в данной статье нет нужды повторять сказанное.

Итак, изложенный в статье материал позволяет сделать вывод, что в хоринском диалекте, как и в литературном языке, в роли послелогов могут употребляться имена существительные, прилагательные, местоимения, наречия и глаголы. При этом степень абстракции от первоначального лексического значения соответствующих слов, то есть степень грамматикализации, у разных слов не одинакова. Показателем завершенности процесса перехода отдельных форм полнозначных слов в послелогов должны быть укрепление нового категориального значения релятивности и вытеснение старого категориального значения предметности у имен существительных, качества – у прилагательных, действия – у глаголов. С этой точки зрения такие формы имен существительных, как талаар, хажуугаар, нүүлээр, ёноор, орондо, можно считать уже отыменными послелогов, но такие, как арада, ашаар, хушеер (лит. хусөөр), шалтагаанаар и т. д., являются именами, выполняющими в определенных условиях послеложную функцию.

Что касается наречий, употребляющихся в послеложной функции, то большинство их уже являются отнаречными послелогов, хотя и сохраняют параллельное употребление в качестве самостоятельных слов.

Таким образом, в хоринском диалекте идет процесс образования служебных слов – послелогов из числа знаменательных слов, причем этот процесс не закончен и продолжается, вовлекая все новые имена, глаголы и наречия.

6. Исследование бурятских и русских говоров

ПРЕПОЗИТИВНЫЕ УСИЛИТЕЛИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
В ДИАЛЕКТЕ ХОРИНСКОГО БУРЯТ

В бурятском языке послеложное употребление слов изучено сравнительно лучше, чем предложное их употребление. В данной статье автора интересует первый зависимый препозитивный компонент определительного сочетания слов хоринского диалекта, шире - бурятского языка, в котором основным ведущим компонентом является имя прилагательное.

Следует уточнить, что определительные словосочетания прилагательных могут быть двоякого вида:

1) первый зависимый компонент одних из них усиливает качество, обозначаемое основным компонентом: урьян шара - красно-рыжий, сэл хухэ - ярко-голубой, бара бамбагар - пухлый-препухлый, шал туухэй - совсем сырой, эгээ гунзэги - самый глубокий, тамгуй тарган (аг.) - очень жирный и т. д. В этих словосочетаниях зависимыми компонентами являются урьян, сэл, бара, шал, эгээ, тамгуй (аг.);

2) первый зависимый компонент других из них выражает видовой характер качества, обозначаемого основным компонентом: сайбар ногоон - светло-зеленый, шара улаан - желто-красный, хухэбтэр ногоон - голубовато-зеленый, сылгэр шара - светло-желтый и т. д.

Из этих двух видов зависимого компонента нами будет предпринята попытка описать первый - прилагательные с усилительным зависимым компонентом.

Имена прилагательные, выступая в качестве главного слова словосочетания, могут распространяться при помощи других частей речи, сочетаясь с существительными, с качественными прилагательными, с наречно-обстоятельными словами и т. д.

Качественные прилагательные присоединяют к себе имена существительные в переносном значении. Например, в хорибурятском диалекте говорят: Дулма хажуудань дахажа ябаан гурбатайхан басаганайнгаа мульээн хүйтэн гархануудньень барижа дулаасуулна (Дулма

согревала в своих руках руки, холодные как ледышки, своей трехлетней дочурки). В этом предложении атрибутивное сочетание мультэн хүйтэн (льдово-холодный) состоит из существительного мультэн (лед), употребленного в качестве усилителя со значением "льдово" к прилагательному хүйтэн (холодный). Таковы сочетания модон хатуу - деревянно-твердый, шуа улаан - кроваво-красный, уян сылагэр - водянисто-светлый, үнээн боро - пепельно-серый, хөө хара - угольно-черный, хүн сагаан - молочно-белый, гал улаан - огненно-красный, алтан шара - золотисто-желтый, мойһон хара - досл. чер- ный, как черемуха, и т. д.

Встречаются усилители качества, которые выражены словами, образованными при помощи отрицания -гүй. Основами, на базе которых образуются эти усилители, бывает:

а) имена существительные в первичной основе - гам + гүй, дүрэм + гүй, аша + гүй, амар + гүй и другие: гамгүй тургэн - очень быстрый, дүрэмгүй ялагар - очень олестьящий, зүггүй сухалтай - очень сердитый, олшгүй харуу - очень скупой, уйгаргүй хэлэтэй - очень язвастый;

б) глагольные основы на -ша-хэлэшэ + гүй, хараша + гүй и другие: хэлэшэгүй хурдан - резко-быстрый, харашагүй муухай - невиданно грязный, байшагүй хүйтэн - нестерпимо холодный, үзэгдэшгүй найхан - невиданно красивый;

в) причастия будущего времени - бүтэхэ + гүй: бүтэхэгүй залуу - слишком ленивый, бүтэхэгүй үндэр - слишком высокий и т. д.

Довольно часто встречаются усилители, выраженные качественными прилагательными:

а) на -ма: ьаргама найхан басаган (ослепительно красивая девушка). В определительном сочетании ьаргама найхан (ослепительно красивая) усилитель выражен прилагательным ьаргама, дословно обозначающим "такой, что глаза зажмуришь" и усиливает качество, выраженное прилагательным найхан (красивый). Таким же путем образуются сочетания: гэрэлтэмэ хурса нүдэн - сверкающе-острый взгляд, туяа татама аркухан - досл. лучезарно-привлекательно красивый, доьолмо ехэ абяан - потрясающе сильный шум и т. д.;

б) на -тай: жэгтэй халуун үдэр - удивительно жаркий день, хартай шэрүүн бороо - необычайно суровый ливень, аймшагтай шууяатай эхэнэр - страшно шумная женщина, гайтай мэргэн ьуршан - необычайно меткий стрелок и т. д.;

в) типа муухай, бузар, намжар в значении усиления, которые дают дополнительную качественную характеристику признака, обозначенного основным компонентом: муухай ьайн - страшно хороший, бузар гое - ужасно красивый, намжар ьаруул - необыкновенно светлый и т. д.

Большое количество усилителей выражается наречно-обстоятельственными словами. Такие усилители в большинстве своем становятся собственно усилителями, потерявшими свое лексическое значение. В атрибутивном сочетании соол хара (черный-пречерный) усилитель соол, вероятно, образован из наречия соо (насквозь), что в какой-то мере сказывается в его значении: соол хара - насквозь или сплошь черный. Что же касается других наречно-обстоятельственных усилителей, например, пэтэн хара, лутэн хара - грязно-черный, пял ьогтуу - вдребезги пьяный, пяг дулма (аг.) - совсем глухой, шад улаан - ярко-красный и т. д., то усилители пэтэн, лутэн, пял, пяг, шад почти не сохранили своего первоначального значения.

Наконец, усилителями в определительном сочетании выступают редупликации: повторение исторического корня, основы слов или первого корневого слога: саб сагаан - белый-пребелый, хаб хара - черный-пречерный, ьайнай ьайн - лучший из лучших, үндэрьее үндэр - высокий из высоких, бурэ бумбэгэр - круглый-прекруглый, ура уршагар - очень измятый и т. д.

В структурном отношении усиление качества, выраженного прилагательным, достигается двумя способами.

Первый, наиболее распространенный, способ - это употребление усилительного слова путем препозитивной примыкательной связи с прилагательным. Приведем примеры: Пархайн ьамган пад харахан горшоогоо ушааг дээрээ углажа, ольотойхон шэнээн сусалаа удхалан, шотосо пишаганаса уруу гэдэргэн уруулна¹ (Жена Пархая поставила черный-пречерный свой горшочек на плиту и начала мешать жаркие листовничные поленья так, что искры с треском сыпались в разные стороны); Гэртээ Доржин ороходо, хаб харанхы² (Когда Доржи вошел в юрту, было темным-темно); Мун тэдэнэршье айхабтар ехэ гуйлтатай нидөөр энэ ламын гаража ерэхье хүлээжэ байгаа ьэн³ (И они с очень сильно умоляющими взглядами трепетно ожидали выхода ламы); Хүхэ торгон дэгэл дээгүүрээ улаан бүүэ бүүэлжэ, ута мунгэн хутага зуунхэй энэ хуниие харахада, зүгөөргүй ьүртэй байгаа ьэн⁴ (Этот человек, одетый в синий шелковый халат, подпоясанный красным кушаком, к которому был подвешен длинный серебряный нож, производил весьма внушительное впечатление).

В приведенных предложениях в словосочетаниях пад харахан (чер-

¹ Хоца Намсараев. Собр. соч., т. I. Улан-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1959, стр. 156.

² Ч. Цыдендамбаев. Банзарай хубуун Доржо. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1953, стр. II.

³ Д. Батожабай. Тооригдээн хуби заяан, т. I. Улан-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1966, стр. 7.

⁴ Д. Батожабай. Тооригдээн хуби заяан, т. I, стр. 8.

ный-пречерный), хаb харанхы (темным-темно), айхабтар ехэ (очень сильный), зүгөөргүй нүртэй (весьма внушительный) служебные слова пад, хаb, айхабтар, зүгөөргүй, усиливал качество, обозначаемое прилагательными харахан, харанхы, ехэ и нүртэй, примыкают к ним.

Второй, менее распространенный, способ - повтор корня или основы слова. В одном случае имеет место повторение исторического корня, потерявшего свой смысл в современном бурятском языке. Так, например, в слове сагаан (белый, белесый, бледный) корнем слова является са-: са-й- (белеть), са-хир (бледный), са-й-бар (светлый) и т. д. К корню са- прибавляется соединительный согласный б: саb сагаан (белый-пребелый). Аналогично этому способу образуются слова хаb хара (черный-пречерный), уб улаан (ярко-красный), хуб хухэ (синий-пресиний), яб ягаан (ярко-розовый) и т. п., но у них повторяются корневые элементы, а не целиком корни. В слове хара (черный, темный, грязный) корнем слова является хар: хар-а - черный, хар-лаха - темнеть. Или в слове улаан (красный, алый, румяный) корнем является ул-: ул-ай- - краснеть, ул-бар - красноватый, ул-аа-бтар - красноватый и т. д. В этих корнях конечные согласные выпадают и присоединяется согласный б: хаb хара - черный-пречерный и уб улаан - ярко-красный.

В другом случае повторяется основа слова, согласуясь с прилагательным посредством управления. Например: һайнай һайн - хороший из хороших, тэнэгэй тэнэг - глупейший из глупых, эрхимэй эрхим - лучший из лучших, сэсэнэй сэсэн - мудрейший из мудрых, хушэтэйдэ хушэтэй - сильнейший из сильных, ухаатайда ухаатай - умнейший из умных, сухалтайда сухалтай - сердитый из сердитых, үндэрөө үндэр - высокий из высоких, үсэдөө үсэд - упрямый из упрямых, нэтрүүһээ нэтрүү - упорнейший из упорных, шуранһаа шуран - ловкий из ловких и т. д. В этих словосочетаниях подчиняющие слова требуют от подчиненных слов формы родительного, дательного и исходного падежей.

Некоторые наблюдения над значениями интересующих нас атрибутивных словосочетаний дают основание сказать, что семантические сдвиги в них связаны с пределом сочетаемости зависимых компонентов с основными компонентами и с грамматикализацией словосочетаний в целом.

Так, усилительное слово айхабтар (страшно), сочетающееся с широким кругом прилагательных, само по себе обозначает усиленное качество. Характерно, что это слово свободно и легко сочетается с такими прилагательными, как муухай (грязный), туранхай (худой), сухалтай (сердитый) и т. п. В этих примерах усилительное слово айхабтар в какой-то мере содержит в себе указание и на дополнительную качественную характеристику (айхабтар туранхай - страшно

худой, то есть настолько худой, что это вызывает опасение, страх). Однако, этот качественный оттенок в таких словосочетаниях, как айхабтар гое — очень красивый, айхабтар ьаруул — очень светлый, айхабтар ьайя — очень хороший, айхабтар амтатай — очень вкусный, айхабтар уужам — очень просторный и т. д., не только заслоняется значением основного компонента, но и вытесняется последним, что свидетельствует о расширении круга прилагательных, с которыми сочетаются эти усилительные слова.

К усилителям типа айхабтар относятся аймшагтай (страшно), жэгтэй (удивительно), оромгүй (чрезмерно), яашгүй (исключительно), бузар (ужасно), муухай (грязно), булай (чересчур), намжар (несуразно) и т. д. Также с широким кругом прилагательных употребляются усилительные слова тон, эгээ, угаа, одоо (аг.) в значении "очень".

Есть еще группа служебных слов шал, пял, пяг (аг.), ян, яндан, с которыми сочетаются прилагательные. Круг прилагательных, выступающих в качестве основных компонентов и имеющих при себе перечисленные усилители, ограничен несколькими словами: шал ьогтуу — вдребезги пьяный, шал түүхэй — совсем сырой, шал үбэштэй, шал тэнэг — глупый—преглупый; пяг дулии (аг.) — совершенно глухой, пяг ьохор (аг.) — совершенно слепой, пяг харанхы (аг.) — темным—темно. Эти усилители в еще большей степени утратили способность самостоятельно передавать качественную характеристику, чем предыдущая группа усилительных слов.

Единичны такие словосочетания, где в качестве определяемого слова выступают прилагательные, обозначающие цвет и внешний признак: сэл хухэ — ярко-голубой, сул хара, пэг хара (аг.), соол хара, мэл хара, лүтэн хара (аг.) — черный—пречерный, пад хара, пэтэн хара, даг хара — грязно—черный, шад улаан, шаша улаан — ярко—красный, дун сагаан, сахир сагаан — белый—пребелый, урьян шара — красно—рыжий.

Редупликаты представляют собой, по-видимому, исторический корень соответствующих слов. Как было уже отмечено, в сочетании саб сагаан (белый—пребелый) редупликат состоит из исторического корня са- и соединительного согласного б, который, возможно, в прошлом являлся каким-то словоизменительным элементом, ныне необъяснимым. Это видно на примере сочетания хушан шара (досл. кедрово-желтый), в котором зависимый компонент носит в известной мере составной характер: хуша (кедр) + согласный н, превративший имя существительное в зависимо-прилагательное слово. В этой связи следует напомнить, что в халха-монгольском языке многие существительные преобразуются в прилагательные при помощи согласного звука н.

В бурятском языке употребительны повторы манта-манта, монсо-

монсо, например, манта-манта гэшхэлхэ – ходить увесисто (о ходьбе крупных животных), монсо-монсо нэжэрхэ – трясти кругленькие игрушки. И вместе с тем в бурятском языке употребляются одинарные основы манта и монсо с прибавлением н на конце: Жалгануудай забхарне таглан ороюн шулууудай хүдөө тээшээ уригдэн хурьхэн болоо үе, мантан ехэ Саягай гантан байган үе¹ (Это было то время, когда каменные глибы, закрывавшие щели оврагов, выветривались и становились почвой; время, когда громада Саянов давала трещины); Монсон шарахан толгойхом, хангал маамаа хухыш даа² (Мой маленький, рызголоуенький, сососи же материнское молоко). Таким же образом может быть употреблено слово зантан (занта + н) – большое и круглое и т. п.

Что касается повторения первого корневого слога в таких сочетаниях, как оро орбогор (лохматый-прелохматый), бэре бэржэгэр (очень неровный), тара тархагар (низенький-пренизенький), урэ үрзэгэр (очень вздохмаченный), бала балбагар (пухлый-препухлый) и т. д., то не вызывает сомнения, что в результате редукции в основном компоненте выпал краткий гласный. Но несколько неожиданным является возникновение слога -ра вместо согласных б, г, м, н, имеющих место в основе главного компонента: тэре тэсхэр – очень угловатый, бара бамбагар – пухлый-препухлый, горо гонзогор – очень продолговатый, ура унжагар – длинный-предлинный и т. д. В этих случаях, по-видимому, имеет место широко известный языковый закон аналогии: вместо ожидаемого тэбэ тэбхэр, по закону аналогии, получилось тэре тэбхэр (см. выше: оро орбогор, бэре бэржэгэр и т. д.).

В хоринском диалекте, как и вообще в современном бурятском языке, редупликаты саб в сочетании саб сагаан (белый-пребелый), хаб – хаб хара (черный-пречерный), уб – уб улаан (ярко-красный), хуб – хуб хухэ (ярко-синий), бура – бура буржагар (кудрявый-раскудрявый), зара – зара затагар (грязный-прегрязный) и т. д. превратились в служебные элементы. Проф. Т. А. Бертагаев называет их префиксами: "В монгольских языках аффиксы расположены в основе за основой и являются, главным образом, суффиксами. Но наблюдаются и образования, напоминающие префиксы. Они являются формализованными словами, первоначальными корнями слов, утратившими в значительной степени связь с производными словами, или повторениями начального слога слова. Они употребляются обычно с ограниченным кругом слов и полностью не формализованы как аффиксы. Поэтому такие префиксо-

¹ Шагдар Б а й м и н о в. Тунхэнэй үдэрнүүд. Улан-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1972, стр. 13.

² Цэдэн Г а л с а н о в. Залуубди бидэнэр. Улан-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1959, стр. 48.

подобные образования будем называть для краткости префиксоидами"¹.

Вслед за проф. Т. А. Бертагаевым Ц. Ж. Цыдыпов также считает редуликаты префиксами: "Префиксоидная аналитическая конструкция состоит из сочетания качественного прилагательного с препозитивным служебным словом – префиксоидом"².

Описание зависимых служебных слов, входящих в состав атрибутивных сочетаний с главным компонентом – именем прилагательным приводит к следующим выводам.

1. Основной компонент определительного сочетания – имя прилагательное – может иметь при себе служебное слово для усиления качества, выраженного этим компонентом. Рассмотренные служебные слова, то есть препозитивные усилители, могут быть выражены: именем существительным, качественными прилагательными и наречно-обстоятельственными словами.

2. Препозитивные усилители в результате структурно-подчиненного употребления имеют тенденцию к семантическому сдвигу от некоторого ослабления в своем значении (айхабтар в айхабтар туранхай) вплоть до превращения в служебно-грамматический атрибут основного компонента сочетания – префикс (саб в саб сагаан).

¹ Т. А. Бертагаев. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., "Наука", 1969, стр. 24.

² Ц. Ж. Цыдыпов. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972, стр. 256.

РАЗЛИЧИЯ В СЛОГОДЕЛЕНИИ В БУРЯТСКИХ ГОВОРАХ И ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Некоторые языковеды скептически относятся к проблемам слогоделения. "Самое трудное — это точно указать начало или конец слога... Было бы таким же ребячеством пытаться отсечь его, как определить точно, где начинается долина, находящаяся между двумя горами"¹. Сравнение здесь неудачно: горы и долины не состоят, в отличие от слогов, из функциональных единиц. Границы между слогами существуют. Как пишет Л. Р. Зиндер, "граница между слогами, а не количество слогов имеет важное лингвистическое значение"².

В лингвистической литературе имеются отдельные практические указания по определению слогоделения в некоторых конкретных случаях, но, к сожалению, нет единой теории, дающей универсальные критерии.

Конечно, в каждом языке и даже в говорах исторически складываются свои нормы сочетаемости звуков речи, типы слогов и границы между ними, но тем не менее должны быть какие-то общие тенденции в слогоделении, свойственные всем языкам. Ведь слог — это произносительная единица, связанная с особенностями произносительного аппарата человека, который у всех людей идентичен.

В русском языке имеются стечения двух гласных звуков, например: паук, стоит. Граница слогов проходит между ними: па-ук, сто-ит. В бурятском языке стечения гласных, за редкими исключениями, не допускаются.

Не решен, например, вопрос о том, куда отнести неслогообразующие звуки, находящиеся на стыке слогов — к предыдущему или последующему слогу?

Л. В. Щерба считает, что во французском языке "единственный

¹ Ж. В а н д р и е с. Язык. М., Соцэкгиз, 1937, стр. 62.

² Л. Р. З и н д е р. Общая фонетика. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1960, стр. 282.

согласный между гласными будет всегда сильноконечный, как и в русском, то есть слоговая граница будет проходить перед ним"¹. В бурятском языке имеем то же самое: ха-ра (черный), шо-но (волк) и т. д. По-видимому, эта особенность присуща не только французскому, русскому и бурятскому, но и, возможно, всем языкам. Маловероятно, чтобы в каком-нибудь языке слогораздел в пределах слова проходил между согласным и гласным: хар-а, шон-о. Это, видимо, связано с тем, что согласный лучше слышен на фоне восходящего потока последующего гласного звука, а не на нисходящем конце предыдущего гласного.

Как известно, положение согласного перед гласным принято называть сильной позицией согласного. Именно в этой позиции согласный лучше всего выполняет свои коммуникативные функции противопоставления максимальному количеству других согласных фонем.

Если единственный согласный между гласными всегда относится к последующему слогу, то как быть при стечении двух или более согласных на стыке слогов?

В бурятском языке имеются очень большие ограничения при сочетании согласных звуков; так, например, согласные д и м не могут употребляться рядом, между ними обязательно появляется краткий гласный как результат их несочетаемости: шадамар - ловкий, но никогда - шадмар. А согласные д и х могут употребляться рядом: удха (зап.-бур.удха - род, происхождение)².

При стечении двух сочетающихся согласных слогораздел в бурятском языке проходит:

а) перед ними, если первый согласный смычный, а второй - шелевой: га-дна - кроме, у-гжа - соска, у-пшэн (үбшэн) - болезнь и т. п.;

б) между ними во всех остальных случаях: шак-та (шагта) - пуговица, тор-хо - бочка, ур-гы - подснежник и т. д.

Смычный согласный лучше слышен за счет не начала смычки, а конца, который обычно завершается взрывом. Видимо, поэтому смычный согласный лучше слышен на фоне последующего шелевого согласного, в сторону которого образуется так называемый импловивный взрыв, а не на фоне предыдущего гласного, где начало смычного отличается лишь резким прекращением фонации: га-дна, у-гжа.

При стечении двух смычных первый из них слышен лишь за счет резкого прекращения фонации, а второй - за счет взрыва: шак-та.

¹ Д. В. Щ е р б а. Фонетика французского языка. М., 1957, стр. 80.

² Более подробно о сочетаемости согласных см.: В. И. З о л - х о в. Сочетаемость согласных в бурятском языке. - "Вопросы бурятской филологии", вып. I. Улан-Удэ, 1972, стр. 18-24.

Щелевые согласные в слабой позиции слышны за счет характерного им шума на конце предшествующего гласного: сон-хо – окно, жууш-ни – твоё ружьё и т. п.

Краткий гласный, на который оканчивается основа в бурятских говорах выпадает: яба-ха (ходить) произносится как я-пха, хаза-ха (кусать) – хас-ха, модо-той (лесистый) – мот-той, таба-тай (пять лет) – тап-тай и т. д.

Л. В. Щерба в работе "Фонетика французского языка" приводит следующие примеры, когда слогораздел проходит между двумя согласными: il-la-vy (il l'a vu) – он его увидел, net-te (nettete) – отчетливость, pa-ral-lel (parallèle) – параллельный, ak-toe:r (acteur) – актер, fes-tē (festin) – празднество, en-mi (ennemi) – враг, zur-nal (journal) – газета.

Далее он приводит пример, когда слогораздел проходит перед сочетанием двух согласных между гласными: если из двух согласных первый шумный, а второй – сонант, то "оба будут сильноконечными, и слоговая граница пройдет перед ними: kō:-tre (contree) – местность, роe-ple (peupler) – населять, су-'vni:r (souvenir) – воспоминание..."¹. Следовательно, принципы слогаделения во французском и бурятском языках вполне совпадают.

Р. И. Аванесов на материале русского языка подтверждает положение Л. В. Щербы. Так, он приводит следующие примеры стечения двух согласных, когда слогораздел проходит перед ними: па-трон, пу-дра, мо-гла, па-кля, о-кно, о-гня. В качестве примеров, когда слогораздел проходит между согласными, приводит следующие слова: ам-бар, кар-та, кон-ца, дол-го, вой-на, тол-па².

Как видим, русский, французский и бурятский языки имеют сходные тенденции в слогаделении при стечении двух согласных. При стечении смычного согласного с щелевым слогораздел проходит перед стечением согласных: фр. роe-ple (peupler – населять), русск. па-трон, бур. га-дна (кроме). Во всех остальных случаях слогораздел проходит между согласными: фр. en-'mi (ennemi – враг), русск. кар-та, бур. ур-хэ (труба).

В разных языках исторически складываются различные нормы сочетаемости согласных звуков. "Звуковые цепи индоевропейских языков отличаются специфической структурой – наличием значительных стечений согласных"³. Например, в русском языке возможны значитель-

¹ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 80.

² Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., Изд-во МГУ, 1956, стр. 42.

³ В. В. Шелорошкин. Звуковые цепи в языках мира. М., "Наука", 1969, стр. 135.

ные стечения согласных: под взглядом, от встречи и т. п.

В бурятском литературном языке при полном стиле произношения допускается лишь стечение двух согласных звуков, что закреплено в орфографии. Исключение составляют лишь случаи, когда к основе имени, оканчивающегося на согласный, присоединяется окончание личного притяжания второго лица -шни, тнай: гар-шни (твоя рука), хул-тнай (ваша нога) и другие.

В бурятских говорах, то есть в разговорном стиле, наблюдается процесс выпадения кратких гласных в средних слогах слова, в результате чего происходит стечение трех согласных на стыке слогов. Этот процесс заметил еще А. Д. Руднев: "Речь бурят-хоринцев медленная, монотонная, с значительным затягиванием долгих звуков и с стремлением совершенно выпускать краткие гласные, кроме гласных в первом слоге. Взамен выпадающих гласных намечается изменение соседних с ним согласных в слогаобразующие"¹.

Наблюдения показывают, что краткие гласные средних слогов бурятских слов выпадают в определенных позициях и не выпадают также в определенных позициях. Ниже рассмотрим все эти позиции.

Краткие гласные средних слогов выпадают в следующих положениях:

1. При стечении двух сочетающихся согласных, в положении между ними: ер-хэ (ерэхэ - придти), эш-тэй (эшэтэй - имеет ручку), нар-тай (наратай - солнечный).

2. При стечении трех сочетающихся согласных:

а) в закрытых слогах, где есть сонанты, которые становятся слогаобразующими взамен выпавших гласных: га-шл-ха (гашалха - киснуть), одн-до (одондо - звезде), ху-дл-даа (худалдаа - продал), а-жл-най (ажалнай - наша работа), о-рн-до (орондо - вместо), а-рд-най (араднай - наш народ), бу-лт-та (буладта - стали), ба-jt-та (байдта - богачам);

б) в открытых слогах, после средних шумных щелевых согласных: такш-тай (такшатай - имеет чашку), тагж-на (тагжана - закупоривается), хэлс-хэ (хэлсэхэ - переговорить), хапш-ха (хапшаха - скинуть);

в) в открытых слогах после средних смыхных согласных, если после него идет щелевой согласный: хун-длэн (хундэлэн - поперечный), эрдни (эрдэни - драгоценный камень), ук-тха (угтаха - встретить), ал-тха (алдаха - выпустить), ол-дно (олдоно - находится).

Краткие гласные средних слогов не выпадают в следующих положениях:

¹ А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор. Вып. 1. Ирг., 1913-1914, стр. 31.

1. Между несочетающимися гласными: ху-да-гы (сватья), ү-дэ-шэ-бэ (проводил), хэ-дэ-гэ-нэ (овод).

2. При стечении трех сочетающихся согласных:

а) в закрытых слогах, где нет сонантов: ба-гат-таа (багадтаа - своим детям), бэ-шэг-тэй (бэшэгтэй - имеет письмо), ню-так-таа (нютагтаа - родному улусу), а-шат-таа (ашадтаа - своим внукам);

б) в открытых слогах, после средних сонантов: уур-ла-на (сердится) шаг-на-ха (слушать), гэр-лэ-хэ (гэрлэхэ - жениться), хар-ла-ба (харлаба - почернел);

в) в открытых слогах между средним и третьим смычными согласными: ал-та-тай (имеет золото), хон-то-той (имеет сундук), боол-то-той (имеет связку), ур-га-тай (имеет аркан), шак-та-тай (шагтатай - имеет пуговицу).

Как видим, при стечении трех согласных на стыке слогов первый из них обязательно входит в состав предыдущего слога, третий - в состав последующего слога, а средний согласный может входить в состав того или иного слога в зависимости от того, какой это согласный. Если это смычный согласный, то граница слога проходит перед ним: бак-тха (багтаха - поместиться), үл-тнэк (үлтэнэг - конопля). А если это щелевой согласный, граница слога проходит после него: гу-тл-най (гуталнай - наши унты), на-рн-да (наранда - на солнце), бак-штай (багшатай - имеет учителя), арш-ха (аршаха - вытирать).

При стечении трех согласных в русском языке, по-видимому, также имеем аналогичную картину: первый согласный входит в состав предыдущего слога, третий - последующего слога, а средний согласный относится:

а) к последующему слогу, если он смычный, а после него идет щелевой согласный: пор-тной, от-крой, пол-дня;

б) к предыдущему слогу, если он смычный, а после него идет смычный же согласный, но зато впереди - щелевой: курт-ка, верткий, чист-ка. В бурятском языке такое сочетание не допускается;

в) к предыдущему слогу, если он шумный щелевой: толс-тый, галс-тук, вы-держ-ка.

Л. В. Щерба считает, что во французском языке, "если имеется группа в три согласных с в посередине, то слоговая граница проходит после него: *v'abstenir* (завс-те-ни:r) - воздерживаться"¹.

При выпадении кратких гласных в середине слова и превращений сонантов в слогаобразующие звуки в бурятском языке появляются случаи стечения четырех и даже пяти согласных: ан-дл-даан (андалдаан - обмен), доп-тл-хлоор (добтолхолоор - когда напал), хун-дл-

¹ Л. В. Щ е р б а. Указ. соч., стр. 80.

хлээр (хундэлхэлээр — когда угостил). Поскольку здесь сонанты являются слогообразующими звуками, наше утверждение, что в бурятском не допускается стечение более трех согласных на стыке слогов, остается ненарушенным: в приведенных примерах имеем стечение двух согласных на стыках слогов: доптлхлээр, хундлхлээр. А слогообразующие сонанты находятся не на стыках слогов, а на вершине слога.

Подводя итоги, можно сказать:

1. Отмечаются общие тенденции в слогоделении в бурятском, русском и французском языках.

2. Имеются некоторые различия в слогоделении между разговорным стилем бурятских говоров и полным стилем произношения бурятского литературного языка. Эти различия связаны с тем, что если в полном стиле литературного языка замечается тенденция произносить все краткие гласные, зафиксированные в орфографии, то в бурятских говорах наблюдаются выпадение некоторых кратких гласных средних слогов и превращение сонантов в слогообразующие согласные в закрытых средних слогах взамен выпавших соседних гласных.

ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ МЕЛОДЕМЫ ГОВОРА ХОРИНСКИХ БУРЯТ
(ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Интонационно-ритмический аспект в звуковых системах языков при исследовании его субъективно-слуховым методом выявляется недостаточно надежно. Поэтому вплоть до последнего времени ритмомелодика бурятского языка, как и синтаксическая фонетика в целом, оставалась вне поля зрения исследователей-бурятovedов. С развитием экспериментально-фонетических методов языковеды получили возможность изучения ритмомелодической подсистемы языка ух. более точными объективными средствами с применением электронной аппаратуры, что позволяет ставить в этой области бурятского языкознания конкретные теоретические и практические задачи и решать их.

Ритмомелодика представляет собой одну из существенных сторон фонетической системы языка. Интонационно-ритмическая подсистема в звуковом строе бурятского языка существенно отличается от аналогичных подсистем в русском и европейских языках. Эта подсистема имеет модификации и различия по бурятским говорам. Выявление специфических особенностей в ритмомелодике по этим говорам даст ценный исходный материал для сопоставительного анализа с аналогичными подсистемами других монгольских и иносистемных языков и послужит надежной базой при разработке методик обучения произношению, в частности интонации русского и иностранных языков в бурятских школах и вузах.

В данной работе подвергнуты анализу мелодемы простых нераспространенных предложений говора хоринских бурят с применением осциллографического метода с некоторыми усовершенствованиями, введенными в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Института истории, филологии и философии СО АН СССР под руководством В. М. Наделяева.

Суть этого метода заключается в следующем: диктор наговаривает заданную программу, и поступающие по трем каналам воздушные колебания — по каналу горла, каналу носа, каналу рта — преобразуются

в электромагнитные колебания с последующей оптической записью на киноплёнке в виде трех кривых. Синхронный анализ этих кривых позволяет выделить в звуковых оболочках записанных предложений их звуковой состав. А измерение по кривой горла количества колебаний в одновременных отрезках и амплитуд этих колебаний выявляет интонационные рисунки — мелодемы, включающие в качестве основных характеристик движение тона и относительную интенсивность. Результаты измерений даются в виде графиков. При этом к каждому графику прилагается его нотная трансформация, что позволяет более наглядно представить высоту, длительность, паузальность и интенсивность средствами музыкального письма.

Для получения экспериментального материала в качестве специально отработанной программы был задан ограниченный список из сорока предложений, состоящий только из простых односоставных и двусоставных нераспространенных предложений в положительном и отрицательном аспектах с коммуникативными установками побуждения, повествования и вопроса. Чтобы выявить степень участия звонких согласных в бурятских мелодемах в программе предусмотрено два типа предложений по консонантному составу: половина предложений преимущественно с глухими согласными и половина предложений преимущественно со звонкими.

Из всей программы для данной работы отобрано восемь побудительных предложений, разбитых на две группы под условными кодами: программа "Тата" и программа "Наада". А. 1. Тата! (Кури!); 2. Бу тата! (Не кури!); 3. Та татагты! (Вы курите!); 4. Та бу татагты! (Вы не курите!). Б. 5. Наада! (Играй!); 6. Бу наада! (Не играй!); 7. Та наадагты! (Вы играйте!); 8. Та бу наадагты! (Вы не играйте!) (список дан в орфограммах).

Для записи методом логирования было подобрано шесть дикторов — мужчины в возрасте 25–40 лет, родом из Еравнинского, Кижингинского аймаков Бурятской АССР, хорошо владеющие хоринским диалектом. Каждый диктор наговаривал все предложения программы в среднем пять–шесть раз, что позволяло при некотором вариативном разбросе выявить наиболее характерные черты мелодем по их относительной частотности и стабильности.

В данной работе представлены обобщенные результаты только по одному диктору и, как сказано выше, только по предложениям с коммуникативной установкой побудительности.

Диктор — мужчина 40 лет, родом из Еравны, с высшим образованием, с относительно низким голосом от ре большой октавы до си малой октавы с подразделением на три регистра: нижний регистр в пределах ре — ля бемоль большой октавы, средний регистр в пределах ля большой октавы — ми бемоль малой октавы, верхний — в пределах ми — си малой октавы.

МЕЛОДЕМЫ Д2

№17. Односоставное нераспространенное побудительное положительное предложение Тата 'Кури'

№	№ лент и программ	№№ 10 мм шажков	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11											интервалы		
														по 10 мм шажкам	по 50-шажкам	
1	17-21	звуки	t^{θ}		a		δt^{θ}		a				a		4-5	- м2
		м сек	107,9		64,6		132,8		85				85		5-9	+ ум5
		герцы			123 117				162 123 91						9-11	- м7
		ноты			H AIs				B H 9Is							
		интенс.			p <				m f >		p					
2	21-21	звуки	t^{θ}		a		δt^{θ}		a						2-3	z1
		м сек	62,7		123,9		129,6								3-7	+ б2
		герцы	130				149 117 87								7-9	- z5
		ноты	c				d b y									
		интенс.	p <				m f >		p							
3	23-21	звуки	t^{θ}		a		δt^{θ}		a						2-3	z1
		м сек	54,3		123,9		122,7								3-7	+ z4
		герцы	123				159 136 91								7-9	- м7
		ноты	H				E cis 9Is									
		интенс.	p <				m f >		p							
4	32-21	звуки	t^{θ}		a		δt^{θ}		a						3-4	- м2
		м.сек	70,7		79,4		120,8		101,1						4-8	+ м3
		герцы			123 130				156 123 91						8-10	- б6
		ноты			H c				dIs H 9Is							
		интенс.			p <				m f >		p					
5	32-45	звуки	t^{θ}		a		δt^{θ}		a						3-4	z1
		м сек	74,1		77,5		116,6		117,8						3-4	z1
		герцы	130				119 136 104								4-8	+ б3
		ноты	c				B cis 9Is		9Is						8-10	- м6
		интенс.			p <				m f >		p					
6	32-69	звуки	t^{θ}		a		δt^{θ}		a						3-7	+ ум5
		м сек	81,7		65,7		111,3		107,2						3-7	+ ум5
		герцы			136				195 156 104						7-9	- ум4
		ноты			cis				B cis 9Is						9-10	- z5
		интенс.			p <				m f >		p					

Ниже излагаются результаты метрического анализа каждого из восьми побудительных предложений, наговоренных данным диктором шесть-семь раз каждое.

I. Мелодема односоставного нераспространенного побудительно-положительного предложения Тата! (Кури!). Проанализировано шесть удовлетворительных записей, результаты сведены в табл. I.

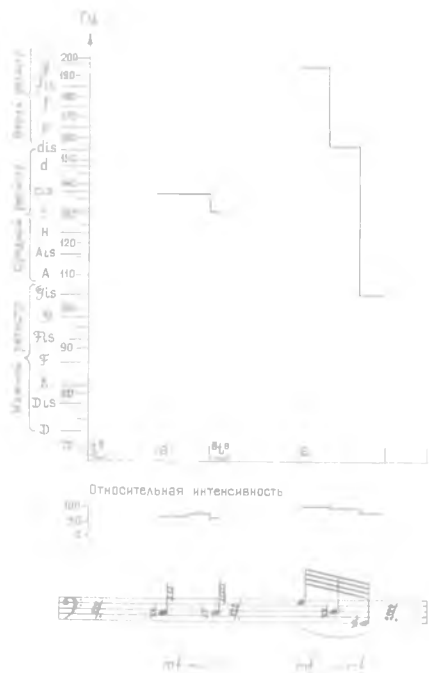
В четырех случаях из шести движение основного тона в первом гласном а сохраняется на одной высоте, в двух случаях наблюдается повышение на секунду. Интервал между первым и вторым гласным а колеблется в пределах терция - квинта, затем происходит значительное падение во втором гласном а на интервал квинта - септима. На рис. I дается типичная мелодема этого предложения.

Глухие согласные не включаются в мелодему. Ровный тон первого гласного а на среднем уровне среднего регистра, затем тон значительно повышается (из среднего регистра в верхний) на увеличенную кварту, после подъема следует значительное падение тона второго а почти на октаву (из верхнего регистра в нижний).

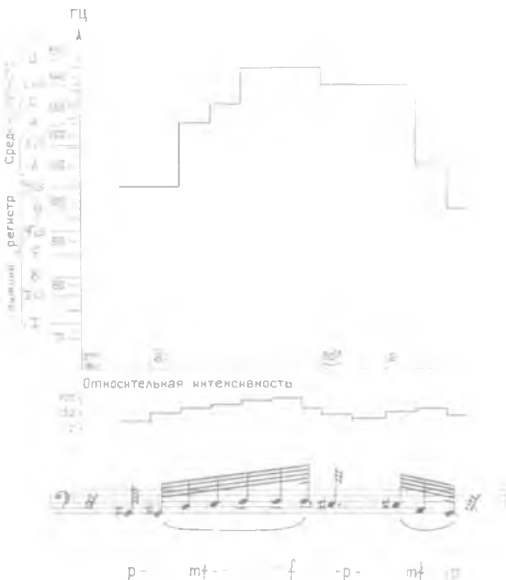
2. По предложению Наада! (Играй!) проанализировано семь удовлетворительных записей, результаты сведены в табл. 2. В пределах первого слога наа- общее движение тона во всех случаях является восходящим, на втором слоге -да происходит понижение на интервал терция - квинта. Типичная мелодема этого предложения представлена на рис. 2.

Высота тона звонких согласных включается в общее движение основного тона, за-

полняя собой резкие интервальные скачки между гласными. Однако направленность движения тона в звонких согласных полностью зависит от общей направленности тона смежных гласных. Это дает осно-

Р и с. I. Односоставное нераспространенное побудительное положительное предложение Тата! (Кури!).

Р и с. 2. Односоставное нераспространенное побудительное положительное предложение Наада! (Играй!).

вание при обобщении мелодем в целях упрощения не учитывать движения основного тона в звонких согласных. В типичном по мелодическому рисунку слове-предложении Наада! констатируется общее повышение тона в пределах первого долгого гласного аа на уменьшенную квинту (с верхней трети нижнего регистра до верхней трети среднего регистра) с последующим падением тона во втором слоге на общий интервал в чистую квинту (до верхней трети нижнего регистра).

3. Бу тата! (Не кури!) – односоставное нераспространенное побудительное отрицательное предложение. Проанализировано 8 записей, сводка

измерений дана в табл. 3. Все предложения реализуются тонально в основном в среднем регистре. На запретительной частице бу имеет место повышение основного тона в пределах секты – септумы, а на последующих слогах идет постепенное падение тона. Согласно табл.3 наиболее типичным является предложение 3 (см. рис. 3).

Основной тон на запретительной частице бу из нижнего регистра резко поднимается на уменьшенную септиму (до нижней трети верхнего регистра) и затем на всей остальной части предложения постепенно падает с общим интервалом на октаву (из верхнего регистра до середины нижнего).

4. Мелодема односоставного нераспространенного побудительного отрицательного предложения Бу наада! (Не играй!). Анализ сделан по семи записям (табл. 4). В большинстве случаев на отрицании бу, начиная с согласного, основной тон повышается по ступеням в пределах септумы, а на последующей части предложения идет постепенное падение основного тона. В типичной мелодеме (см. рис. 4) основной тон поднимается на участке запретительной частицы бу на большую сексту (с нижней трети среднего регистра до средней трети верхнего регистра) с последующим падением тона на увеличенную октаву (до середины нижнего регистра).

5. Двусоставное нераспространенное побудительное положительное

МЕЛОДЕМЫ Д2

№18. Односоставное нераспространенное побудительное отрицательное предложение Бу тата 'Не кури'

№ п.п.	№№ лент и программ	№№ 10 мм шажков	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15															Интервалы		
																		по 10 мм шажкам	Музык. квалитет	
1	17-22	звукИ																1-5 5-8 8-9 9-12 12-15	+ м7 - з1 - з4 - м2 - ув3	
		м.сек	133,8		45,2	87,0		71,4	108,7		102,6									
		герцы	91	104	123,5	136	169		169	123,5		117	91	84						
		ноты	♭	u	h	cis	e		e	h			Ais	♭	♯					
		интенс.	p ————— mf ————— p																	
2	21-22	звукИ																1-5 5-9 9-13 13-15	+ м6 - б2 - з4 - з5	
		м.сек	91,9		87,4	89,3		67,7	123,5		104,1									
		герцы	104	110	143	162		143				110	91	71						
		ноты	♭	A	d	e		d				A	♭	D						
		интенс.	p ————— mf ————— p																	
3	23-22	звукИ																1-4 4-7 7-8 8-12 12-14	+ ум7 - м3 - б2 - ум3 - ув3	
		м.сек	78,7	76	84,4		69,5	114		105,6										
		герцы	104	117	156	175		149	130			117	91	84						
		ноты	♭	Ais	dis	f		d	c			Ais	♭	♯						
		интенс.	p ————— mf ————— p																	
4	32-22	звукИ																1-5 5-8 8-10 10-13 13-15	+ б6 - б2 - б2 - ум3 - з4	
		м.сек	91,2		97,3	96,9		74,5	109,8		95									
		герцы	110	130	143	175	192		169	143		104	91	79						
		ноты	A	c	d	f	♯		e	d		♭	♭	Dis						
		интенс.	p ————— mf ————— p																	
5	32-46	звукИ																1-6 6-8 8-9 9-12 12-14	+ м7 - м3 - ув2 - м3 - м3	
		м.сек	88,9	115,9		74,9	68,8	97,6		97,7										
		герцы	104		143	169	188		156	130		110	91							
		ноты	♭		h	h	♯		dis	c		A	♭							
		интенс.	p ————— mf ————— p																	
6	32-70	звукИ																1-4 4-7 7-8 8-12 12-13	- б6 - з1 - з4 - ум3 - з1	
		м.сек	85,9	68	81,3		72,6	114		78,6										
		герцы	110	136	188		175	130				117	110							
		ноты	A	cis	♯		f	c				Ais	A							
		интенс.	p ————— mf ————— p																	

МЕЛОДЕМЫ Д2

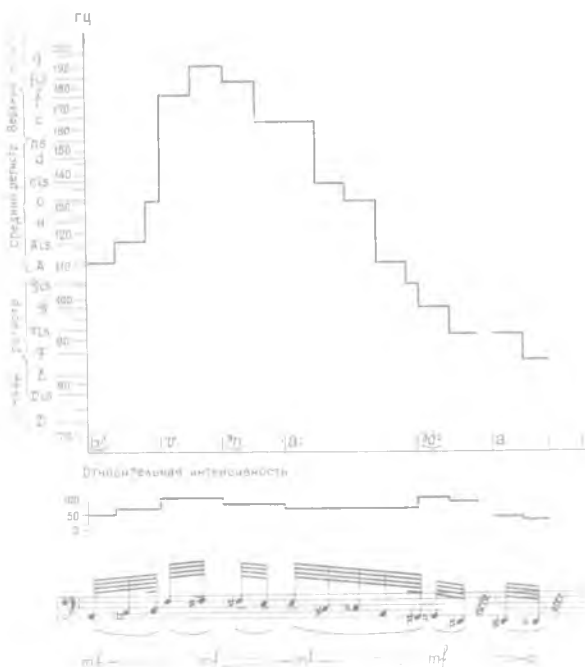
№38. Односоставное нераспространенное повелительное отрицательное предложение Бу навада 'не кури'

№ п/п	№ кварт и номера	№ п/п м. обж. №	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17																	ИНТЕРВАЛЫ		
			10-12 м. обж. №																	м. обж. №	м. обж. №	
1	22-32	ЗВУКИ	б ⁺	г ⁺	а ⁺	д ⁺					а ⁺	а								1-2	+ 5,8	
		М. ОБЖ	71,0	70,7	82,5	149,5					80,8	128,2								2-4	+ 4,3	
		ГЕРЦЫ	117 140	182 170	192 169	158 186	117 104	175 81	81 84											3-10	- 4,7	
		НОТЫ	В Д Е F	f c d	d c c c A G F G	A F c d	F A F													10-11	- 4,1	
		ИНТЕРС	р	р																	11-14	- 5,0
2	16-18	ЗВУКИ	б ⁺	г ⁺	а ⁺	д ⁺					а ⁺	а							1-3	- 3,1		
		М. ОБЖ	80,8	88,8	80,8	159,8					80,8	84,3								3-4	+ 6,0	
		ГЕРЦЫ	78 71	182 140	221 185	192 162	149 130	110 104	104 92,5	84,5										4-5	+ 6,3	
		НОТЫ	Д А В	f c d B G	f c e d c	A F c	F A F c	F A F												5-9	+ 4,0	
		ИНТЕРС	р	р																	10-12	- 4,3
3	04-21	ЗВУКИ	б ⁺	г ⁺	а ⁺	д ⁺					а ⁺	а							2-7	+ 6,0		
		М. ОБЖ	140,8		160,7	84,4	174,8				85,0	59,5								7-13	- 5,0	
		ГЕРЦЫ	92,5 104 117	143 162 169	159 158 143	102,5 110 104 92,5	81	81 84												13-16	- 4,2	
		НОТЫ	Г А В	d e F	F d c d d d H	A H G G F c d	F c G	F c G												14-17	- 3,1	
		ИНТЕРС	р	р																		
4	32-108	ЗВУКИ	б ⁺	г ⁺	а ⁺	д ⁺					а ⁺	а							1-3	+ 2,0		
		М. ОБЖ	80,7	84,8	88,8	165,1					80,4	79,1								3-4	+ 8,1	
		ГЕРЦЫ	110 125,5 160 168 182	195 169	162 148 130 117	104 175 175 86														4-9	+ 6,2	
		НОТЫ	A H G F c G E	G d c B	G c G G F c G	F c G	F c G													9-10	+ 4,2	
		ИНТЕРС	р	р																	11-12	- 4,3
5	32-131	ЗВУКИ	б ⁺	г ⁺	а ⁺	д ⁺					а ⁺	а							1-3	+ 38,4		
		М. ОБЖ	15,9 81,3	80,8	80,7	98,8	59													3-4	- 2,1	
		ГЕРЦЫ	110 138,2 158 143 130	173,3 117 104 173 11 84,5 78 79																	4-9	- 48,0
		НОТЫ	A c c d c d c H	A c F c G F c E E																	9-10	- 5,2
		ИНТЕРС	mf	р																	10-12	- 5,2
6	32-154	ЗВУКИ	б ⁺	г ⁺	а ⁺	д ⁺					а ⁺	а							1-3	+ 4,8		
		М. ОБЖ	78,1	80,8	75,1	166,8					87,5	70,5								3-3	+ 39,4	
		ГЕРЦЫ	110,5 117 150 170 188	162 162	162 148 130 110 104	175 81	81 84													5-6	+ 1,1	
		НОТЫ	A A c c F F c c	c c c c c A F c G F c F																	6-8	- 5,2
		ИНТЕРС	mf	р																	11-14	- 6,7
7	32-177	ЗВУКИ	б ⁺	г ⁺	а ⁺	д ⁺					а ⁺	а							1-2	- 7,1		
		М. ОБЖ	71,1	81,6	77,5	150,4					80,1	70,1								2-3	+ 2,4	
		ГЕРЦЫ	110	143 160 175	162 143	130 117 110 104	81	81 78												3-5	+ 4,3	
		НОТЫ	A	d F F E d	c B A A G	F c F c d c														5-11	- 4,2	
		ИНТЕРС	р	р																	10-11	- 4,3

МЕЛОДЕМЫ Д 2

№37 Двусоставное нераспространенное побудительное предложение (положительное) Та наадагты 'Вы играете'

№ п/п	№ п/п мелодемы	Интерваллы																										
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25		
1	звучи	t ⁸	к	ан ³	а																						2-5	+24
	и сек	63,5	129,2		85,1	130,8																					5-6	+21
	герцы		130 136 156 175		167 183 193 198																						6-12	-м3
	ноты		c cis dis f		fis e e dis																						12-14	+ум3
	интенс.		p																								14-20	+03
2	звучи	t ⁸	а:	ан ³	а:																						2-5	+03
	и сек		131,5		74,5	133,4																					5-6	+21
	герцы		149,5 156 162		162 156																						6-7	-м1
	ноты		d dis e		e dis																						7-11	-м1
	интенс.		p																								11-13	+03
3	звучи	t ⁸	а:	ан ³	а:																						2-5	+02
	и сек		85,9		125,8																						5-6	-м2
	герцы		136 149,5 156		149,5																						12-13	-м3
	ноты		cis d dis		d																						13-14	+ум4
	интенс.		p																								14-20	+02
4	звучи	t ⁸	а:	ан ³	а:																						2-5	+24
	и сек		138,3		70,7	138,3																					5-6	-21
	герцы		123,5 143 156 162		162 143	136																					6-10	-03
	ноты		H d dis e		e d cis																						11-13	-м2
	интенс.		p																								13-18	+05
5	звучи	t ⁸	а:	ан ³	а:																						2-5	+24
	и сек		128,4		55,5	147,4																					5-6	-21
	герцы		122,5 136,5 149,5 149,5		143 143 136,5 136,5																						6-10	-03
	ноты		H cis d d		d d cis cis																						11-12	-02
	интенс.		p																								12-14	+21
6	звучи	t ⁸	а:	ан ³	а:																						2-5	+24
	и сек		167,3		132,6																						5-6	-02
	герцы		136,5 156 162		149,5																						6-7	-02
	ноты		cis dis e		d d																						7-13	+21
	интенс.		p																								13-14	-м2
7	звучи	t ⁸	а:	ан ³	а:																						2-5	+02
	и сек		124,6		64,2	133,0																					5-10	+21
	герцы		130 149,5		149,5																						10-11	+21
	ноты		c d		d d d d																						11-12	-02
	интенс.		p																								12-13	+21
8	звучи	t ⁸	а:	ан ³	а:																						2-5	+02
	и сек		124,6		64,2	133,0																					5-10	+21
	герцы		130 149,5		149,5																						10-11	+21
	ноты		c d		d d d d																						11-12	-02
	интенс.		p																								12-13	+21

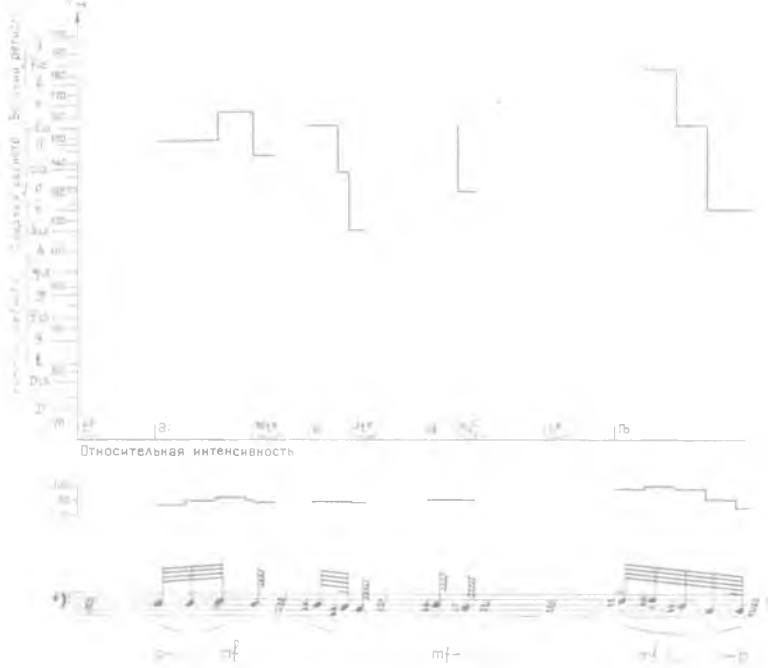

Р и с. 4. Односоставное нераспространенное побудительное отрицательное предложение Бу наада! (Не играй!).

ды-терции (с переходом в нижнюю треть верхнего регистра). Сказуемое начинается на полтона ниже и произносится в основном ровно, только на последнем слоге —гты основной тон поднимается на секунду-терцию с последующим падением в пределах кварты-октавы. На рис. 6 дается график наиболее типичной мелодемы данного предложения.

Тон в подлежащем Та, начинался в середине среднего регистра, повышается на малую терцию (до начала верхнего регистра). Мелодемный отрезок сказуемого, начинался ниже на большую секунду, выдерживается на одном уровне (в верхней трети среднего регистра) и, повышаясь на слоге —гты на большую терцию (до середины верхнего регистра), резко падает на этом слоге на малую сексту (достигая нижней трети среднего регистра).

7. Двусоставное нераспространенное побудительное отрицательное предложение Та бу татагты! (Вы не курите!). Проанализировано пять удовлетворительных записей, результаты сведены в таол. 7. Во всех

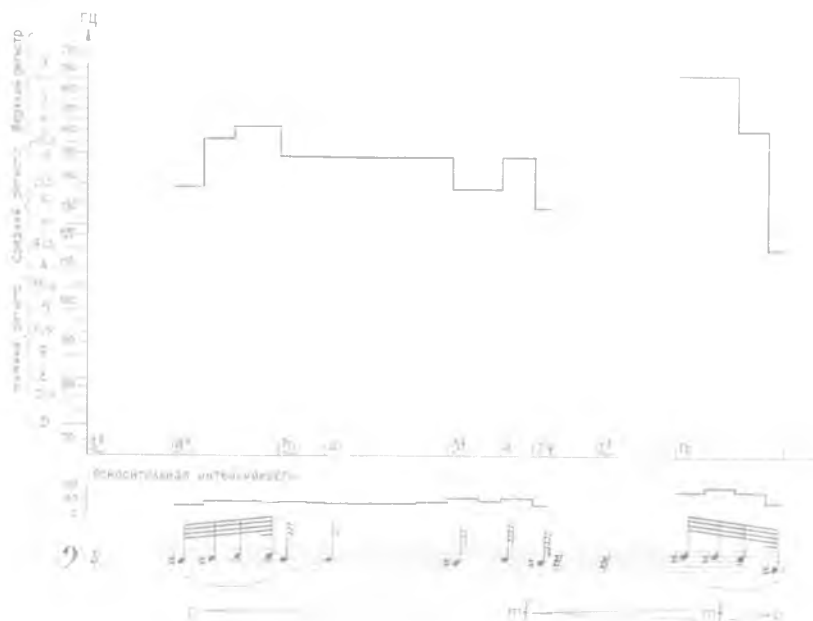

Р и с. 5. двусоставное нераспространенное побудительное предложение 'Та татагты! (Вы курите!)'.

записях предложения основной тон в долгом гласном а подлежащего повышается в пределах секунды, затем понизившись на согласном запретительной частицы бу на интервал секунда-терция, на гласном у этой частицы опять повышается на два тона до фа диез малой октавы, во всех остальных слогах сказуемого идет постепенное падение тона на общий интервал секста-тона. Типичная мелодема представлена на рис. 7.

Основной тон на участке долгого гласного а в подлежащем Та повышается на малую секунду (с верхней трети среднего регистра до нижней трети верхнего регистра). На гласном запретительной частицы бу основной тон имеет максимум повышения на ноте фа диез малой октавы (в средней части верхнего регистра), затем на остальном участке сказуемого значительно падает на интервал большая септима (достигая верхней трети нижнего регистра).

8. Та бу наадагты! (Вы не играйте!) – двусоставное нераспространенное побудительное отрицательное предложение. Проанализировано семь записей, сводка анализов дана в табл. 8. Во всех записях предложении основной тон на подлежащем повышается на секунду, на запретительной частице бу происходит подъем еще на терцию-кварту, затем наблюдается постепенное падение тона. Типичная мелодема

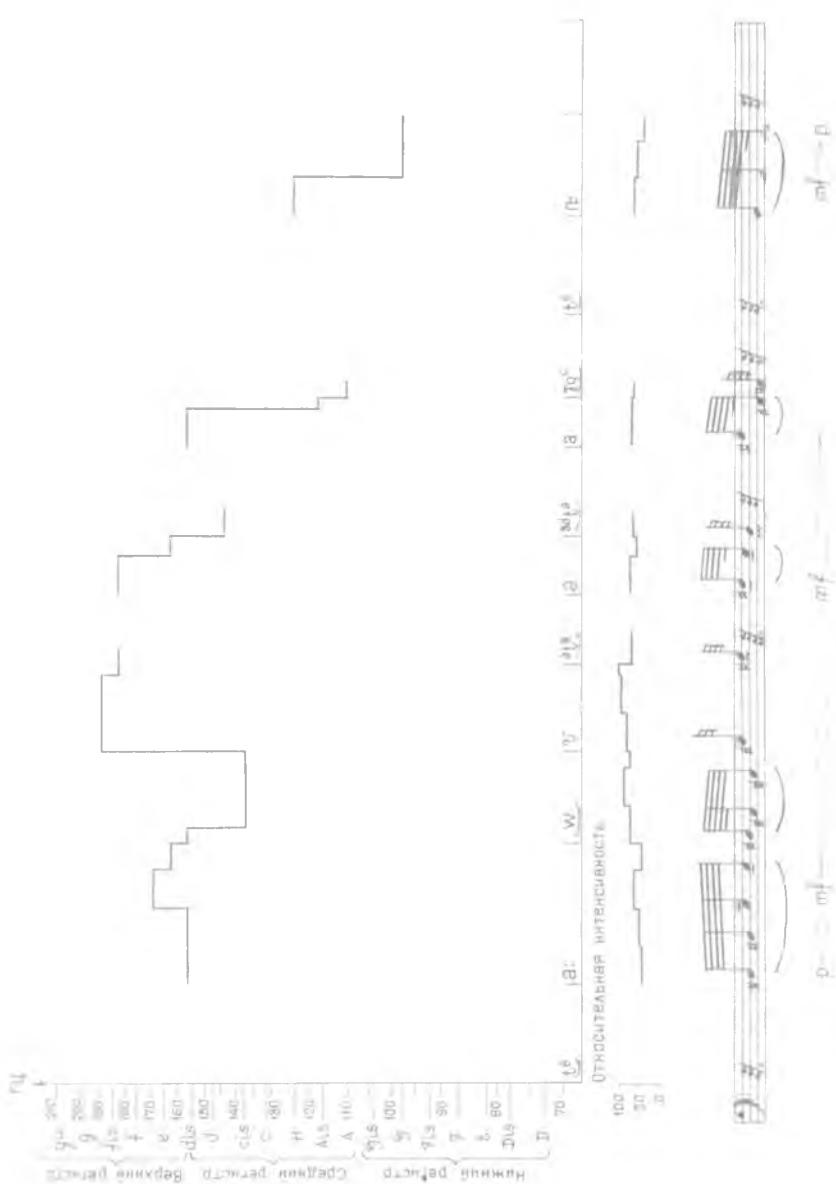
Р и с. 6. двусоставное нераспространенное побудительное положительное предложение Та наадагты! (Вы играйте!).

представлена на рис. 8. Основной тон в подлежащем на гласном а в среднем регистре повышается на большую секунду. Максимум повышения основной тон достигает на гласном запретительной частицы оу, на ми малой октавы (в нижней трети верхнего регистра), затем он постепенно падает на остальных гласных сказуемого на общий интервал большая септима (до середины нижнего регистра).

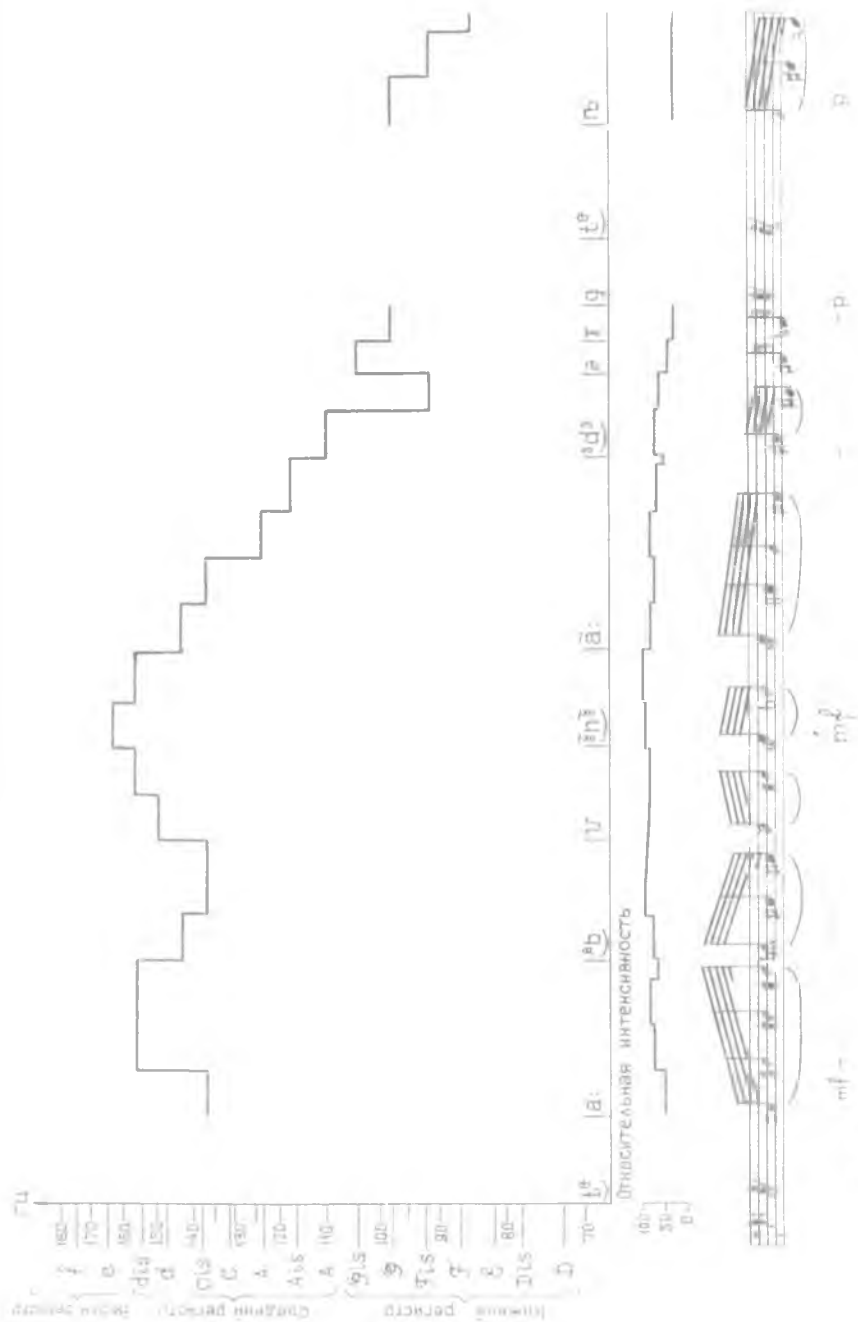
Сопоставительный обзор типичных мелодем односоставных и двусоставных нераспространенных побудительных предложений говора хоринских бурят позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

1. Для мелодемы односоставных побудительных предложений характерен один максимум с общим звучанием мелодемы в пределах среднего регистра при выходе максимума в верхний регистр. Причем в отрицательном предложении максимум приходится на гласный запретительной частицы оу. Схематично (для практических целей) этот тип мелодем можно обобщить в следующем виде (см. рис. 9).

2. Для мелодемы двусоставного нераспространенного побудительного предложения характерны два максимума: первый, относительно меньший, приходится на гласный подлежащего, второй, наибольший, приходится на последний слог сказуемого при относительно ровном тоне на предшествующих слогах сказуемого. Общее звучание мелодемы в пределах среднего регистра с заходом второго максимума в верхний регистр (см. рис. 10).

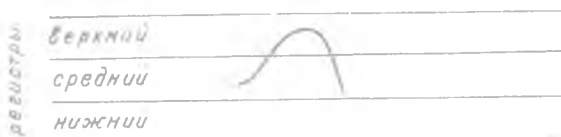

Р и с. 7. Двусоставное нераспространенно побудительное отрицательное предложение Та бу татагы! (Мы не курите!).

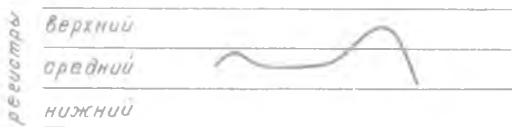

Р и с. 5. Двуставное нераспространенное побудительное отрицательное предложение Та Оу наадагты! (Вы не играйте!).

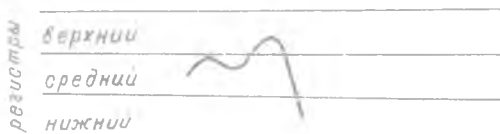
3. Для мелодемы двусоставного нераспространенного побудительного отрицательного предложения также характерно наличие двух максимумов. Первый максимум, относительно меньший, как в предыдущей мелодеме, приходится на гласный подлежащего. Второй максимум, наибольший, в отличие от мелодемы соответствующего положительного предложения, приходится на гласный запретительной частицы *бу*. Причем остальная часть сказуемого характеризуется постепенным значительным понижением основного тона. Вся мелодема в целом звучит в среднем регистре с переходом второго, наибольшего, максимума в верхний регистр и конечного минимума в нижний регистр (см. рис. II).

Р и с. 9. Схема мелодемы односоставного нераспространенного побудительного предложения.

Р и с. 10. Схема мелодемы двусоставного нераспространенного побудительного положительного предложения.

Р и с. 11. Схема мелодемы двусоставного нераспространенного побудительного отрицательного предложения.

ОБОЗНАЧЕНИЕ МАСТИ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ
В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ И ДИАЛЕКТАХ

Прилагательные, обозначающие цвет, вызвали постоянный интерес у лингвистов различных времен. Цель их исследований заключалась в том, чтобы на материале того или другого языка уяснить сложный и разнообразный путь развития подобных прилагательных. В современной лингвистике по данному вопросу достигнут определенный успех. В настоящей же статье мы преследуем несколько иную цель — показать роль цветowych прилагательных в обозначении масти домашних животных. Однако следует сказать, что существенной разницы между цветowymi определениями и словами, обозначающими масть, не имеется. Напротив, они тесно связаны между собой как по своему происхождению, так и по дальнейшему развитию. Поэтому обзор нашей темы мы начинаем с краткой характеристики самой природы цветowych прилагательных.

Известно, что цветowe прилагательные, как вообще качественные, в своем значительном большинстве исторически произошли от существительных, некогда обозначавших конкретный предмет¹. Так, например, русское прилагательное "голубой" восходит к существительному "голубь", "желтый" — к слову "злак", "зеленый" — "зелень"²; название цвета монг. хөх, калм. көк, бур. хухэ (голубой, синий, сивый) тесно связано с небом (древнемонгольское "көк" некогда означало и "небо")³; в современных монгольских языках нооон, калм. ноан (зеленый, зелень); общемонг. халиун (выдра),

¹ См.: В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М., Учпедгиз, 1947, стр. 153.

² А. А. Брагина. "Цветowe" определения и формирование новых значений слов и словосочетаний. — "Лексикология и лексикография". М., "Наука", 1972, стр. 76.

³ О названиях цветов подробнее см.: Т. А. Бертагаев. Сочетания слов и современная терминология. М., "Наука", стр. 104-115.

монг., бур. хулгана, калм. хульн (мышь), монг. хулан (дикая лошадь), имеющие в основе хал-, хул-, дают значения "саврасый, мышастый". Ср. маньч. илан (каурая)¹, кулан (саврасый)², монг. хэрээ < хэрийэ (ворон), хээр < хэгэр (вороной, гнедой)³. Ср. маньч. кэйирэ⁴. Из этих примеров мы видим также, что в группе цветowych прилагательных рядом со словами, теперь представляющимися как непосредственные обозначения цвета, выделяется немалое количество слов, выражающих понятие цвета через отношение к тому или другому предмету. Однако такой процесс протекал не сразу. По этому поводу известный ученый К. С. Аксаков писал: "При постепенном освобождении предмета, при постепенном превращении предмета в качество мысль все еще опирается на предмет; наконец, она доходит до понятия общего независимого значения, независимого от предмета, и доходит до понятия качества; здесь уже нет предмета. Здесь является одно чистое качество. Мысль доходит до него, и вместе, в слове, до области прилагательных, в полном смысле"⁵.

Но переход существительных в имена прилагательные в различных языках происходил по-своему. В одних языках он носил преимущественно морфологический характер, в других — синтаксический, а в третьих — лексико-семантический.

Для прилагательных монгольских языков признаются все три способа образования. Что же касается цветowych определений, то они выражают признак непосредственно лексическим значением своей основы. Такие прилагательные передают внешний признак по окраске: калм. хар мөрн (черная, вороная лошадь).

В монгольских языках цветowe прилагательные составляют определенное количество слов, преобладающее большинство из которых активно используется в обозначении масти домашних животных. К ним следует отнести в первую очередь такие широкоупотребляемые прилагательные, как цагаан (белый), хар(а) (черный), улаан (красный), шар(а) (желтый), бор(о) (серый), которые сейчас совершенно утратили предметную связь и твердо закрепили за собой "цветовое" значение. Но такое обозначение масти иногда кажется недостаточно точным, слишком обобщенным, не передающим все оттенки, различае-

¹ Г. Д. Санжеев. Маньчжуро-монгольские параллели. "Изв. АН СССР", отд. гуманитарных наук, № 9. Л., 1930, стр. 675.

² Там же, стр. 678.

³ Т. А. Бертагеев. Сочетания слов и современная терминология, стр. 107.

⁴ Г. Д. Санжеев. Указ. соч., стр. 676.

⁵ К. С. Аксаков. Сочинение филологическое, ч. II. (Опыт русской грамматики. Прибавление). Собр. соч., т. III. М., 1880, стр. III.

мые глазом. Так возникают все новые и новые цветовые определения. Например, из калм. цаџан (белый, белизна) произошли цаџавр (беловатый), цџџвр (белесый), цџвдр (игрениый), цџн, кр (бледный), цџкр (кремниый, кремневый), цџгџн (светлый, прозрачный). Вновь образующиеся прилагательные проходят тот же путь, что и некогда возникшие первичные обозначения цветовых признаков: калм. цаџавр (беловатый), цаџавтр (беловатый, немного белый), цаџавтршг или цаџашг (будто бы беловатый, почти что беловатый). Как видим, в новых образованиях модификация значения цветового прилагательного происходит как бы на фоне основного (в нашем примере - цаџан).

Качественные прилагательные, обозначающие цвет, характеризуются следующими признаками: имеют формы степеней качества, например, калм. цаџан (белый), цаџахн (беленький), цаџавтр (беловатый), цаџашг (белесый), цав цаџан || чис цаџан (пребелый, белый-пребелый), употребляются при сравнении, например, хун цаџан (белый, как лебедь, лебедино-белый), цасп цаџан (белый, как снег, белоснежный); обладают формальными признаками: специальными словообразовательными аффиксами, различными частицами, усиливающими внешний признак (см. приведенные выше примеры).

Особенность цветовых названий, как вообще имен прилагательных, в монгольских языках заключается еще в том, что в функции определения они неизменяемы. Прилагательное-определение не согласуется с определяемым в числе и падеже: калм. цаџан укр (белая корова), цаџан укрмуд (белые коровы, букв. белый коровы). По этому поводу Т. А. Бертагаев пишет: "Не можем ли мы рассматривать прилагательное как "несогласуемый признак" предмета, нельзя ли усмотреть в аморфности и неизменяемости монгольских прилагательных их особую грамматическую примету"¹.

Весьма характерно то, что многие монгольские цветовые прилагательные до сих пор прочно сохраняют за собой признак предметности, например такие названия, как калм. хон, џр (саврасый, савраска), хул (саврасый), зеерд (рыжий, рыжуха), цџвдр (игрениый), кер (гнедой, гнедуха), обозначают не что иное, как масть лошади; прилагательные улан (красная, рыжая корова, краснуха), хо (пестрая, пеструха) употребляются только с существительными, обозначающими крупный рогатый скот. Каждый калмык знает, что слово хон, џр означает "лошадь" и что оно указывает в то же время на масть - "саврасый". То же самое можно сказать и об остальных словах, из чего следует заключить, что подобные названия когда-то служили в качестве кличек домашних животных.

¹ Т. А. Б е р т а г а е в. Лексика монгольских языков. Докт. дис. М., 1947, стр. 57, 58.

Другой отличительной чертой цветowych названий является их способность сочетаться между собой и тем самым образовывать сложное прилагательное, обозначающее смешанный цвет: калм. хар кер (темно-гнедой). Такое сочетание превращается в более или менее устойчивый фразеологизм. Интересно отметить здесь и то, что в сочетании "определение + определяемое" цветовая гамма или гармония цветов остается предельно устойчивой. В последнем примере (хар кер) второй его компонент, занимающий место определяемого слова, не допускает постановки перед собой других названий: практически в речи не встречаются сочетания типа улан кер (булано-гнедой), бор кер (серо-гнедой), цаан-кер (светло-гнедой) и т. п. Эта особенность не нарушается и тогда, когда кер занимает место определения: нет цветowych обозначений подобных кер улан (гнедовато-буланный), кер боро (гнедовато-серый), кер цаан (гнедовато-белый), кроме, как кер алг (полосато-гнедой), кер цоохр (пестро-гнедой), кер ьалзн (гнедой с полоской на лбу). Эта особенность сохраняется во всех цветах. Следовательно, определенные цвета имеют свойства сочетаться со строго соответствующими и гармонирующими ему цветами, а не с какими угодно иными.

Важно отметить также следующее довольно типичное свойство цветowych прилагательных в монгольских языках. Как известно, в монгольских предложениях определение всегда должно стоять перед определяемым. По отношению к обозначению масти скота принцип "определение + определяемое" теряет свою устойчивость и приобретает более свободное положение. В примерах с прямым порядком слов: монг. хар хүзүүтэй, калм. хар толъата, бур. хара толгойто (черно-головая овца), и с обратным порядком — монг. хошуу цагаан, калм. амн цаан (беломордый) прилагательное, где бы оно ни стояло — впереди ли определяемого слова или после него — не теряет качественное содержание — указание на цветовое различие.

В рассматриваемом разряде прилагательных обнаруживаются и другие, но менее существенные свойства. Определения с такими качествами к освещению вопроса привлекаются лишь частично.

Цветовое прилагательное хар(а) довольно часто выступает и в качестве названия масти домашних животных вообще: бур. хара, калм., монг. хар, монг.-письм., калм.-письм. хара (черный, вороной, карий, темный). Ср. тюрк., маньчж., тур. кара.

Следует отметить, что у некоторых тюрко-монгольских слов, обозначающих цвет, невозможно определить их происхождение. История таких прилагательных в настоящее время точно не установлена. Поэтому эти названия пока что приходится признавать общими для многих алтайских групп языков. Таковыми, например, являются монг. хара, хөх, шар-, тюрк. кара, көк, сары.

Семантика слова хара необычайно широка: оно обозначает все, что имеет темный цвет, широко употребительно также и в переносном смысле — злой, порочный: калм. хар (подозрение, черное пятно); монг. хар (ревность, зависть, недоброжелательность). Основное значение слова хар(а) — "черный", которое теперь для нас представляется предельно абстрактным. Но все-таки его предметная принадлежность во многом сохранилась и сейчас, пусть даже в общем контурном очертании. И, действительно, в каком бы смысле оно ни употреблялось, не теряет бесследно свою предметную связь: хараан в современных монгольских языках — это и вид, и контур, и силуэт, и черное пятно, то есть все то, что попадает в поле зрения глаз. Таким образом, можно предположить, что слово хара первоначально обозначало предмет или совокупность предметов темного очертания и впоследствии, как видимость вообще, перешло на предметы другого, в том числе и светлого цвета, например, калм. харан тасрх, независимо от внешнего (даже белого) оттенка, означает "потерять видимость".

Корневым элементом хар(а) является хар, интервокальное р в нем может чередоваться с л, например: халтар (темно-гнедой). В обозначении смешанной масти оно встречается в сочетаниях с различными словами, например с прилагательными: монг. хар хээр, калм. хар кер, бур. хара хээр (темно-гнедой), монг. хар бор, бур. хара боро (темно-серый), калм. хар бор (темно-серый, пестрый).

Указанные сочетания в основном обозначают масть лошадей и представляют собой семантически не разложимые сочетания, в которых хар(а) как определение стоит на своем законном первом месте, другие цветковые прилагательные — на втором, то есть на месте определяемого слова. И здесь у вторых членов чисто цветковое значение отодвигается как бы на задний план. Это связано, по-видимому, с тем, что значение предметности у определяемых компонентов выше, чем цветковое. Потому всем понятно, что хар(а) хээр || кер есть не что иное, как лошадь темно-гнедой масти.

Монг. хар саарал, бур. хара наарал (темно-серый), калм. хар саарл || хар || цоохр (темно-пестрый) указывает на масть крупного рогатого скота и лошади; монг. хар хөх, калм. хар көк, бур. хара хүхэ (темно-синий) на масть овец и коз; монг. эрээн хар, калм. эрэн хар, бур. хара эрээн (крупный рогатый скот с продолговатыми черными полосками, пестрый, испещренный). Приведем примеры сложных названий черной масти с белой окраской на отдельных участках тела: монг. төөнтэй (сартай) хар, бур. төөнтэй хара, калм. төөлтэ хар (черная лошадь с белым пятном на лбу), монг. шийр цагаан хар, бур. шира сагаан хара, калм. булг шииртэ хар (вороной конь с белыми задними ногами). Слово хар в этих сочетаниях явно указывает

на вид скота — лошадь. Названия с указанием на черноту частей тела: монг., бур. хар(а) хузуутэй, калм. хар хузутэ (с черной шей — о масти овцы), монг. хар толгойт, бур. хара толгойто, калм. хар талхата (черноголовая овца) и т. д.

С помощью суффикса -гчин, -гшан образуется название масти черного или вороного цвета с указанием на принадлежность к женской особи: монг., калм. харагчин, бур. харагшан (вороная, черная — о масти домашнего скота женского пола, преимущественно о кобыле); слова с другими аффиксами, такими как -вр, -втр, указывающими на масть, встречаются редко, например, монг. харавтар, калм. харвр (черноватый, темноватый — о масти скота). То же наблюдается и в отношении усилительных частиц: калм. чилм хар (совершенно черный || чисто черный — о масти скота).

Родственным с хар(а) как по значению, так и по структуре является общемонгольское слово халтар с корневым элементом хал-, означающим масть коня: "гнедой, мухортый, гнедой с желтоватыми подпалинами", монг.-писъм., калм.-писъм. халтар. Ср. маньчж. калтара, монг. халтар морь (гнедой, белогрудый конь), хар халтар (темно-гнедой, белогрудый — о масти лошади). Характерно, что это слово в сочетании с другими цветами не вступает, присуще для обозначения масти преимущественно лошадей, и, видимо, когда-то служило в качестве клички этого вида скота.

При наличии аффикса -гчин || -гшан халтар обозначает масть самки лошадей: монг., калм. халтаргчин, бур. халтаргшан (кобыла светло-гнедой масти).

Монг., бур. хээр, калм. кер, монг.-писъм. кеире, кегер, калм.-писъм. кеер (гнедой) имеют общий корень хэ-, кэ-. Название кобылы этой масти выражается вместе с родовым именем: монг. хээгчин, калм. кеегчин, бур. хээгшэй (кобыла гнедой масти, гнедуха).

С этим цветовым обозначением встречаются следующие сложные названия: монг., бур. хээр алаг, калм. кер алг (полосато-гнедой, пестрый, белобокий, пегий); бур. юбуутай хээр (раковинно-серый), зап.-бур. бэльгэн хээр (вещий гнедой конь).

Монг. хул, калм. хул || хулн, монг., калм.-писъм. хула (саврасый) обозначает масть только лошадей. В калмыцком языке встречается и в значении "буланный". Ср. маньчж. кулан (саврасый).

Монг., калм. хулагчин, бур. хулагшан (саврасая кобыла) в сочетаниях почти не встречаются.

Монг. халиун, монг.-писъм. халигун, калм. халюн, калм.-писъм. халиун, бур. халюн (буланный — о масти лошади) в бурятском языке употребляется также в значениях "игрений, каурый" (о масти лошади). Предметная соотнесенность этой масти выражена довольно ярко. Ср. монг. халигу (выдра, бобр). Корова подобной масти в бурятском

языке называется халюун хурин даахита (игрене-темнобурая, букв. игрене-темнобурый линька), в калмыцком - халюн курн, в монгольском - халиун зээрд - светло-рыжий (о масти лошади).

С помощью аффикса -гчин также образуется термин монг., калм. халиугчин (игреня кобыла), содержащий в себе значение как масти, так и пола. В бурятском языке, кроме того, существуют и другие формы: халпурхаг (кауряя - о масти животных) и халпубтар (игренивый, игрениый - с неполным оттенком, о масти скота).

В бурятском языке имеются определение хуйлэн (сивый - о масти лошади), сочетание хуйлэн хухэ (серовато-синий - о масти вообще).

Прилагательные монг. хөх, письм.-монг. көкө, калм. көк, калм.-письм. көкө, бур. хухэ передают названия нескольких мастей, сходных между собой: "синий", "серый", "седой" (о масти скота вообще), "синий" в обозначении масти козы. Формы монг. хөхөгчин, бур. хуугшэн, калм. (редко) көкчин (сивая, серая) содержат значение "самка вообще". Смешанные масти с данным цветом встречаются в следующих случаях: монг. хөх бор, калм. көк бор, бур. хухэ боро (сиво-серый - о масти вообще), монг. хөх саарал, калм. көк саарл, бур. хухэ наарал (мышастый - о масти скота); калм. көк буурл (седой с синим отливом - о масти козы).

В бурятском языке синонимом хухэ выступает сибэгар (голубой, синий, сивый - о масти животных).

В обозначении масти скота в монгольских языках очень часто употребляется цветное прилагательное цагаан. Оно образовано при помощи аффикса -ган (-гаан || -нан), который позднее утратил свою продуктивность, и в слове цагаан (цаһан, сагаан) не отделяется от ныне омертвевшего корня ца-.

Цветное прилагательное цагаан, монг.-письм. чаган, калм. цаһан, калм.-письм. чаган, бур. сагаан (белый) необычайно широко употребляется и в переносном смысле. При этом оно иногда доходит до абсолютной потери буквального "цветового" значения, например: калм. цаһан хурьн (ягненок, родившийся весной, досл. белый ягненок), бур. эхир. сагаан (ягненок летнего помета), бур. алар. сагаан (шкура ягненка до шести месяцев).

Чисто белая масть передается при помощи уподобительных слов или усилительных частиц, пример: калм. хун цаһан (лебединой белизны, лебедино-белый), чиндын цаһан (белый как заяц), чилм || чис цаһан (белый-пребелый, совершенно белый) и т. д. Масть самки животных выражается морфологически: монг. цагаагчин, калм. цаһагчин, бур. сагаагшан (белая - о масти животных).

Однокоренными с цагаан являются слова: бур. хор. санхюудай (белесая - о корове), монг. цал (буурал), письм.-монг. чал (буурал), калм. цал (буурл), бур. мал (буурал) (светло-серый - о

масти и цвете). На масть этого же цвета указывает также монг. бугээн (светлый).

Сложные наименования масти передаются смешанными цветами: монг. цагаан бор, калм. цаһан бор, бур. боро сагаан (светло-сизый – о масти лошади), калм. цэн, кр цаһан, бур. санхир сагаан (белая лошадь), монг. цэнхэр цагаан, калм. цен, кр цаһан, бур. сэнхир сагаан (светло-голубой, светло-синий – о масти коз, овец); встречается белая или светлая масть с отметиной на отдельных участках тела: бур. юбуутай сагаан или хамар дээрэ хара (белая овца с черным пятном на носу или белая овца с черной головой и белым пятном на лбу). Это же значение в монгольском языке выражается другим слово – хүлэгчин (белая лошадь с черными пятнами), бур. загал (с пятнами на шее и лопатках – о масти лошади), загагшан (кобыла с темной гривой и темным хвостом), бур. тунк. загалтай (конь с темными полосами на пятках); монг. цагаан туурай, калм. туру цаһан или булг шииртэ (көлтө), бур. табгай сагаан (белоногий, белоножка – о масти лошади), монг. хошуу цагаан (беломордый); калм. мөн, гн урлта (белогубый конь, букв. серебристогубый – о лошади), бур. түбөө (беломордый – о ягнятах). Как видно, в последних двух названиях значение "белый" заключено в словах совершенно с другими корнями: калм. мөн, гн и бур. түбөө; калм. цаһанта, бур. сагаантай (с белым пятном на теле). Масть животных с белой отметиной обозначается также и другими словами, неродственными с цагаан: монг. бэлэвсэн (белая отметина на концах задних конечностей – о масти лошади), манхан (со звездочкой на лбу – о масти животных), хуңдан (белоголовый, беломордый, белесый – о масти овец), калм. төөл, бур. төөн (звездочка или белое пятно на лбу); бур. унг. төөн сагаан хонин (овца с белой звездочкой на лбу), бур. малагар (лысый – о масти лошади), малаан (лысый, плешивый, с белым пятном на лбу – о масти животных), бур. юбуун (отметина, звездочка на лбу – о масти животных).

Весьма распространенным являются названия масти с тем же значением: монг. халзан, монг.-письм. калджан, калм. Һалзэн, калм.-письм. галзан, бур. халзан (лысый, плешивый, голый, нагой, обнаженный, со звездочкой на лбу, с белыми пятнами на лбу, на голове – в основном о масти лошади). Ср. маньчж. калза (лысына). Следует отметить, что в указанных обозначениях масти основным отличающим признаком является указание на белую отметину.

Халзан | 1 | Һалзэн часто встречается в сочетаниях, например, монг. хүрэн халзан, калм. күрн Һалзэн (рыжая лошадь с лысиной), бур. халзан хара (черно-лысая коза), халзан зээрдэ (рыжий со звездочкой на лбу конь), майр халзан (лысый верблюд), калм. хо Һалзэн (черно-лысый конь), амн Һалзэн (нестрогубан лошадь).

Монг. цавьдар, калм. цэвдр, бур. сабидар, монг.-письм., калм.-письм. чабидар означает "игрения, рыже-бурая лошадь с белой гривой и белым хвостом", в бурятском, кроме того, может означать "рыжий". Ср. маньч. сабдарь.

При помощи аффикса -гчин ||-гшан также образуются названия масти женской особи: монг. цавьдагчи(ин), калм. цэвдгчин, бур. сабидагшан (игрения кобыла). Смешанная масть с данным цветом встречается крайне редко, например, бур. сабдир зээрдэ (игрени-рыжий конь). Корневой элемент этого слова, видимо, ца-. В определенной связи с ним находится однокорневое прилагательное монг. цайвар, монг.-письм. чаibur, калм. цаibar, бур. сайбар (белесый, беловатый - о цвете и масти), которое обладает широкой сочетаемостью со всеми прилагательными, обозначающими темный цвет: например, монг. цайвар бор, бур. сайбар боро (светло-серый). В подобных сочетаниях цайвар указывает на светлый тон черных по цвету предметов.

Среди цветовых обозначений животных очень распространенным является определение: монг., бур. хонгор, монг.-письм. хонгур, калм.-письм. хонгор, калм. хонър (буланный, соловый, светло-рыжий, белокурый, белый с желтым оттенком - о масти лошади).

Старомонг. хубахай, монг.-письм. хува впоследствии дало монг., бур. хуа, у которого выпал интервокальный в. Еще позже в калмыцком языке произошло слияние двух гласных уа в оо: письм.-калм. хоо, совр. калм. хо (пестрый, каурый, светло-рыжий, песочного цвета; красивый, привлекательный, обаятельный). В литературе это слово часто употребляется в качестве эпитета, например, калм. хо цаган кууни (блондинка, прелестная девушка). Производными от него являются монг., калм. хоогч(ин), бур. хуагшан (корова пестрой красивой масти). С этим же значением имеют составные имена, обозначающие масть лошади: калм. хо зөөрд (светло-рыжий с пестринкой), хо цоохр (светло-пестрый, чубарый), хо ьалзн (светлый с крапинками на морде). Совр. бур. хубхай (белый, бледный, костяной цвет) и хубхи, хубхигар (бледный). Синонимом монг. хуа или старомонг. хува (бледный) является ообщемонг. ухаа (каурый, светлый, рыжий, красный - о масти животных); монг. ухаагчин, бур. ухаагшан (каурый - о масти самок животных).

Корневым элементом как для хонгор, так и для хуа, по-видимому, является ху-. Думается, что не случайны семантическое и структурное совпадения этих слов в корне с монг., бур. диал. хон, монг. калм., бур. хун (лебедь). Возможно, что они имеют между собой этимологическую связь. Ср. тюрк. куба (бледный), маньчж. кува (светло-желтый).

В калмыцком языке существует масть, сравниваемая с цветом зо-

лы: үмси өнгтэ (пепельный, досл. цвета золы); аналогичное обозначение имеем в общемонгольском названии масти хөө (көө) хар(а) (пепельно-черный, букв. как сажа черный). В данных выражениях масти находим ясную предметную соотнесенность. В них в качестве определения выступают не цветочные прилагательные, а имена существительные, обозначающие конкретный предмет.

Монг. хурэн, монг.-письм. курен, калм. курн, калм.-письм. курун, бур. хурин означает "коричневый, бурый, бордо". Ср. тюрк. көрук (бурый с темными полосами), маньчж. курен (бурый, ~~темный~~ — о масти животных). Вообще семантический диапазон этого прилагательного в обозначении масти животных довольно широк.

Для передачи значения ослабленности признака к основе присоединяются аффиксы: калм. курн + тр, курн + ьу, бур. хури + хэн, хури + бтэр, хури + гшэн (коричневый, буроватый — о масти животных).

Имеются также формы, служащие для передачи значения смешанного признака, например, монг. хурэн хар, калм. курц хар, бур. хурин хара (темно-коричневый); калм. курн халэн, монг. хурэн халээн, бур. хурин халзан (буро-лысый); монг. хурэн цоохор, бур. хурин соохор, калм. курн цоохр (буро-пестрый); калм. төөлтө курн, бур. төөнтэй хурин (бурый со звездочкой на лбу).

Что касается этимологии этого слова, то возникает предположение, что она связана с семантикой калмыцкого слова курн (калм.-письм. куруне) (хорек). В тюркских языках слово курук, помимо цветового обозначения "бурый", имеет также значение "бурундук".

В тюркских языках встречается слово алабарс, которое включает в свой состав прилагательное ала (пестрый) и существительное барс. Ср. кирг. илбирс (барс), алт. ирбис (тигр), монг. ирвэс, письм.-монг. ирбис, калм. ирвс, калм.-письм. ирбис (тигр, снежный барс). Думается, что эти слова в семантико-структурном отношении являются сложными и родственными следующим словам: монг. эрээн, монг.-письм. эриен, калм. эрэн, калм.-письм. эреен, бур. эреэн, эригэр (пестрый, полосатый, пятнистый, пегий); монг. эрээгч(ин), калм. эрээгчин, бур. эрээгшэн (пестрая, пегая самка — преимущественно о корове); калм. эрээн булчнгта саарл халюн (мышасто-буланный конь с выдающимися полосами мускул), бур. эреэн маряан үхэрнууд (рогатый скот разных мастей).

Далее приведем названия смешанной масти: монг. цоохор, монг.-письм. цоухур, калм. цоохр, калм.-письм. соохор, бур. соохор, бур. цонг. цоохор (чубарый, рябой, пестрый, пятнистый, с крапинками); сложные названия — калм. шу цоохр || ху цоохр (чубарый), бур. эрбэд соохор (полосатый, чубарый, с тигровой пестриной — о масти животных вообще). Ср. маньчж. цохоро (чубарый). От монг.

алаг (цоог), монг.-писъм. алаг, калм. алг, калм.-писъм. алаг, бур. алаг (полосатый, пестрый, разноцветный, различный, бело-бокий, пегий). При помощи аффикса -гчин || -гшан образуются монг., калм. алгчин, бур. алагшан (пестрая, пегая; пеструха - о самках животных); названия смешанной масти: калм. улу алг || белкусн алг (серо-пегий), калм. алг-булг, бур. алаг-булаг (пестрый, в пестринах), алаг эрээн (пестрый, разноцветный - о масти скота). Ср. маньч. алха (пегий), тюрк., турк. ала (пестрый).

Существует ряд других слов также со значением, указывающим на разномастность: монг. элдэв зүсийн || элдэв зүстэй (разномастный - о масти табуна, гурта, отары), толботой (пятнистый - о масти животных), тарлан (пестрый, крапчатый - преимущественно о масти крупного рогатого скота), бур. бэдир, будэр (крапинка, пятна; гнедая лошадь, с крапинками на спине), загал (с пятнами на шее и лопатках - о масти лошади); монг. саарал, монг.-писъм. сарал, сагарал, калм. саарл, калм.-писъм. сагарал, бур. ьаарал (серый, пепельный, мышастый, буланый - о масти лошади), калм. саарлгчин, бур. ьаарагшан (буланая кобыла). Названия смешанной масти: монг. хөх саарал (мышастая лошадь), калм. сайг сээхн саарл (с красивой походкой мышастый конь), бур. ьаарал буурал (буланый - чалый) и другие.

Монг., калм. өлө, бур. үлэн (сизый, сивый, седой - о масти вообще); бур. үлэгшэн обозначает "сивая", - (о масти самок животных) "самка". Ср. монг. өлө буурал (сизый, сивый, седой), калм. өлө алг (серо-пегий).

Монг., бур. буурал, монг.-писъм. бугурал (седой, чалый - о масти скота), калм. буурл, калм.-писъм. буурул, буурал (седой, седина, просесть, чалый; полынть), монг. буурагчин, калм. буургчин, калм. буургчин, бур. буурагшан (чалая - о масти самок животных), монг. улаан буурал (чалый); калм. буурл ьалзн (пестро-бурый) и другие.

Монг., калм. бор, монг.-писъм., калм.-писъм. боро, бур. боро (серый, сивый, темный, серо-пегий) указывают на масть животных вообще, монг., калм. борогчи(ин), бур. борогшон (серал, сивая кобыла), бур. бороотор, боршот, калм. ооровтр (сероватый), монг. боролдой (серый - о масти лошади и о птицах, серко - кличка лошади серой масти), борлог (сивый - о скоте); часто вступают в сочетание: калм. мокогор боро (поджарый серко), бур. мэлзэн боро (серый со звездочкой на лбу конь), боро хүхэн (серо-сивый веролод), хултэн боро (сивый веролод), хүйлэн боро (сивая лошадь), монг., бур. үүлэн боро (темно-сивый - о масти лошади). Ср. тюрк. бөрү, бөр (волк), бор (серый); в тюркских языках, кроме того, имеются специальные слова для обозначения волчонка: кирг.

белтурук, казах. белтырык, которые как в звуковом, так и в семантическом отношении совпадают с калм. белтрэг, калм.-писъм. бэлтэрэк, бур. бэлтэргэ (волчонок). По-видимому, все они образованы от одного корня; бор (бөр) || бөл (бөл). Г. И. Рамстедт от бор (серый, упитанный, жирный) производит тюрк. борсук (барсук)¹.

Монг. зээрд, монг.-писъм., калм. зээрд, калм.-писъм. жээрдэ, бур. зээрдэ (рыжий, рыжко - о масти лошадей); монг. зээрдэгч, калм. зээрдгч, бур. зээрдэгшэн (рыжая кобыла) довольно часто встречаются в сложных названиях масти: монг. сартай зээрд (рыжий, с лысиной - о лошади), цусан зээрд (огненно-рыжий), калм. улан зээрд, бур. улаан зээрдэ (красно-рыжий - о масти скота), бур. шуан зээрдэ (ярко-рыжая) и т. д. Ср. маньч. зерде, тур. зэрдэвй (желтый, рыжий).

В монгольских языках определение шар(а) имеет несколько цветовых значений: желтый, рыжий, соловый, чалый, палевый, белесый, русый - монг.-писъм. шира, калм.-писъм. шара. Ср. тюрк. сары. Эта лексема обозначает масть скота вообще. Внутрицветовое разделение масти осуществляется при помощи различных аффиксов, которые придают прилагательному различный оттенок, например, калм. шархул, шархал, шарь, шарьал (палевый, соловый, красночалый), бур. шаргал (соловый, белесый). Названия масти самки скота также образуются с помощью того же аффикса -гчин || -гшан: монг., калм. шарагчин, бур. шарагшан (соловая, рыжая, палевая самка); употребляются в сочетаниях, состоящих из двух и более слов: калм. шар цоохр (желто-пестрый), шар кер (светло-гнедой), алтн-шарь (золотисто-соловый), шар цецктэ цаан (белая корова с красными ушами, досл. желтый кисть белый), шар толхата, бур. шара толгойто (желтоголовая овца), гал шар (огненно-рыжий), агсам шара (светло-желтый - о масти верблюда). Корневым элементом слова шар(а) является ша- с омертвевшим аффиксом -ра².

Общемонгольское прилагательное улаан³, писъм.-монг. улаган, калм.-писъм. улаан обладает очень большим семантическим диапазоном. Оно обозначает как цвета (красный, алый, розовый, румяный), так и масть (красный, буланный, рыжий - в основном о масти лошадей и крупного рогатого скота). Ср. маньч. фулан (белая масть), обще-

¹ G. I. R a m s t e d t. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935, S. 52.

² См.: Т. А. Бертагаев. Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках. - "Проблема общности алтайских языков". Л., "Наука", 1971, стр. 107.

³ Подробно см.: Т. И. Петрова, Т. Г. Бугаева. Общие основы и лексические модели в словах, обозначающих "красный" в тунгусо-маньчжурских и других языках, стр. 191, 201.

монг. улаган (белая масть — только о масти лошади)^I. Обозначение масти самок производится аффиксальным способом: монг., калм., бур. хамн. улагчин, бур. улаагшан (рыжая кобыла или красная коро-ва). Для передачи значения смешанной масти употребляются сложные названия, например, бур. улаан эрээн (краснопестрый), улаан зээрдэ (рыжая лошадь), улаан тархитай (красноголовая овца) и т.д.

^I См.: Г. Д. С а н ж е е в. Указ. соч., стр. 702.

ОБ ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ БУРЯТСКИХ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ

Как известно, проблема общности тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков до сих пор остается нерешенной. Общеизвестно, что причиной этому служит некоторое несовершенство методики и общего подхода к этому вопросу. Ни для кого не является теперь секретом, что исследование лексики алтайских языков в сравнительном плане необходимо расширять с тем, чтобы, выявив заимствования, более четко определить пласт собственноалтайской общей лексики. Эту мысль высказывал Г. Д. Санжеев еще 15 лет тому назад: "По нашему мнению, дальнейшее продвижение вперед сравнительно-исторической алтаистики возможно лишь в случае, если известные достижения первых ее опытов в области фонетики и отчасти морфологии будут дополнены исследованиями, во-первых, по исторической грамматике и диалектологии отдельных алтайских языков и, во-вторых, по лексикологии и этимологии. Особенно были бы важными для алтаистики также сравнительно-исторические и этимологические изыскания, в результате которых оказалось бы вполне возможным ясно определить, что же представляют собой алтайские языки в лексическом отношении, что же в их лексике относится к исконному общеалтайскому достоянию, т. е. восходит к словарному составу предполагаемого алтайского праязыка, и что же из лексически их ныне объединяющего необходимо признать ранними или позднейшими заимствованиями как из одних алтайских в другие, так и из прочих, неалтайских языков в Евразии"¹.

В этой связи весьма актуальным становится выявление заимствований и в бурятском языке, который, являясь одним из алтайских языков, складывался и развивался в непосредственном соседстве и контактах с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Большой

¹ Г. Д. Санжеев. Б. Я. Владимирцов — исследователь монгольских языков. — "Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова". М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 26.

интерес в этом плане представляют диалекты бурятского языка, особенно те из них, которые находятся в зоне непосредственных контактов с указанными языками. Ранее нами уже предпринимались попытки выявить иноязычные, главным образом тюркские, заимствования в бурятском литературном языке и его диалектах¹. Мы продолжаем эти изыскания и даем этимологию ряду диалектных бурятских слов.

Архан отмечается в словаре К. М. Черемисова² как слово, быту-

¹ См.: В. И. Р а с с а д и н. О тюркизмах в бурятском языке. - "К изучению бурятского языка". Улан-Удэ, 1969, стр. 129-134; е г о ж е. Тюркизмы в халха-монгольском языке. - "Мат-лы по истории и филологии Центральной Азии", вып. 5. Улан-Удэ, 1970, стр. 52-58.

² Сравнительные материалы по языкам взяты из следующих источников: К. М. Ч е р е м и с о в. Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1951; А. Л у в с а н д э н д э в. Монгольско-русский словарь. М., 1957; Я. Ц э в э л. Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар, 1966; F. L e s s i n g. Mongolian-English Dictionary. London, 1960; Antoine M o s t a e r t e. Dictionnaire Ordos. Т. 1-11. Peking, 1941-1942; G. I. R a m s t e d t. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935; "Русско-калмыцкий словарь". Под ред. И. К. Илшикина. М., 1964; О. К о в а л е в с к и й. Монгольско-русско-французский словарь, т. I-III. Казань, 1844-1849; Н. Н. П о п п е. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, I-П. ("Тр. Ин-та востоковедения", XIV). М.-Л., 1938; Erich H a e n i s c h. Wörterbuch zu Mongol in Niuca Tobca'an (Yuan-ch'ao pi-shi) Geheime Geschichte der Mongolen. Wiesbaden, 1962; "Dagurisches Wörterverzeichnis". Nach F. V. Muromskis handschriftlichen Sprachaufzeichnungen bearbeitet und herausgegeben von Stanislaw Kaluzynski. - "Rocznik Orientalistyczny", т. XXXIII, S. 1-2; "Древнетюркский словарь". М., 1969; В. В. Р а д л о в. Опыт словаря тюркских наречий, т. I-IV. СПб., 1893-1911; Л. З. Б у д а г о в. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I-П. СПб., 1859-1871; Х. А. А з и з о е в. Азербайджанско-русский словарь. Баку, 1965; "Туркменско-русский словарь". М., 1968; Д. А. М а г а з а н и к. Турецко-русский словарь. М., 1945; Н. А. Б а с к а к о в. В. М. Н а с и л о в. Уйгурско-русский словарь. М., 1939; "Уйгурско-русский словарь". Под ред. Ш. Кибилова и Ю. Цунвазо. Алма-Ата, 1961; Э. Н. Н а д ж и п. Уйгурско-русский словарь. М., 1968; С. Е. М а л о в. Уйгурский язык. Хамийское наречие. Тексты, переводы, словарь. М., 1954; е г о ж е. Уйгурские наречия Синьцзяна. Тексты, переводы, словарь. М., 1961; е г о ж е. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Алма-Ата, 1957; е г о ж е. Лобнорский язык. Тексты, переводы, словарь. Фрунзе, 1956; К. К. Ю д а х и н. Киргизско-русский словарь. М., 1965; Х. М а х м у д о в, Г. М у с а б а е в. Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954; "Каракалпакско-русский словарь". М., 1958; "Кумыкско-русский словарь". М., 1963; "Башкирско-русский словарь". М., 1958; "Татарско-русский словарь". М., 1966; Д. Г. Т у м а ш е в а. Язык татар Западной Сибири. Грамматический очерк и словарь. (На татарском языке). Казань, 1961; Н. А. Б а с к а к о в, Т. М. Т о щ а к о в а. Ойротско-русский словарь. М., 1947; Н. А. Б а с к а к о в, А. И. И н к и - ж е к о в а - Г р е к у л. Хакасско-русский словарь. М., 1953; "Русско-шорский словарь". Новосибирск, 1940; "Тувинско-русский словарь". М., 1968; Э. К. П е к а р с к и й. Словарь якутского языка, т. I-III. Фотомеханическое изд. 1959; "Якутско-русский словарь". Под ред. П. А. Слепцова. М., 1972. По чулымско-тюркскому языку использована картотека А. П. Дульзона; по тофаларскому языку - собственные полевые записи.

ющее в кабанском говоре в значении "самец нерпы". В литературном бурятском языке встречается сочетание архан хулэг (рысак, аргамак). В других монгольских языках параллелей к слову архан нами не обнаружено. Нам кажется, его вполне можно сопоставить с др.-тюрк. arqun (скакун, помесь дикого жеребца с домашней кобылой), кирг. аргун (юж.), аргын (помесь яка и домашней коровы; перен. гибрид, метис), уйг. аргун (помесь яка с коровой; метис - о рогатом скоте), уйг. (кучарск.) аргий (жеребец). Второй компонент сочетания архан хулэг тоже имеет тюркское происхождение: ср. др.-тюрк. külüg (известный, славный, знаменитый) от слова kü (слава, известность). Оно употреблялось как эпитет в составе кличек коней, поэтому вполне возможно в древнетюркском языке сочетание arqun külüg, для характеристики быстроходных качеств породистого коня. В киргизском языке слово күлук стало обозначать "скакун, скаковая лошадь". Предки бурят могли заимствовать у древних тюрков как само сочетание arqun külüg, так и его компоненты в отдельности также для называния породистого скакуна. Прибайкальские буряты, занимающиеся охотой на нерпу, могли перенести слово архан на самца нерпы, возможно использовав его как эвфемизм.

Балшаг (грязь, тина; лужа) К. М. Черемисов считает западнобурятским словом, не конкретизируя говоры. Это слово встречается в халха-монгольском языке - балчиг (болото, трясина), калмыцком - балчг (грязь, ил), ордосском - в сочетании шалчик балчик (ил, жидкая грязь), в дагурском - балчирта, балчиртэ (грязный), отмечено оно у Ф. Лессинга - балчиг (болото, топь, трясина, грязь, слякоть; глина, ил, тина) и у О. Ковалевского - balsiy (грязь, болото, тина). В памятниках средневекового монгольского языка оно не встречается. В то же время широко употребляется в древнем, средневековых и современных тюркских языках. Например: др.-тюрк. балчык балык (ил и грязь), чагат. балчык (глина; грязь), аз. палчыг (грязь, слякоть), туркм. палчык (глина; грязь, слякоть), тур. балчык (грязь; глина), хак. (саг.) палчах, кумык. балчыкъ, (жидкая грязь), шор. палчак, чул.-тюрк. палчык (грязь), ног. балшыкъ, башк. балсык, тат. балчык (глина; земля), к.-калп. балшык, кирг. балчык, уйг. балчук (глина; жидкая грязь), узб. балчик (жирная, глинистая грязь; ил). В якутском, тувинском и тофаларском языках, с которыми непосредственно граничит язык западных бурят, этого слова нет. В них представлен фонетически видоизмененный вариант - тув. балгаш, тоф. балъаш, который имеется в алтайском - балкаш, хакасском - палгас, языках. Г. Рамстедт сравни-

вал калмыцкое балгг¹ с турецким balıç, М. Ряснев² считает слово balıç собственнотурецким и возводит к нему старомонгольское balıy. Нам также представляется, что в бурятском и других монгольских языках это слово — древнее турецкое заимствование.

Буртан (сало в нижней части брюшной полости животных) дается К. М. Черемисовым как боханское и тункинское слово. Параллели к нему в монгольских языках мы не обнаружили. Из турецких языков оно имеется в киргизском — бурта (складки стенок коровьего желудка, покрывающиеся жиром), якутском — бырта (пах животного; паховый жир животного) и тофаларском — буртан (жир на шее и плечах животного). При этом як. бырта и кирг. бурта представляют собой почти одинаковую фонетическую форму, а тоф. буртан идентично бурятскому и, возможно, даже заимствовано тофаларами у бурят. Буряты же, видимо, взяли это слово в древности у киргизов или тюркоязычных предков якутов, когда те и другие еще обитали в районе Саян и Прибайкалья. Появление конечного -н в бурятском слове можно объяснить тем, что в монгольских языках именные основы стремятся иметь конечное -н.

Буртэг (мусор, сор; сорный, пыльный, в пыли) дается К. М. Черемисовым как диалектное слово без указания на диалект. В литературном языке есть соответствующее твердорядное слово буртаг со значением "нечистый, грязный; грязь, нечистоты", имеющее также значение "чаща; валежник, бурелом (поросший лесом)". В других монгольских языках встречается лишь твердорядный вариант: старомонг. burtay (нечистоты, грязь, неопрятность), Мук. burtag (нечистый, грязный), х.-монг. буртаг, калм. буртг (грязь, нечистоты; нечистый, грязный), орд. burtak (грязь, сор, нечистоты). Г. Рамstedт сопоставляет калм. буртг с алт. и телеут. рурт- и уйг. бурт- (стать черным, грязным). В некоторых турецких языках также встречается твердорядный вариант этого слова: тув. буртак (сорняк), як. буртах, хак. пыртах (нечистый, поганый, скверный, грязный). М. Ряснев³ считает эти турецкие слова монгольским заимствованием. Мягкорядный же вариант буртэг, зафиксированный в бурятских диалектах, нам представляется возможным сравнить с кирг. буртук (комочек; зерно), башк. бөртөк (крупинка, крупица), тат. бөртөк (крупинка, крупица; крошка, кроха; зерно, зернышко), як. бурдук (хлеб, зерно; мука), ног. буъртик, кумык. бьртюк (зерно, зернышко; крошка, крупица, крупинка), каз. бір буртiк шаш (одна

¹ См.: G. I. R a m s t e d t. Kalmukisches Wörterbuch, S. 32.

² См.: Martti R ä s ä n e n. Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Turksprachen. Helsinki, 1969, S. 69.

³ См.: M. R ä s ä n e n. Указ. соч., стр. 74 б.

волосинка). Семантика, наряду со звуковым обликом, также позволяет сделать такое сопоставление. К бурятам это слово могло попасть либо от древних киргизов, либо от тюркоязычных предков якутов.

Бэлыгуу в сочетании бэлыгуу нүдэн (всевидящие глаза) употребляется в хоринском диалекте. Ц. Б. Цыдендамбаев считает это слово книжно-экспрессивным с возвышенной эмоциональной окраской и включает в состав поэтических слов и выражений¹. На наш взгляд, это слово тюркского происхождения и, возможно, образовано от общетюркского глагола бил- (знать, ведать) или бэл- (выявлять), как и слово бэлыгэн (вещий – эпитет коня в фольклоре)². Ср. также др.-тюрк. *bilgā* (мудрый, мудрец), чагат. *bilgū* (мудрость). От этого же корня бил- происходит бурятское слово бэлиг (мудрость, ум, разум; знание; способность, дарование), ср. др.-тюрк. *bilig*, (знание; разум, ум). В других же монгольских языках параллели имеет лишь слово бэлиг: х.-монг. *билиг*, калм. *билг*, джарут. *bilig*, орд. *bilik*, старомонг. *bilig*. Мук. *bilik* (ум, разум, мудрость). Как видно, бурятский язык в данном случае получил от тюрк. большее количество слов, производных от этого общетюркского корня.

Зумара, зумари (суслик) употребляется в западных бурятских говорах. В литературном бурятском языке и восточных говорах обычно принята форма зумбараа(н), зумбара с тем же значением. Это слово представлено и в других монгольских языках. Так, у О. Ковалевского находим *juraman*, *jurama* (крот), у Ф. Лессинга дана старописьменная форма *jurum*, *jurama* (суслик), в ордосском – *džurta*, халха-монгольском – *зурам*, калмыцком – *зурм* (суслик), у Э. Хэйниша в синомонгольском словаре XIX века дано *juruman* (сурок)³, что ближе к бурятской форме. Это слово распространено и в тюркских языках: чагат., по Л. З. Будагову, *юмран* (крот), чагат., по Замахшари⁴, *ушган* (суслик), башк. *юмран*, тат. *юмран*, чув. *йамран*, узб. *юмрон*, *юмронкозик*, уйг. *йумран* (суслик), як. *дыбара*, *дыбарааскы* (еврашка – вид суслика). Бурятская, особенно западная, форма по произношению стоит ближе к тюркской. Восточная бурятская форма зумбараа(н) характеризуется наличием о после м. Видимо, здесь произошел процесс такого же типа, что и в старомон-

¹ См.: Ц. Б. Цыдендамбаев. О стилистической дифференциации лексики бурятского языка. – "Вопросы литературного бурятского языка". Улач-Удэ, 1963, стр. 8.

² См.: В. И. Рассадина. О тюркизмах в бурятском языке, стр. 131–132.

³ См.: Erich Haenisch. Sinomongolische Glossare. I. Das Hua-l ih-yu. Berlin, 1957, S. 13.

⁴ См.: Н. Н. Поппе. Указ. соч., стр. 408.

гольском слове уашвар (какой), ср. соврем. бур. ямар, х.-монг. ямар, калм. ямаран (какой), Мук. уагар (как). Слово йумран (суслик) в тюркских языках, нам кажется, происходит от слова йумры (круглый, шаровидный), имеющегося почти во всех тюркских языках, например: аз. јумру, каз. жумыр, кирг. жумур, жумуру, к.-калп. жумыр, жумыры, башк. йоморо, тат. йомры (круглый, шаровидный), тур. юмру (бугорок, шишка), туркм. юмры (округлая выпуклость). С ним связаны этимологически также туркм. юмрук, тур. юмрук, ног. юмрынкъ (кулак), башк. йоморса (шарик, катышек), а также слово юмуртка (яйцо), имеющее общетюркское распространение и различные соответствующие фонетические варианты, одним из которых является др.-тюрк. јумуртуа. Ф. Г. Исхаков, например, так этимологизировал слово йумрук (кулак): "... азерб. юмруг, кумык. юмурук, ног. юмырык, тур. юмрук, туркм. юмрук "кулак"... исторически образованы от корня йум- "закрывать, зажимать" (по-видимому, через ступень йумру || йумуру || ... "круглый")"¹. Предположение Ф. Г. Исхакова нам кажется вполне приемлемым, так как корень йум- (закрывать, зажимать, закручивать) имеет общетюркское распространение². Нам только представляется, что круг слов, производных от этого корня, в который входят также др.-тюрк. јумуаг, уйг. йумулак (круглый), команск. јумуалаг (шар) и другие возводимые М. Рясняном к тому же корню йум- слова³, можно расширить включением в него слов йумран (суслик) – вид сидящего суслика ассоциируется с шариком, круглым комочком – и йумуртка (яйцо).

Саажа употребляется в баргузинском говоре в значении "коса" (о волосах)⁴. Исследователь эхирит-булагатского говора Б. В. Матхеев отмечает, что "слово саажа (коса) встречается в фольклоре, главным образом в песнях; в литературном языке и восточных говорах оно отсутствует"⁵. В словаре К. М. Черемисова саажа (коса – о волосах) дается как западное слово. Наряду с этим у него приведен также вариант шаажа в том же значении тоже как западное слово. В других монгольских языках параллелей к этому слову не обнаружено. Нам представляется возможным сопоставить слово саажа и его вариант шаажа с тюркскими словами: др.-тюрк. сач, алт. чач, уйг. чач,

¹ Ф. Г. Исхаков. Опыт сравнительного словаря современных тюркских языков. – "Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков", ч. IV. Лексика. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 20.

² См.: М. Р а с а н е н. Указ. соч., стр. 210.

³ Там же.

⁴ См.: Э. Р. Раднаев. Баргузинский говор. – "Исследования бурятских говоров", вып. 1. Улан-Удэ, 1965, стр. 86.

⁵ Б. В. Матхеев. Очерки эхирит-булагатского говора. – "Исследование бурятских говоров", вып. 2. Улан-Удэ, 1968, стр. 24.

сач, узб. соч, (разг.) чоч, кирг. чач, как. чач, сас, чул.-тюрк. цац, зап.-сиб. тат. цац, шор. шаш, тоф. чеш, к.-калп. шаш, ног. шаш, каз. шаш, лобн, чач, тат. чеч, башк. сас, яг. ас, тур. сач (волосы на голове человека). Кроме того, аз. сач, кум. чач, туркм. сач наряду со значением "волосы" имеют еще значение "женская коса", а в тувинском языке чаьш означает "коса - девичья, женская". Таким образом, семантика этого тюркского слова ничуть не препятствует возведению к нему бурятских саажа, шаажа (коса - о волосах). Фонетические варианты в тюркских языках также довольно разнообразны. Конечный гласный а в этом бурятском слове можно объяснить тем, что оно заимствовалось из живой речи, где в тюркских языках слово обычно бытует не в чистой форме именительного падежа единственного числа, а в форме личной принадлежности. В данном случае для бурятских саажа, шаажа прототипом могла послужить форма принадлежности 3-го лица единственного числа, показателем которой является аффикс -ы (у мягкорядных основ -и), присоединяемый к основам, оканчивающимся на согласный звук. Так, "его (ее) волосы" в тюркских языках будет звучать как сачы, чачы, шашы, сазы и т. п. Вызывает интерес появление звонкого ж в бурятских саажа, шаажа, появление которого, видимо, объясняется тем, что это слово буряты взяли у сибирских тюрков, для которых как раз и характерно озвончение всех слабых глухих согласных в интервокальном положении. В сибирских тюркских языках это слово звучит, например, так: шор. шажы, саг. сазы (его, ее волосы), тув. чаьжи (ее коса). Возникновение долготы у гласного а в бурятском языке здесь можно объяснить теми же причинами, обусловившими появление долгого е в западнобурятском слове теерсаг (крышка), восходящем к тюркскому слову торсук (бурдюк, сосуд для хранения жидкости), о котором нами уже было ранее сказано¹. Причина в том, что в тюркских языках широкие краткие гласные, попав при аффиксации в положение перед узким гласным, стремятся удлиниться и произносятся с полудолготой, а иногда даже и с долготой. Причем это явление наиболее отчетливо заметно опять-таки в сибирских тюркских языках². Таким образом, можно предположить, что предки современных западных бурят могли взять это слово у каких-то сибирских тюрков, при этом наличие бурятских фонетических вариантов саажа и шаажа гово-

¹ См.: В. И. Р а с с а д и н. Тюркизмы в халха-монгольском языке, стр. 54.

² См.: М. И. Б о р г о я к о в. Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке. - "Учен. зап. Хакасского ГИИЛИ", вып. XII. Абакан, 1966, стр. 82; В. И. Р а с с а д и н. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, стр. 20.

рит о том, что источником их послужили разные тюркские языки, типично шорского и сагайского.

В западных бурятских говорах от слов саажа и шаажа (коса — о волосах) образованы путем добавления аффикса —тай новые слова: эх.—бул. сааштай в значении "девушка, девица, барышня"¹, а также шаастай (возможно, метатеза от сааштай) — по К. М. Черемисову, как (зап.) "девушка, девица", (эхир.) "вышедшая замуж старшая сестра", (ал.) "сестра". В говорах имеется также слово шааштай (девушка, букв. имеющая косу).

В самих тюркских языках слово сач, чач, шаш, сас (волосы на голове человека), нам кажется, связано своим происхождением с тюркским же глаголом сач—, чач—, шаш—, сас— (рассыпать; разбрасывать, рассеивать, раскидывать). Возможно, оно возникло как эфемизм для обозначения волос на голове человека, тогда как слово tū, tūg уже в древнетюркском языке стало обозначать "волосы на теле человека; шерсть, перья".

Салма в значении "аркан" К. М. Черемисов определяет как тункинское слово. В литературном языке и других бурятских говорах оно отсутствует. В других монгольских языках ему соответствуют: старомонг. салм-а, х.-монг. цалам, калм. цалм, орд. tsalma (аркан, лассо). Обнаруживаются параллели и в тюркских языках: алт. чалма (накидная петля, аркан для ловли лошадей), кирг. чалма (аркан для ловли лошадей), хак. (саг.) салба (лычко для метания камней), тув. шалба (забрасывание аркана; аркан). В тюркских языках это слово, как и широко распространенное слово чалма (турбан, чалма) считается производным от глагола чал— (обматывать) + —ма (аффикс, образующий имена существительные со значением предмета или результата действия)². Глагол чал— широко распространен только в тюркских языках в следующих значениях, позволяющих с уверенностью возводить к нему слово чалма (аркан): др.—тюрк. чал— (ударять, бить; бросить, опрокидывать на землю, низвергать, повергать), узб. чал— (захлестнуть веревкой), кирг. чал— (ударять сильным, резким ударом; захлестывать, метать аркан; обмотать, завязать), туркм. чал— (ударить, хлестнуть; обматывать), тур. чал— (ударять, бить; бросить на землю, опрокидывать), аз. чал— (бить, вбивать, колотить, стучать; махать, крыльями; косить; сбивать), лобн. чал— (ударять, бросить), каз. шал— (привязать веревку, нитку в обхват). На тюркское происхождение старомонгольского салма

¹ Б. В. М а т х е е в. Указ. соч., стр. 26.

² См.: М. Р а з а н е н. Указ. соч., стр. 97 б. Об аффиксе см.: "Древнетюркский словарь". Л., "Наука", 1969, стр. 657 а.

(лассо) указывает и М. Ряснен¹; Г. Рамстедт также считает калмыцкое цалм (аркан, лассо) тюркским по происхождению².

Соол бытует в тункинском говоре в значении "дом"³, в боханском — то в значении "дом", то — "печь"⁴, в нижеудинском говоре — в значении "печь"⁵, в словаре К. М. Черемисова — (ал., тунк.) "изба, дом" и (ал., бох.) "печь, печка". В литературном бурятском языке, его восточных говорах и других монгольских языках это слово отсутствует. Нам удалось обнаружить к нему следующие параллели: тоф. соол (печь), хак. соол — слово устаревшее. Оно в языке качинцев обозначало печь особого устройства. Такие печи напоминали русский камин, бытовали, например, у ширинских качинцев до середины 30-х годов XX в. У сагайцев соол обозначает "избушка, землянка"⁶. В словаре В. В. Радлова находим: тоб. цуал — место огня, камин (РСл IV, 210), саг. сол — сбитая из глины стена, у которой разводят огонь в юрте (РСл IV, 548), шор. шол — глинобитная часть стены, у которой разводят огонь (РСл IV, 1030), куурдак. чуал — труба для выхода дыма (РСл III, 2164). В современном чулымско-тюркском языке находим чуал (печь)⁷, в языке турков Нижнего Чулыма — цувал (дымоход)⁸, в шорском — чубал, шаал (очаг)⁹, чубал (дымоход)¹⁰, в башкирском языке — снуал (примитивная печь вроде камина), в языке татар Западной Сибири — цуал (печь вроде камина)¹¹. Считается, что русское слово чувал (очаг с прямым дымоходом, распространенный в прошлом у многих народностей

¹ См.: М. Р а с а н е н. Указ. соч., стр. 97 б.

² См.: G. I. R a m s t e d t. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935, S. 421 a.

³ См.: Д. А. А б а ш е е в. Тункинский говор. — "Исследование бурятских говоров", вып. I. Улан-Удэ, 1965, стр. 28.

⁴ См.: М. П. Х о м о н о в. Боханский говор. — Там же, стр. 67.

⁵ См.: Г. Д. С а н ж е е в. Фонетические особенности говора нижеудинских бурят. Л., 1930, стр. 7.

⁶ Д. Ф. П а т а ч а к о в а. Некоторые наблюдения над лексикой качинского диалекта хакасского языка. — "Учен. зап. Хакасского НИИЯЛИ", вып. Уш. Абакан, 1960, стр. 94.

⁷ См.: Л. П. П о т а п о в. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, стр. 172.

⁸ По картотеке А. И. Дульзона.

⁹ См.: Н. П. Д ы р е н к о в а. Грамматика шорского языка М.-Л., 1941.

¹⁰ См.: Г. Ф. Б а б у ш к и н. Орфография шорского литературного языка. Новосибирск, 1940.

¹¹ См.: Д. Г. Т у м а ш е в а. Язык западносибирских татар. Грамматический очерк и словарь. (На татар. яз.). Казань, 1961, стр. 220.

Севера, служивший преимущественно для приготовления пищи) заимствовано из тюркских языков¹.

Кроме того, нами обнаружены параллели к этому слову и в других языках народов Сибири. Так, по свидетельству этнографов, кеты обогревали свои жилые землянки при помощи специального очага-чувала, устроенного из жердей, обмазанных глиной, который назывался по-кетски сонгаль, соголь². У селькупов также бытовал очаг-чувал, сделанный из жердей, обмазанных глиной, и называвшийся шенгаль³. У угров (ханты, манси) также отмечается наличие очага-чувала аналогичного устройства с вариантами произношения: шоувал, шоуэл, шонхал, шогал, шовол⁴, чогал ~ човал⁵. Таким образом, как видно из приведенного материала, ареал распространения этого слова довольно широк и включает наряду с тюркскими языками Сибири также угорские, самодийские и кетский языки. Если учесть, что угорские, самодийские и кетские племена являются аборигенными в Сибири и тип жилища с очагом-чувалом характерен для их материальной культуры, а турки считаются позднейшими пришельцами в Сибири, причем зачастую тюркский язык распространялся в результате лишь языковой ассимиляции с сохранением на местах традиционной материальной культуры ассимилированных угорских, самодийских и кетских племен, то становится вероятным предположение, что название очага-чувала попало в тюркские языки Сибири от аборигенного населения нетюркского происхождения. При этом в тюркских языках в начале этого слова наблюдается чередование $\text{ш} \parallel \text{с} \parallel \text{ч} \parallel \text{ц}$, что согласуется вообще с характером соответствий указанных согласных и в собственно-тюркских словах. Наиболее близкой фонетически формой бурятского слова соол является хакасское соол, которое и явилось, по-видимому, прототипом бурятского слова. Семантика хакасского соол (печь; избушка) также совпадает с семантикой бурятского соол (печь; изба, дом). К западным бурятам слово пришло, видимо, от каких-то племен типа хакасских качинцев и сагайцев, у которых с обычно появляется на месте ч и ш других тюркских языков. Тофаларское соол

¹ См.: "Словарь русского языка". В 4-х томах. Т. IV. М., ГИС, 1961, стр. 940 б.

² См.: Е. А. Алексеев. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., "Наука", 1967, стр. 96.

³ См.: "Народы Сибири. Этнографические очерки". М.-Л., 1956, стр. 673.

⁴ См.: З. П. Соколова. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров. - "Сибирский этнографический сборник", т. У. М., "Наука", 1962, стр. 213.

⁵ См.: "Народы Сибири. Этнографические очерки", стр. 584.

(печь) считается заимствованием из языка нижеудинских бурят¹.

Тура К. М. Черемисов определяет как западное слово в значении "изба, дом; здание; горбд". В сартульском говоре "известно слово тура в знач. город. В аларском и эхирит-булагатском говорах это слово употребляется именно в этом значении"². Б. В. Матхеев приводит употребительное для эхирит-булагатского говора слово тура в значении "изба, дом, здание; город"³. В качугском говоре тура означает "город"⁴. В боханском говоре также имеется слово тур (изба), которое М. П. Хомоновым считается собственно бурятским словом неизвестного происхождения⁵.

В восточных говорах и литературном бурятском языке слово тура не отмечено. Из других монгольских языков оно встречается в халха-монгольском - тур (цитадель, городок), ордосском - tura в сочетании вае tura - монгольское название города Chen mou bien (Chensi), у Лессинга - tur-a (крепость; город), у О. Ковалевского - tur-a (крепость, цитадель).

Нам кажется, это слово имеет тюркское происхождение. Оно образовано от общетюркского корня тур- (стоять; жить; находиться; останавливаться) и известно во многих тюркских языках, например: др.-тюрк. tura (укрепленное жилище, крепость), туркм. дура (охотн. яма для укрытия - устанавливается на берегах для охоты на дичь), зап.-сиб. тат. тора, шор. тура, чул.-тюрк. тура (город), алт. тура, хак. тура (дом, изба; город), лобн. тура (стоянка). М. Ряснян также считает тюркское tura производным от глагола tur-, а монгольское tur-a (крепость, цитадель) - заимствованным из тюркских языков⁶. Семантика зап.-бур. тура (дом, изба; город) совпадает с алт. и хак. тура (дом, изба; город), что позволяет предполагать заимствование этого слова, как и соол, из хакасского языка.

Улхэн (стель) в словаре К. М. Черемисова дается как боханское и унгинское слово. Параллелей в нему в других бурятских диалектах и монгольских языках нами не обнаружено, за исключением олке у О. Ковалевского в значении "южная сторона". Возможно, что оно

¹ См.: В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка, стр. 118, 228.

² И. Д. Буряев. Сартульский говор. - "Исследование бурятских говоров", вып. I. Улан-Удэ, 1965, стр. 145-146.

³ Б. В. Матхеев. Указ. соч., стр. 33.

⁴ А. Г. Митрошкина. Говор качугских (верхоленских) бурят. - "Исследование бурятских говоров", вып. 2. Улан-Удэ, 1968, стр. 66.

⁵ См.: М. П. Хомонов. Указ. соч., стр. 64.

⁶ См.: М. Рязанен. Указ. соч., стр. 500 б.

тюркского происхождения. Ср. др.-тюрк. *ülkä* - (область), чагат. (по Л. З. Будагову) *ölkä* - страна, край, отечество, провинция, владение; государство, империя, царство, кирг. *өлкө* - край, страна; местность; теплое, заветренное место, удобное для скота, каз. *өлке* - край (территория), к.-калп. *үлке* - край (местность), уйг. *өлкә* - страна, край, провинция, местность, туркм. *үлке* - край (область, местность), тур. *үлке* - страна, край; провинция; царство, государство, держава, тат. *өлкә*, башк. *өлкә* - область, кум. *уьлке* - страна. Отсутствие этого слова у хакасов, тувинцев, шорцев, алтайцев, тофаларов, якутов, то есть у непосредственных соседей бурят, позволяет предположить, что буряты заимствовали его у тюрков еще в древнее время. На это же указывает и полная адаптация этого слова в бурятском языке, выразившаяся, как и в случае со словом буртан, в добавлении к основе конечного **н**.

Үрмэгэ (половик) К. М. Черемисов приводит как боханское слово, у эхиритов нам приходилось слышать слово *үрмэг* в значении "холст". В других монгольских языках ему соответствуют старомонг. *örmüge*, *erümige* (шерстяная ткань; грубое сукно), у Ибн-Муханны *örmege* (верхняя одежда)¹, х.-монг. *өрмөг* (рогожа), у Лессинга *өрмөг* (грубая ткань из верблюжьей или овечьей шерсти; циновка, рогожа), орд. *örmögö* (грубая ткань из шерсти или волоса), калм. *өрмг* (вид жилета или грубой крестьянской куртки; соврем. шинель). К этому слову обнаруживаются весьма широкие тюркские параллели: др.-тюрк. *örmäk* (название одежды), чагат. *örmäk* (материя из верблюжьей шерсти; паутина), каз. *өрмек* (совокупность казахского примитивного ткацкого станка с пряжей), кирг. *өрмек* (киргизский ткацкий станок - горизонтальный), к.-калп. *өрмекши* (устар. ткач; паук), алт. *өрмек* (армяк), зап.-сиб. тат. *үрмәк* (циновка из камыша; палас, половик), як. *өрбөх* (трипка, трипища), чул.-тюрк. *өрбөк* (сукно из черной шерсти; зипун). В основе этого слова в тюркских языках лежит глагол *өр-*, который во всех тюркских языках, древних и современных, означает "плести, заплетать; ткать". И хотя в монгольских языках обнаруживаются глагольные корни, могущие быть поставленными в этимологическую связь с тюркским корнем *өр-* (плести; ткать), такие, например, как старомонг. *örü-*, х.-монг. *өр-*, калм. *өр-* (выстраивать в ряд, раскладывать в определенном порядке). Мук. *öre-* (заплетать), старомонг. *gürü-*, х.-монг. *гүр-*, калм. *гүр-*, бур. *гүрэ-* (плести, заплетать, сплести), фонетико-морфологическая структура и семантика заставляют считать слово *өрмек* тюркским по происхождению, так как *-мак* - характерный тюркский словообразовательный аффикс, образующий от глаголов имена

¹ См.: Н. Н. П о п п е. Указ. соч., стр. 443 б.

существительные¹, и глагол ер- в значении "ткать" имеется лишь в турецких языках. М. Ряснен также считает ермек турецким словом, образованным от корня *(h)öğ- (плети, ткать), а монгольское örtüge и русское армяк — турецкими заимствованиями². Калмыцкое ермг Г. Рамстедт тоже возводит к турецкому глаголу ер- (ткать)³.

Хии (сухой размельченный навоз, используемый зимой для подстилки скоту в хлевах; пыль) приводится К. М. Черемисовым как западное слово. В литературном языке и восточных бурятских диалектах ему соответствует слово хохир. В говоре оронских хамниган также обнаруживается слово кий (навоз для подстилки), считающееся для говора турецким заимствованием⁴. В других монгольских языках параллелей к этому слову нами не обнаружено. В то же время в турецких языках ему соответствуют др.-тюрк. қу (навоз), як. кии (сухой навоз, кизяк), каз. кый, ног. кий (кизяк из овечьего помета), к.-калп. кии (сухой помет), кирг. кык, (южн.) кый (овечий помет; навоз), кум. кый (утопанный навоз — в загонах и местах стоянки овец и других животных; употребляется как топливо), тур. кыу (овечий помет), уйг. кюу, уйг. (Хами) кюу (навоз), уйг. (Хотан) кюу, кык, кых (навозное удобрение). Отсутствие этого слова в соседних с бурятским тувинском, тофаларском, хакасском языках и близость бурятской звуковой формы к якутской позволяет предположить якутское происхождение этого слова в бурятском. Такого же мнения придерживается и Н. К. Антонов⁵. Но можно сделать и другое предположение: бурятское слово могло придти еще в древности из языка киргизов или уйгуров и из турецкой формы кий вполне закономерно появление и на собственно бурятской почве формы хии, так как твердорядный слог кы в истории монгольских языков превращался повсеместно в мягкорядный слог ки, давший в бурятском языке слог хи. Дифтонги же в бурятском языке стремятся превратиться в долгий монофтонг.

Хиима || шиима (вареная колбаса из рубленого мяса) отмечается в эхирит-булагатском говоре как отсутствующее в литературном бурят-

¹ См.: Э. В. Севортян. Айыксы именового словообразования в азербайджанском языке. М., "Наука", 1966, стр. 303, 304.

² См.: М. Ряснен. Указ. соч., стр. 375 а.

³ См.: G. I. Ramstedt. Kalmückisches Wörterbuch, S. 300 а.

⁴ См.: Д. Г. Дамдинов. Этно-лингвистический очерк хамниганского говора. — "Исследование бурятских говоров", вып. 2. Улан-Удэ, 1968, стр. 88.

⁵ См.: Н. К. Антонов. Исследования по исторической лексике якутского языка. (Именные основы). Автореф. докт. дис. Якутск, 1973, стр. 52.

ском языке слово¹. По устному сообщению исследователя говора онойских хамниган Д. Г. Дамдинова, у них тоже бытует слово хиима (домашняя колбаса из рубленого мяса, жира, мозгов). У К. М. Черемисова слово хиимэ приводится как синоним к слову эрезлжэ – самодельная колбаса (из крови, печени и жира), к сожалению, без указания на говор. Из других монгольских языков параллели к слову хиима нами обнаружены лишь в халха-монгольском: хям – колбаса, в калмыцком: (по Г. Рамстедту) киим – что-то из желудков жвачных животных (при этом Г. Рамстедт не дает ни параллелей, ни этимологии), у Лессинга ким-а – сырое мясо оленя или рыбы, у О. Ковалевского ким-а – мясо или рыба, нарезанные пластинками. В тюркских языках ему соответствуют др.-тюрк. кийма в сочетании кийма үгре – тесто, нарезанное мелкими кусочками, уйг. киима – фарш (измельченное мясо), узб. кийма, тур. кийма – рубленое мясо, фарш, аз. гийме – фарш (молотое мясо), кирг. кийма – срезанный наискось; южн. мясо, мелкорезанное на фарш, ног. кийма – домашняя колбаса, кум. кыйма – кусок, алт. кийма – кушанье из кишок, начиненных потрохами, хак. хийма – прямая кишка у лошади; кушанье из кишок, начиненных мелко рубленным мясом и жиром, туркм. къьма – колбаса². як. (по Пекарскому) кийма – икра; кишки. Тюркологи считают это слово производным от общетюркского глагола кий- (срезать, резать наискось)³. Бурятское слово хиима, по нашему мнению, является тюркским заимствованием, из монгольских языков более всего близким к тюркскому оригиналу кийма. Как и в слове хии (сухой навоз), образование слога хи из тюркского кн вполне допустимо на почве самого бурятского языка, а дифтонг ий закономерно дал долготу в бурятском языке.

хуб в сочетании хуб халжун (выдра) приводится К. М. Черемисовым как боханское слово. Оно сопоставимо с калмыцким словом хуб (выдра), зафиксированным Г. Рамстедтом, который дал его без обычных параллелей в других языках. Нам представляется возможным сравнить компонент хуб с древнетюркским словом хуб, хув, хув (вода), повсеместно распространенным в современных тюркских языках, которое могло в свое время уточнить значение слова халжун (выдра). Употребляясь длительное время в паре с халжун, хуб потеряло первоначальную соотнесенность со словом хуб (вода) и поэтому в калмыцком языке второй компонент халжун мог попросту отпасть, а

¹ См.: Б. В. М а т х е е в. Указ. соч., стр. 32.

² См.: А. А л и е в, К. Б о р и е в. Русско-туркменский словарь. Ашхабад, 1929, стр. 119.

³ См.: М. Р а з а п е н. Указ. соч., стр. 262 а; В. В. Р а д - л о в. Опыт словаря тюркских наречий, т. II. СПб., 1899, стр. 702-703.

за первым компонентом *эв* - закреплиться общее значение "выдра".

Ээмэг (провода) дается К. М. Черемисовым как западное слово. В литературном бурятском языке и восточных говорах оно отсутствует. В других монгольских языках нами найдены к нему следующие параллели: в "Сокровенном сказании монголов" 1240 года - *e'emek* (петля, силок, кольцо, круглый), у О. Ковалевского - *egemeḡ*, *egemüḡ* (ушное колечко вместо серьги), у Лессинга - *egemeḡ*, *egemüḡ* (серьга), в халха-монгольском языке - ээмэг (серьги, сережки), в калмыцком - ээмг (круглое кольцо в серьге) (при этом Г. Рамstedт приводит тюркские параллели). Нам кажется, Г. Рамstedт был прав, сопоставляя это слово с тюркскими, в которых ему, например, соответствуют: туркм. *эгмэ* (женское головное серебряное украшение), кирг. *иймек* (серьги), хак. *эмек*, кумац. *эбек*, *эгбик*¹ (провода), як. *иэмэх* (изгиб; металлические подвески к серьгам; серьги; подвески на шаманском костюме), зап.-сиб. тат. *имэк* (ведерная дужка; рукоятка косы). В основе всех этих слов лежит ошетьюркский глагольный корень *эг-* (гнутья, сгибаться), имеющий различные производительные варианты с сохранением той же семантики: др.-тюрк. *ег-*, *ег-*, тур. *ей-*, *ий-*, туркм. *эг-*, аз. *эј-*, узб. *эг-*, уйг. *эг-*, кирг. *ий-*, к.-калп. *ий-*, ног. *ий-*, кум. *ий-*, тат. *ии-*, башк. *эй-*, хак. *эг-*, тув. *эг-*, тоф. *эг-*, як. *иэх-*. О тюркском характере словообразовательного аффикса *-мак* выше уже говорилось. От этого корня в тюркских языках существуют и другие производные слова. Ср., например, др.-тюрк. *egdū* (кривой, изогнутый нож), *egmā* (арка, свод дома), *egri* (кривой, изогнутый; кривизна), *egrin* (место, где собирается вода, водоворот), *egin*, *egnin* (плечо). В монгольских же языках слово ээмэг одиночно и его словообразовательная структура на почве монгольских языков необъяснима.

Как видно из приведенного выше материала, в бурятских говорах, главным образом в западных, сохраняется значительное количество слов, имеющих тюркское происхождение. Часть этих слов бытует, кроме бурятских говоров, и в некоторых других монгольских языках, например, балшаг, зумара, салма, тура, үрмэг, хиима, ъуб, ээмэг. При этом отдельные бурятские слова стоят ближе к тюркскому оригиналу либо в отношении семантики (тура, хиима), либо звукового оформления (зумара, хиима), что может свидетельствовать о непосредственном, независимом от других монгольских языков заимствовании этих слов предками бурят у тюрков. Кроме того, обнаруживается ряд слов, бытующих лишь в бурятских говорах: архан, буртан, бүртэг, саажа, соол, үлхэн, хии. Их наличие свидетельствует о

¹ См.: Н. А. Б а с к а к о в. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). Грамматический очерк, тексты, переводы, словарь. М., "Наука", 1972, стр. 273 а.

давних самостоятельных связях бурят, особенно западных, с тюрками. Отдельные моменты позволяют предполагать, что этими тюрками могли быть и древние киргизы или уйгуры, и тюркские предки якутов, и более поздние сибирские тюркские племена типа хакасских.

ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ В ГОВОРЕ СЕМЕЙСКИХ КРАСНОЧИКОЙСКОГО РАЙОНА ЧИТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Историческое своеобразие формирования семейского говора обусловило пестроту и многообразие его фонетических, морфологических и лексических особенностей. Сложная историческая судьба семейских, неоднократно переселяемых царским правительством с места на место в далеком прошлом¹, не могла не отразиться на всей системе их говора, южновеликорусского в своей основе.

Задача данной статьи — дать описание современного состояния системы именного склонения семейских сел Гутай, Хилкотой, Урлук, Укыр, Менза, Шонуй Красночикойского района Читинской области, определить ее исходный характер, а также инодиалектные наслоения, возникшие в результате многолетнего контактирования с инодиалектной и иноязычной средой — с говорами белорусского языка на Западе и со старожильческими северновеликорусскими говорами в Забайкалье.

Вопрос об именном склонении в целом по семейскому говору Забайкалья еще не ставился, хотя в опубликованных исследованиях отдельные его особенности получили некоторое отражение².

Современный красночикойский говор семейских, как и литературный язык, характеризуется наличием трех родов: мужского, женского и среднего, например: сын м'ан'шой, сымывар гар'ачий; дачка стар'шайа, картошка хрушкайа; свайо мёсть, майо зв'аню.

¹ Подробно об истории носителей семейского говора см.: В. И. Копылова. Фонетическая система говора семейских Красночикойского района Читинской области. Улан-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1973.

² См.: А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920; В. А. Белькова. Судьба южновеликорусского говора в условиях инодиалектного окружения (фонетико-морфологический очерк). Автореф. канд. дис. Воронеж, 1970; П. Ф. Калашников. К изучению говора семейских. — "Тр. кафедр рус. яз. Восточной Сибири и Дальнего Востока". Улан-Удэ, 1966, стр. 26-37.

Своеобразием изучаемого говора является частичное разрушение категории среднего рода. Об этом свидетельствует тот факт, что прилагательные, неличные местоимения, порядковые числительные, согласуемые с именем существительным среднего рода, употребляются в формах женского или мужского рода, например: адин дит'о, лицо белый, чудной сувет:а, майа мят'йо, ус'а стада, ус'у лету, ус'у сабран:у и т. п. Подобное явление наблюдал в говоре семейских 50 лет назад и А. М. Селищев¹. Причины его еще недостаточно выяснены, и по этому поводу высказываются различные суждения.

Большинство исследователей южновеликорусских говоров², в которых преобладающей трансформацией является переход существительных среднего рода в парадигму женского рода, указывают в данном случае на фонетические причины: безударные конечно о, е в именительном падеже единственного числа произносятся как а, то есть появление аканья создает фонетические предпосылки для смешения и перехода имен среднего рода в женский.

Переход имен существительных среднего рода в женский в семейском говоре, по нашим наблюдениям, происходит как в словах с безударной флексией, так и с ударной. Например, зафиксированы следующие имена существительные с безударной флексией: ус'а стада, майа пызвален:а, большайа пьр'ятамлен:а, харош'яа пыстынавлен:а, худайа паветр'а, ны с'амайскуйу кладбиш:у, майа прыхаджен:а служб; имена существительные с ударной флексией: майа мят'йо, плах'яа жыт'йо, нов'яа такс'а, тайа руж'йо.

Процесс утраты категории среднего рода, замещение его формами женского рода, по мнению некоторых исследователей южновеликорусского наречия³, имел определенные ступени в своем развитии. Так, видимо, безударные окончания прилагательных при существительных среднего рода вначале просто совпадают с безударными окончаниями прилагательных при существительных женского рода (совпадения уда-

¹ См.: А. М. С е л и щ е в. Забайкальские старообрядцы ..., стр. 61.

² См.: Е. Ф. Б у д д е. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. Варшава, 1892, стр. 103; С. П. О б н о р с к и й. Именное склонение в современном русском языке, вып. I. Л., 1927, стр. 49-65; С. С. В ы с о т с к и й. Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы. - "Докл. и сообщ. Ин-та рус. яз. АН СССР", вып. I. М., 1948, стр. 81 и след.; С. И. К о т к о в. К изучению орловских говоров. - "Учен. зап. Орловского пед. ин-та", т. VII, вып. 3. Орел, 1952, стр. 59-60.

³ См.: В. Н. Н о в о п о к р о в с к а я. О некоторых морфологических особенностях рязанских говоров XVII в. (имя существительное). - "Учен. зап. Орловского пед. ин-та", т. XIII, вып. 7. Орел, 1958; С. И. К о т к о в. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., Изд-во АН СССР, 1963.

ряемых окончаний существительных еще нет): новьяа дела как новьяа с'ла. Но этот фонетический факт — всего лишь предпосылка к развитию утраты категории среднего рода, а не явление его утраты. Затем в процессе длительного и массового закрепления это фонетическое обобщение становится морфологическим, что служит необходимой предпосылкой обобщения также и ударяемых окончаний.

Таким образом, на первой ступени утраты происходит обобщение ударяемых окончаний прилагательных, при этом форма среднего рода прилагательного заменяется формой женского рода, если определяемое существительное имеет безударное окончание: другаяа пол'а как другаяа н'ан'а; на второй ступени то же самое наблюдается у существительных среднего рода с ударяемым окончанием: бал'шайа в'адро; на третьей ступени в сочетаниях типа другаяа пол'а и особенно бал'шайа в'адро родовая характеристика существительного уже концентрируется в прилагательном, вследствие чего и прилагательные с безударным окончанием немужского рода осознаются уже как более или менее самостоятельные выразители категории женского рода и в таких сочетаниях, как, например, дал'окьяа с'ало.

Сосредоточение родовой характеристики имени существительного в прилагательном может вести к утрате существительным ударяемого окончания среднего рода и приобретению им ударяемого окончания женского рода в соответствии с ударяемым окончанием прилагательного, которое определяет существительное, например: майа жит'яа.

В изучаемом семейском говоре представлены все ступени утраты категории среднего рода: а) плахайа сабран'а, худайа извест'а; б) плахайа мыт'яо, бал'шайа такс'а; в) ус'акайа м'аса, новайа прыказан'а.

Об утрате категории среднего рода свидетельствует склонение имен существительных среднего рода по женскому продуктивному склонению (хотя полной замены склонения по женскому роду не наблюдается): ус'у сабран'у прысидела дали ны иголных; пид йету сиден'у-та чо жа пылажд'ба?; ус'у лету зазр'а прыждыла; йон павидлу н'а ист; ны такс'у сп'ашу-на; грех — в арех, а йадрышку — в рот; па ус'ой дытан'и дышыш; биз ус'акый пызвален'и вйехыла ана ат мине; йон сымит'аружыу свау; куды пын'ас'обш йайу ны кладбиш'у; пласт з'олыт'я ны гутару¹ укыдаиш².

О разрушении категории среднего рода говорит и форма глагола-сказуемого прошедшего времени женского рода, согласуемого с под-

¹ Гутара — деревянный ящик для промывки породы при ручном способе добыwania золота.

² Примеры приводятся в основном в винительном падеже, так как в изучаемом говоре это наиболее употребительный из косвенных падежей имен существительных.

лежащим, выраженным именем существительным среднего рода: майа движен:а худа́йа стала; пирьта́млен:а ба́л'шайа мне была; у вас наро́шна была в'анча́н:а, а у нас-ть правды́шнайа; майа прыха́джен:а служба́ была така́йа.

С. И. Котков, исследуя южнорусские письменные памятники ХУП века, пришел к выводу, что процесс разрушения категории среднего рода проходил довольно интенсивно и в прошлом, до ХУП века, но за последние три столетия утрата категории среднего рода не получила дальнейшего развития, то есть все, что имеется в этом отношении в южновеликорусских говорах, достигло в них своего развития уже в ХУП веке¹, хотя, как отмечает С. И. Котков, полного объединения парадигм имен женского и среднего родов нет. И тем не менее С. И. Котков отрицает положение С. П. Обнорского о растущем процессе разрушения категории среднего рода после ХУП века.

Наши же данные по современному семейскому говору, южнорусскому в своей основе, свидетельствуют о том, что разрушение категории среднего рода — процесс живой, распространяющийся и на слова современной советской действительности, например: такс'а пришла; пры йа́йу пысты́навлен:у-ть гыварит' будут пы ре́диве.

Переход существительных среднего рода в женский, судя по имеющимся у нас сведениям, — явление сравнительно редкое в семейском говоре. В большинстве случаев существительные среднего рода переходят в мужской. Этот переход объясняется морфологически: совпадением в большинстве падежей форм мужского и среднего родов, что создает благоприятные условия для приведения в единообразие парадигмы среднего рода с парадигмой мужского. Необходимо при этом учитывать, что на современном этапе слова среднего рода в количественном отношении значительно уступают словам мужского. Примеры: вон ны гары сонца выскы́чил; лисо белый, как сн'ажок; хоро́шый гысударства наш, ус'о хачу блыгы́дарствыват; у нас наречий как был старый, так и асталс'а, мы йаво никак н'а м'ан'аим; вот какой серса до́брый был; выс: тан:а ишол — кызыка убили; сусвет:а чудной пашол и другие.

На переход существительных среднего рода в парадигму мужского указывают определения (прилагательные, местоимения, числительные), употребляемые в формах мужского рода (адин в'адро, ка́жный словь), а также глаголы прошедшего времени (пис'мо был, вас:тан:а ишол).

Изменение грамматического рода повлекло за собой выравнивание основ существительных среднего рода по мужскому роду: пыльтенис,

¹ См.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие ..., стр. 145.

рызв'ак (развлечение), н'адаёт (недоедание), наречий (наречие), п'р'ажну (переживание), крылес, ботыл; таковъ уш нету рызв'лаку; мылд'ажу мал у с'але; у вайну н'адаёт был бал'шой; п'р'аживу скол'было; ботыл шыпкь: т'о н'а надь балтаит⁴; наречий как йаво агьвариш и т. д.

Стремление к выравниванию основ, диктуемое общей тенденцией к утрате категории среднего рода, привело к отпадению суффикса -ани-(е): н'адаёт < недоедание, пер'ажну < переживание.

В старообрядческих селах Ветковского района — бывшей метрополии семейских — наблюдается сравнительная ограниченность утраты категории среднего рода. По нашим наблюдениям, средний род трансформируется и в мужской, и в женский с незначительным преобладанием последнего. Примеры трансформации в женский род: гной вывоз'ут'у пол'у; нам была такайя пр'ыписан':а; ана у хорми натходит'тэста; скал'оп'чик у тем'у у самуйу шпал; кастру' выбивали' трапалк'й; н'а свайа стада, куда пайд'ош; т'апер'а пад лектру делают' п'н'кадилу, лектру т'апер'а пар'ут; трансформации в мужской род: цыбарка — йета в'адро дир'ав'ан:ий, бандар делат; мене сердца был'ной; в йет'т урем'а йа стал библи'атек'р'ем; куриный йаичк' йес'.

Ограниченное количество примеров утраты категории среднего рода в старообрядческом ветковском говоре объясняется, возможно, тем, что на протяжении последних трех столетий он находится в окружении белорусских говоров, для которых не характерна замена среднего рода мужским или женским¹.

Во всяком случае, на основании незначительного количества сопоставительных данных, полученных нами за период одной поездки в Ветковский район, трудно судить, какой тип трансформации среднего рода преобладал в говоре семейских в момент их высылки в Забайкалье.

Можно только сделать предположение о том, что тенденция перехода существительных среднего рода в категорию мужского — характерная черта северно- и среднерусских говоров — получила развитие в южновеликорусском говоре семейских благодаря северновеликорусскому окружению говоров сибиряков и прежде всего тому, что семейский говор в недостаточной степени развил в себе противоположную черту — трансформацию парадигмы среднего рода в парадигму женского (что казалось бы закономерным в южновеликорусском типе говора, где переходу существительных среднего рода в женский способствует

¹ См.: Т. П. Ломтев. Белорусский язык. М., Изд-во МГУ, стр. 52-54.

аканье, и тем не менее не стало закономерностью благодаря былому сдерживающему влиянию окружающих белорусских говоров, для которых трансформация категории среднего рода чужда). Слабое развитие одной тенденции (изменение парадигмы среднего рода в парадигму женского) обусловило появление в говоре другой, противоположной тенденции (трансформации категории среднего рода в категорию мужского), дальнейшее ее развитие и перерастание в закономерность.

В единичных случаях в семейском говоре наблюдается переход существительных мужского или женского родов в категорию среднего рода: бьр'асто жгли; кынап'о тьр'абили; адну нагу у кастро (костер) забр'осил. Переход в категорию среднего рода существительных типа "конопля" мог произойти, очевидно, после того, как существительные среднего рода на -о, -е вследствие фонетических причин стали принимать окончание -а и переходить в женский род. После этого появилась возможность смешения с этими существительными исконных слов женского рода на -а. В данном случае возможно и влияние существительных первого склонения типа собственных имен Ван'а, Кал'а (Коля), Тал'а (Толя), Хвил'а, где ударение падает на окончание, как и у слов "смола", "конопля". Приведенные собственные имена могут выступать в семейском говоре в форме обращений: Ван'о, Кал'о, Тал'о, Хвил'о.

О подобных заменах свидетельствуют также сказуемые в прошедшем времени, употребляющиеся иногда в форме среднего рода при существительных-подлежащих женского рода: па опшыму зыбыл'аван:у была йама утарайа групша; тут магло ризаушына пылучиц'а; л'ахко пышла работа.

В говоре же ветковских старообрядцев таких аналогических замен нами не обнаружено, что свидетельствует о сравнительно ограниченном действии тенденции утраты категории среднего рода.

В краснотичковском говоре наблюдается также взаимопереход существительных мужского и женского родов, что является следствием влияния одних основ на другие, а также представления о поле у существительных одушевленных. Например, в результате влияния одних основ на другие перешли в мужской род слова: работа, награда, берлога, молодежь, паника, хмара и другие: а ни такой жа паник, падн'алс'а; згр'аби вали сена - вот те и работ будът; разв'а хмар какой? хмар'дак йси увес'хлеп папор'ит; награт харошы пылучил у Масквы; ст'агам пыдапр'оп м'арлох йавон:ый и жд'ош; мыльд'ажу многа.

Взаимовлияние основ сказалось и на переходе существительных мужского рода в категорию женского рода: папопа нас рыз'арила; панижа па речкь там другайа пл'оса йес; адриски твайой нет у мене, йа пачом знайу кудн писат; кантрахту закл'учиш с хаз'айнъм,

патом уш пар'а нiкуды; картофа нонi худаiа; наша матор, а лётка - Кул'мына (брыццi); Вийитнама - та ус'о д'ар'оц'а ана, ай нет? ны зарнбтыку йеду летым; мытасыклу прыдат'нада; три метры клийанки уз'али.

Переход существительного картофель в разряд слов женского рода (картофа) мог произойти под аналогичным воздействием со стороны существующего в говоре синонимического варианта бул'ба. Точно так же существительное заробток, по-видимому, переходит в категорию женского рода под воздействием существительного работа.

Особое место занимают существительные кедр, литр, свитер, метр - иноязычные образования с конечной группой согласных. Их переходу в женский род способствовало стремление дополнить конечную труднопроизносимую группу согласных тр, др гласным элементом, вокальным условием для произношения последнего согласного: свитра браннiа, к'адра улаушы, две литры.

Необходимо также отметить наличие в краснoчикоiйском говоре параллельных вариантов: лисо белiй - лисо белiа, крыло худой - крыл'со худойа, майа мыт'йо - майо мыт'йо, мой кал'со - майо кал'со, что свидетельствует о влиянии литературного языка на систему говора.

Таким образом, краснoчикоiйский говор в его современном состоянии характеризуется наличием трех родов. Процесс утраты среднего рода ограничивался в прошлом былым влиянием окружающих белорусских говоров Ветки, на современном этапе - воздействием норм русского литературного языка. Причем, в говоре краснoчикоiйских семейских наблюдается сравнительная ограниченность перехода существительных среднего рода в женский род, в то время как в большинстве родственных южновеликорусских говоров утрата среднего рода, переход имен существительных среднего рода в женский - живая специфическая черта.

Переход существительных среднего рода в женский большинство исследователей объясняет фонетическими причинами, а именно: с появлением аканья создаются предпосылки для смешения и перехода имен среднего рода в женский.

Семейский говор, носителями которого были исконные жители южновеликорусских областей, несомненно, испытал на себе влияние аканья, распространившегося предположительно в южновеликорусских говорах в XIV-XV веках. Но в дальнейшем, когда носители семейского говора оказались в районе Ветки, произошла изоляция от осталь-

См.: П. А. Ра ст о р г у е в. Говоры на территории Смоленщины. М., Изд-во АН СССР, 1960; С. С. В ы с о т с к и й. Указ. соч.

ной южновеликорусской акающей территории. В связи с этим процесс перехода существительных среднего рода в женский был ограничен: семейский говор попал под влияние белорусских говоров, в которых аканье развивалось значительно позднее. О позднем развитии аканья в белорусском языке свидетельствует М. А. Жидович¹. Кроме того, белорусским говорам вообще чужда замена категории среднего рода женским², поэтому можно предположить, что белорусское влияние — одна из причин ограничения перехода существительных среднего рода в женский в семейском говоре.

Тенденция замены категории среднего рода мужским у семейских развилась уже в Сибири под влиянием окружающих сибирских старожильческих говоров.

Таким образом, переход существительных среднего рода в мужской является характерной чертой семейского говора, наблюдаемой повсеместно в общепотребительных словах.

Единственное число

Первое склонение

Распределение имен существительных по падежам в красночичковском говоре происходит на основе родового принципа. Первое склонение, как и в литературном языке, охватывает имена существительные женского, мужского и общего родов с флексией -а (-я). Но в изучаемом говоре первое склонение по своему составу несколько шире, чем в литературном языке, так как оно включает в себя имена, исторически восходящие не только к основам на -а и -ја, но и к основам на -й и согласный звук. Имена существительные бывшей основы на согласный с суффиксом -ъв - в словах типа церковь, морковь, свекровь, с суффиксом -ер- типа мать, дочь еще в дописьменный период распределялись между двумя типами склонения — с основами на -а и -і. Этот процесс сопровождался выравниванием фонетического облика слова по модели парадигмы женского рода на -а или с нулевым окончанием. Формы именительного падежа единственного числа серква, морква, св'акрова встречаются в говоре наряду с формами серкау, маркоу, св'акроу. При этом существительное свекровь очень часто принимает суффикс -уха: св'акруха. Наряду с формами мать, дочь, употребляются формы с суффиксом -к-: матка, дачка.

¹ См.: М. А. Жидович. Именное склонение в белорусском языке (имя существительное). Автореф. докт. дис. Минск, 1958.

² См.: Т. П. Ломтев. Указ. соч.

К этому же склонению относятся слова, которые в литературном языке включаются в 3-е склонение. Это имена существительные с бывшей основой на *-i* женского рода, которые также видоизменили форму именительного падежа по образцу имен существительных на *-а*: пастел'а, м'ател'а, купел'а, жзн'а, гармон'а. Аналогичное явление отмечено в говорах материнской Курско-Орловской группы¹. В курских говорах произносят св'акрова, св'акруха, церква, маркова.

В говоре обследованных нами сел Ветковского района Гомельской области также отмечено изменение форм именительного падежа существительных бывшей основы на *-i* женского рода по образцу имен существительных на *-а*: жзн'а н'а йакайя пашля; супон'а парва-тайа; ран'шы на свад'бы гармон'а была и т. д. Здесь также широко распространены формы морква, церква, св'акрова, а также существительные мать, дочь с суффиксом *-к-*: матка, дачка.

В 1-е склонение, как показывают наблюдения, вошли некоторые существительные, относящиеся в современном литературном языке ко 2-му склонению: танка, литра, мханизма, мытаськла, патопа, Вийтнама, пыстынавлен:а, кедра, зарыбытка, испуга, абр'ада (наряд), банка, бланка, тигра, пл'оса.

С. П. Обнорский причинами всех этих новообразований считает явления морфологического характера: "... под влиянием обычных в языке отглагольных имен существительных на *-ка* жен. рода, как носка, лежка, посадка, смазка и т. п., явились новые образования по женскому роду - заработка, поступка, заморозка, выводка, от-тенка и т. п., несмотря на то, что варианты этих слов по м. роду иногда соединились с особыми оттенками значения... В ряде случаев варианты слов на *-а* падают на отвлеченные (отглагольные) существительные, являющиеся церковнославянским наслоением в русском языке, свидетельствуя данным морфологическим признаком о своем большем обрусении. Причину этого явления следует усматривать во влиянии обычных в живом языке отвлеченных имен существительных именно на *-а*: вреда, испуга, аряда, пакоя, приута, укора...".

¹ См.: В. И. Чагышева. К изучению курско-орловских говоров. - "Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та", т. 92, 1953; е е же. С брянских говорах. - "Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та", т. 130, 1957; Н. П. Гринкова. Заметки о калужских говорах. - "Мат-лы и исследования по русской диалектологии". М., Изд-во АН СССР, 1949.

² М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губернии. - "Сб. ОРЯС АН", т. 76, № 5. СПб., 1904; А. С. Машкин. Об особенностях обоянского простонародного говора. - "Тр. Курского губернского стат. ком.", 1863, вып. I.

³ С. П. Обнорский. Указ. соч., вып. I, стр. 37.

В говоре ветковских старообрядческих сел также наблюдается склонение по I-му типу у существительных мужского рода, относящихся в литературном языке ко 2-му типу склонения: тихайа пл'оса, мытаццкля, камбайна; пасматр'у на п'япилиш:у и т. д.

Родительный падеж

Для родительного падежа существительных, изменяющихся в говоре по I-му типу склонения, характерны в основном флексии, совпадающие с соответствующими флексиями литературного языка: хаты, вады, зимы, з гр'ады, у с'астры, з д'аревни, три н'адежи, св'акровы не-ту-ка.

Встречаются в говоре и формы родительного падежа с флексией -е, восходящей к флексии имен существительных старой основы на -ја. Флексия -е выступает как под ударением, так и в безударном положении (в виде -е или -и): у с'астре, из муке, кула урге (топоним), у жане, з:а р'аке; ат кантори, с работи, куль карови. В ветковском старообрядческом говоре формы на -е также употребительны: ат ваде, з галаве, с наге и другие. Кроме того, формы на -е широко распространены в орловских и курских говорах². Формы на -е, -и в русском селе Леонтьево Ветковского района отмечены А. Ф. Манаенковой³. Таким образом, наличие форм на -е в материнских и ветковских говорах доказывает родство семейского говора с исходными южновеликорусскими.

Причиной возникновения флексии -е в родительном падеже существительных женского рода А. И. Соболевский и А. А. Шахматов считают воздействие со стороны членных прилагательных, в которых формы родительного и дательного-местного падежей совпали⁴. С. П. Обнорский рассматривает появление флексии -е как результат взаимодействия твердой и мягкой разновидностей склонения⁵. С особенно-

¹ См.: С. И. Котков. К изучению орловских говоров. стр. 72-77; М. Г. Халанский. Указ. соч., стр. 13; В. И. Резанов. Наблюдения над говором крестьян деревень Масловки и Хитровки Суджанского уезда Курской губернии. - "Изв. ОРЯС АН". СПб., 1912, стр. 245.

² См.: Г. В. Денисевич. О падежных флексиях существительных на -а в местных говорах. - "Учен. зап. Курского пед. ин-та", вып. 9. Курск, 1959, стр. 150-172.

³ См.: А. Ф. Манаенкова. Морфологические особенности говора с. Леонтьево Добрушского района Гомельской области. - "Исследования на белорусской и русской мовах". Мичск, 1958. стр. 195-196.

⁴ См.: А. И. Соболевский. Очерки по истории русского языка. Киев, 1884, стр. 152; А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., Учпедгиз, 1957, стр. 344.

⁵ См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., вып. 1, стр. 87

стями реализации губно-губного в в южновеликорусских говорах уязвляет появление флексии -е в родительном падеже единственного числа М. Ф. Моисеенко¹: звуковое совпадение в и у содействовало солижению окончаний родительного и предложного падежей единственного числа женского рода. Подобного мнения придерживается и В. А. Белькова².

Вполне возможно, что причиной унификации падежей флексии родительного и предложного падежей единственного числа женского рода явилось совпадение предлогов в и у, вызванное особенностями реализации в говоре губно-губного в. Ускорению этого процесса могло содействовать аналогичное воздействие со стороны членных прилагательных женского рода, в которых формы родительного и дательного падежей совпали, а также тенденция к унификации падежных форм внутри одного типа склонения, вызванная взаимодействием твердой и мягкой разновидностей одного и того же типа склонения. В связи с этим мнение В. А. Бельковой, рассматривающей явление совпадения предлогов в и у в качестве основной причины появления флексии -е в родительном падеже женского рода безотносительно к процессу взаимодействия, взаимовлияния, унификации всех типов склонения в русском языке, получившего свое развитие с древнейших времен (В. И. Борковский предполагает, что этот процесс мог начаться еще в дописьменную эпоху), представляется несколько односторонним³.

Дательный падеж

В семейском говоре в дательном падеже единственного числа имена существительные твердой и мягкой разновидностей имеют те же флексии, что и в литературном языке, то есть -е (без ударения -и). Примеры с ударенной флексией: пн траве, к р'аке, к с'астре, г жане, г з'амле, к с'ам'йе, к ваде, к дыске, к пыльн':е; с безударной флексией: к мамь, к сусэтькь, к почть, к падушть, к св'акрусь и другие.

Часто встречаются формы на -ы (под ударением и в безударном положении) после твердой и отвердевшей согласной: плат:а ш'йу кукля, пн гыльвы, пн даскы, к с'астры, пн жары, к ламы; пытарчина хлопнула пн гылавы, йа шпускальс'йады, пн жары дрыва тыскат'чьжало и т. д.

¹ См.: М. Ф. Моисеенко. Об одной особенности склонения имен существительных в русских говорах Казанского Поволжья. - "Учен. зап. Казанского ун-та", т. II9, кн. 5. Киев, 1959, стр. 243.

² См.: В. А. Белькова. Указ. соч.

³ См.: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., "Наука", 1965.

Для имен существительных мягкой разновидности характерна соответственно ударная флексия -и: пы з'амли, к радни, к свин':и, па ус'ой дыхан':и; с палуби, ат спуги (от испуга).

С. П. Обнорский формы типа по з'амли квалифицирует как архаизмы старой системы склонения основы на -а и утверждает, что она встречается в тех южновеликорусских говорах, которые не знают употребления дательного на -н¹.

Говор семейских не подтверждает подобного взаимоисключения в употреблении данных форм; здесь встречаются как формы на -и, так и на -н. В таком своеобразном оформлении дательного падежа единственного числа имен существительных на -а в семейском говоре сказалось, очевидно, взаимодействие между твердой и мягкой разновидностями склонения. Флексия -н свидетельствует о былом влиянии существительных I-го склонения мягкой разновидности на твердую: к с'астры, к свад'бы, к серквы. Флексия же -и - или старая архаическая флексия мягкой разновидности склонения, или результат редукции *ѣ*, усвоенного мягкой разновидностью склонения из твердой.

Формы на -н доминируют в говорах Курско-Орловской группы. В орловских говорах эти формы встречаются преимущественно в западных, граничащих с брянскими говорами².

В курских говорах эти формы отмечались рядом исследователей³. По мнению С. И. Коткова, эти формы в течение последних трех веков являются органической принадлежностью южновеликорусского наречия⁴. В говоре ветковских старообрядческих сел также встречаются формы на -н (-и): па йаво проз'бы, па старины, па целай карзины, па новай моды, па травн; па з'амли, к свин':и. Эти формы отмечены и в русском селе Леонтьево Ветковского района⁵.

По употреблению форм дательного падежа на -н говор семейских, как видим, сходен с материнскими говорами Курско-Орловской группы, а также с ветковскими старообрядческими говорами. Исследователи, занимавшиеся семейскими говорами Улан-Удэнского аймака Бурятской АССР, на Алтае, в Читинской области также отмечают эту

¹ См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., вып. I, стр. 250-251.

² См.: С. И. Котков. К изучению орловских говоров, стр. 26.

³ См.: В. Рязанов. К диалектологии великорусских наречий. Особенности живого народного говора Обоянского уезда Курской губернии. - РГВ, 1897, № 3-4, стр. 34; А. С. Машкин. Указ. соч., стр. 543-557.

⁴ См.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие ..., стр. 179.

⁵ См.: А. Ф. Мананенкова. Указ. соч., стр. 196.

особенность¹. В дательном и предложном падежах у имен существительных женского рода и в предложном падеже у имен существительных мужского и среднего родов нами отмечены формы, в окончании основы которых имеет место свистящий с' на месте заднеязычного х': к св'акруси, к старуси, у цеси (в цехе), в уси (в ухе).

Винительный падеж

Формы винительного падежа, как и в литературном языке, имеют флексии -у (-ю): ны пасху, у суб:оту, пы талкушку, ны зарыбытку, у пышаницу; на дол'у, ны пастел'у, сызавут радн'у, на пол'у и т. д. Как видно из примеров, флексию -у (-ю) принимают также существительные старой основы на -і, перешедшие в І-е склонение.

В названных формах ударение часто перемещается на основу: зы нагу, ны спину, ны гылаву, зы руку, лит'ваду, зы даску, зы саху, у бырад'у, пы ваду, пы дачку, ны качку. Подобное явление наблюдается во многих говорах южновеликорусского наречия². По мнению С. П. Обнорского, оно развилось в целях выравнивания места ударения по всей парадигме склонения. Эта особенность присуща также говорам Орловской области и северо-восточным белорусским говорам³.

В семейском говоре иногда наблюдается форма винительного падежа на -а (-я): пашла бан'а тапит (пошла баню топить); касá в рути - и пашол (косу в руки - и пошел); вада пьр'ашлыт нада (воду переплыть надо). Отмечена также форма: карова вады н'а ид'от (через реку).

Встречаются случаи, когда ударение перетягивается с предлога на окончание: ускатил ны нага (на ноги).

В изученных нами ветковских говорах основной флексией винительного падежа является -у: у школу, у церкву, у чужуйу радн'у, у тойу пл'осу; у свайу старану, падуольву, на кудел'у, у р'ашку (в лохань). Ударение с основы также перемещается на флексию: касу пл'атут', ваду н'асут'.

¹ См.: П. Ф. К а л а ш н и к о в. Указ. соч., стр. 33; В. А. Б е л ь к о в а. Указ. соч., стр. 22; Е. Н. С т р е п к о в а. Переселенческий южнорусский говор Верх-Убинского района Восточно-Казахстанской области в севернорусском окружении. Автореф. канд. дис. М., 1954.

² С. И. К о т к о в. Южновеликорусское наречие..., стр. 87-88; Нарысы на беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964, стр. 186.

³ С. П. О б н о р с к и и. Указ. соч., стр. 275.

В творительном падеже существительные I-го склонения имеют флексию позднего происхождения -ои (-ей). По мнению А. И. Соболевского¹, эта флексия возникла фонетическим путем вследствие редукции конечного безударного у: ойу > ои. Возникновение редукции могло быть вызвано стремлением формы родительного падежа уподобиться в отношении количества слогов в парадигме склонения всем остальным падежным формам². Эта тенденция, в свою очередь, могла вызвать изменения фонетического плана: конечный -у в сложном окончании -ойу по ряду причин становился кратким звуком, затем, находясь в позиции после согласного в конце слова, утрачивался.

В. А. Белькова появление флексии -ой объясняет аналогичным воздействием со стороны определяющих прилагательных в том же самом падеже³. Аналогичное воздействие со стороны определяющих прилагательных, действительно, могло оказать поддержку в развитии общей тенденции, выраженной в стремлении форм родительного падежа уподобиться в отношении количества слогов всем остальным падежным формам в парадигме склонения.

С. П. Обнорский утверждает, что в южновеликорусских говорах формы творительного падежа на -ою и на -ои употребляются равномерно⁴. В красночкойском говоре, по нашим наблюдениям, доминируют формы на -ой, а формы на -ою встречаются только в фольклорных произведениях: *сымаукы мин'а зав'от; холст бучут' вадой и залой; бугулой ишол; чапурой, харганой (вид кустарника), оул' бьи, хмар'й, лытк'й, брнчк'й, курсиеи, бан'й, волыи; фольк.: пачаму жа нь па здраву л'убит' правдайу ня стал?*

В говоре ветковцев также преобладает флексия -ой, например: *лапатк'й, к'паниц'й, ш:ал' ов'чк'й; вадой, з'амл'ои*. Краткая флексия -ои преобладает и в юго-западных областях Белоруссии⁵.

Предложный падеж

Флексия предложного падежа -е (в безударном положении -и) сов-

¹ А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907, стр. 94.

² См.: А. А. Ш а х м а т о в. Историческая морфология русского языка. М., Учпедгиз, стр. 540; С. П. О б н о р с к и й. Указ. соч., вып. I, стр. 276.

³ См.: В. А. Б е л ь к о в а. Указ. соч.

⁴ См.: С. П. О б н о р с к и й. Указ. соч., вып. I, стр. 277.

⁵ См.: Е. Ф. К а р с к и й. Белорусы, т. 2. Варшава, 1912, стр. 166.

падает с литературной, например: в р'аке, у гылаве, ны стыране, в был'атеки, ны машины, у марти, у кабини.

Случаи с ударенной флексией -и характерны не только для существительных мягкой разновидности, но и твердой: ны одной наги, ны манзи, у был'аги (Баляга - топоним), у качки. Возможно, что подобные формы появились в результате взаимодействия твердой и мягкой разновидностей склонения, благодаря чему выравнивание падежных флексий предложного падежа могло проходить не только по образцу твердой разновидности, но и в соответствии с древнерусским мягким вариантом. Здесь могло оказать влияние и аналогичное воздействие со стороны вторично образованных форм дательного падежа на -и.

С. П. Обнорский считает, что формы предложного падежа типа в с'ам'ийи встречаются в южновеликорусских говорах, которые не знают употребления предложного падежа на -и¹. Но в семейском говоре, напротив, очень часто встречаются формы на -и, сложившиеся исторически под влиянием форм на -и мягкой разновидности склонения, например: п'асочик ст'алили узби (в избе), бугалтирьм на шотный машины работаит; тьи ны кытанцы живут; в нужды век жыву; хлеп смалол у жел'итыи; у бригады работаит; в этой вайны ус'о па нашим пл'ачам прыкатилъс; зольть ны гутары астайоц:а; ны св'ажыны были. Эти формы типичны и для материнских курско-орловских говоров. Данные памятников южновеликорусской письменности также не подтверждают мнение С. П. Обнорского².

В ветковском русском говоре нами также зафиксировано употребление предложного падежа с окончанием -и существительных женского рода с твердой основой, оканчивающихся на -а: на родины, на нарвы был случай, на украины к'раба были, у одной хаты, у канцы канцоў, на свайой нивы, у артистѣу на сцѣны, у старины так было, каша на марквы, у ст'аны десѣт'аршын.

Отмечены случаи с ударной флексией -и у существительных мягкой разновидности склонения: нь з'амли, у сам'ийи, у палан':и, нь свин':и.

¹ См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 250.

² См.: "Русская диалектология". М., "Наука", 1964, стр. 277; С. И. Котков. К изучению орловских говоров, стр. 80; К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Диалектное членение русского языка. М., "Просвещение", 1970, стр. 130; М. Г. Халанский. Указ. соч., стр. 234.

³ См.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие... стр. 182.

Звательные формы

Одушевленные имена существительные I-го склонения имеют особую звательную форму, представляющую собой усеченную форму именительного падежа: мам, пап, бап, л'уп, свет, нат', марус'.

Иногда сохраняются и старые звательные формы древнерусского склонения на -о: ван'о, тал'о, кал'о, мамо.

В большинстве случаев в функции обращения выступает обычная форма именительного падежа единственного и множественного числа: ма́ма, ба́т'а, ла́вря, хви́рса, хвама́йда, йа́р'ома.

Второе склонение

В красночикойском говоре по образцу 2-го склонения изменяются имена существительные мужского рода с нулевой флексией, а также имена среднего рода на -о, -е. Парадигма 2-го склонения распространяется также на имена существительные иноязычного происхождения (у пал'те, у д'апу), среднего рода на -мя (па врем'у, у самую тем'у), на существительное путь, а также на отдельные имена существительные, изменившие по ряду причин свой грамматический род (хмарь, корь).

Родительный падеж

В изучаемом говоре, как и в литературном языке, функционируют флексии -а, (-я) и -у (-ю), распространяющиеся не только на существительные с древними основами на -о, -jo, а также и на существительные с другими древними основами, вошедшими по каким-либо причинам в этот тип склонения. Формы на -а, как показывают наблюдения, в говоре преобладают: гурана, быка, к'адроунька, ту-луна́, увала́, кина́, пал'та́, хмарьва́, с'ал'па́, с Улан-Уда́, куста́ н'а оыло, сылнап'ока, сивьра.

В Курско-Орловской группе говоров наблюдается колебание в употреблении форм на -а и на -у^I.

В красночикойском говоре шире, чем в литературном языке, распространена флексия -у (-ю), исторически восходящая к форме родительного падежа существительных со старой основой на ий. Если в литературном языке формы на -у употребляются только у имен существительных вещественных, собирательных, отвлеченных, то в исследуемом говоре флексия -у (-йу) распространяется также на имена

^I См.: С. И. Котков. К изучению орловских говоров, стр. 74.

существительные конкретные. Чаще всего это имена существительные с ударением на основе (реже — на флексии), имена без предлога и с предлогами с, от, у, до, для, без: закону нету, йа жиндинскъвъ приходу, дл'а моху пас убирайт, пришол с плену, зачал стр'ал'ат с ут'осу, дав'ос ды пьр'авозу; отвлеченные собирательные и вещественные имена существительные: приятньвъ им сну; атс'олу байальс' (отселения); з гольду здохнъш; страху ньб'ар'ос :а; стан кан трахмалу, двор дль скату.

Формы на -у встречаются в устойчивых фразеологических оборотах: з жыру бес'уц:а, стыду нет, приятньва сну.

Иногда формы на -у представлены собирательными одушевленными существительными со словами много, мало, сколько: народу многъ, скату у ей скол, мыльд'ажу маль сталь у с'але.

Существительное день в родительном падеже единственного числа имеет форму дни: ды п'атрова дни, трът'аводни.

Распространение флексии -у на родительный падеж существительных 2-го типа склонения — результат влияния старого склонения основ на йй на старое склонение на о¹. Проявления этого процесса применительно к русскому языку в целом неоднократно связывали с определенными лексико-семантическими группами имен мужского рода: вещественными, собирательными, отвлеченными именами или со значением места, местности, то есть увязывали этот процесс с действием семантического фактора². С. П. Обнорский считает, что в истории русских диалектов не все случаи форм на -у могут быть объяснены семантическим моментом. Первопричиной образований родительного падежа на -у он считает ударяемость основы: флексию -у сначала приобретали имена с ударением на основе, а формы типа в гназду с ударением на окончании — позднего происхождения³.

По этому вопросу наиболее приемлемой можно считать точку зрения С. И. Коткова, который отрицает взаимоисключающее противопоставление семантического и акцентологического моментов, так как "относительность род. на -у к определенным семантическим группам сочетается в общем с отнесенностью их к определенному акцентоло-

¹ См.: А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка, стр. 170.

² См.: А. А. Ш а х м а т о в. Историческая морфология русского языка... стр. 240-247; Л. А. Б у л а х о в с к и й. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958, стр. 134-135; Ф. П. Ф и л и н. Очерк истории русского языка до XIV столетия. — "Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та", т. 27. Л., 1940, стр. 124-125.

³ См.: С. П. О б н о р с к и й. Указ. соч., вып. I, стр. 106 и след.

гическому типу. Очевидно, в истории род. на -у действие этих моментов сочеталось¹.

Анализ форм на -у в исследуемом говоре позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Как и в литературном языке, формы на -у распространяются в основном на определенные группы существительных, вещественные (жир), отвлеченные (сон), собирательные (скот), а также на существительные, обозначающие место или местность (лес, город).

2. Сфера употребления флексии -у расширяется, по сравнению с литературным языком, за счет ее распространения на существительные конкретные: капли ат жалутку, кыраулу н'а было, дл'а моху пас убирайут; дыбрац:а ды пласту золыта.

3. В отличие от литературного языка флексия -у употребляется и в том случае, если при отвлеченном или собирательном существительном стоит определение - прилагательное: чистыва воздуху, рыгатыва скату, сытныва корму, з дал'окыва тылу.

4. Резкой грани в употреблении форм на -а (-я) и -у (-ю) в говоре нет: часто одни и те же слова могут звучать и с флексией -а, и с флексией -у: с ымбару - с ымбара, с урлуку - с урлука, с возу - с воза, с воздуха - с воздуха, ат закона - ат закону.

А. М. Селищев отмечал: "Форма род. ед. почти последовательно оканчивается на -у; формы на -а встречаются очень редко"².

В современном красночикийском говоре под влиянием норм литературного языка в речи молодого поколения флексия -а успешно вытесняет флексию -у, которая продолжает довольно устойчиво держаться в архаическом слое говора.

Форма на -у получила широкое распространение в говорах Курско-Орловской группы³. В говоре старообрядческих сел Ветки нами замечено широкое распространение флексии -у: р'ажынка дл'а продьжу, с адгону творьх дельли, послъ выжагу прось сейали; участок сънако-су, з двац:ат' дьв'атьвь уоду у калхозъ. Формы на -у отмечены А. Ф. Манаенковой и в говоре села Леснтьево⁴.

Флексия -а в ветковском говоре, по нашим наблюдениям, встречается сравнительно редко и вытесняется флексией -у, сфера употреб-

1 См.: С. И. Котков. Кжновеликорусское наречие... стр. 163.

2 См.: А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы... стр. 58.

3 См.: Г. В. Денисевич. О падежных флексиях существительных на -а в местных говорах, стр. 157; Е. И. Резанов в а. Указ. соч., стр. 24.

4 См.: А. Ф. Манаенкова. Указ. соч., стр. 197.

лени которой расширена в говоре благодаря воздействию со стороны окружающих белорусских говоров¹.

В ветковском говоре наблюдается перемещение ударения на флексию -а: хлапца б'ар'ош, кьсар'а найм'ош.

Встречены формы: сарва́л ли ты бурака́? ката́р жалуткам; протіу́ полы (пламени) -.

Как видим, формы на -у в говоре ветковских старообрядцев получили широкое распространение в тех же семантических группах, что и в краснотичинском говоре: в существительных, обозначающих отвлеченные, вещественные понятия, а также - со значением места.

Фразеологизм от темна до темна имеет здесь такую форму: с т'омнѣва дѣ т'омнѣва.

Флексия -у в родительном падеже - характерный признак южновеликорусского наречия³.

Дательный падеж

В дательном падеже имена существительные 2-го склонения имеют те же флексии, что и в литературном языке: к лóс'у, пы п'ас'мú, пы райвону, к сыхачу; парнишку другой гадок, свайому дит'у княц:а н'а буду, пы радиву пирьдывали.

Иногда в именах с неподвижным ударением на корне в дательном падеже единственного числа в сочетании с предлогами ударение переносится на флексию: пы сн'агу долгъ бегъли - зато и хвырайут; к тыбару пыткралсь; да това мьс'ацу.

В говоре ветковских старообрядцев также отмечена флексия -у: прис'агнуль цар'у н'абеснъму; па ус'ом свету пабыла; па кауказу. Встречена форма с перетянутым на флексию ударением: босый па сн'агу. Подобные формы зафиксированы В. И. Чагишевой в говоре Суземского района Брянской области⁴.

¹ Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 62.

² Здесь, очевидно, произошла контаминация между существительными палым'а и палы́ (палы́ - мн. ч.: палы пускят'у ст'али).

³ См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., вып. 1, стр. 103; Е. Ф. Будде. К диалектологии великорусских наречий, стр. 104; А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка., стр. 106; е г о ж е. Историческая морфология русского языка, стр. 225.

⁴ См.: В. И. Чагишева. К изучению курско-орловских говоров. (Наблюдения над говорами Суземского района Брянской обл.). - "Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та", т. 130. Л., 1957, стр. 173.

Винительный падеж

Форма винительного падежа, как и в литературном языке, у существительных одушевленных совпадает с родительным, у неодушевленных — с именительным: пыставил чугу́н у печу, сыръхван надела, зда́ла халат; м'ахода видѣл, пазвал пракопа, викула, амоса, андрона, савина, маркела, кыпитона.

Имена существительные среднего рода (или перешедшие в средний род) имеют под ударением флексию -о, -е, в безударном положении -а, -я: кынап'о, драп'о, луб'йо, смал'о, бър'асто, каст'ро (костер), чало (входное отверстие у русской печи; верхняя кромка у входа в берлогу); те́ла, сена, солнышка, гчездышка, павидла.

Отклонения от литературной нормы представляют существительные среднего рода, перешедшие в говоре в категорию женского рода: в винительном падеже на них распространяется флексия -у, характерная для I-го типа склонения: гошка павидлу н'а ист, ус'у лету зазр'а прыждыла, ус'аку бьзаобраз'у твар'ат, паши ны кладбиш'у, пра ту паветр'у забыли, пра йету в'анчан'у усюмниш дак, чутушну заслышал славечку — гатовь.

Совпадение форм именительного и винительного падежей с такими же безударными формами имен женского рода возможно в изучаемом говоре в условиях акающего вокализма. Явление это характерно для говоров Курско-Орловской группы¹.

В говоре ветковских старообрядцев формы винительного падежа также совпадают с формами литературного языка: зашол на кут, заторкаит' частакол, пинжак пад гольву, снапок л'ну; Йахрема зави, Давида убили. Существительные среднего рода, перешедшие в парадигму женского рода, в винительном падеже так же, как и в красночичкойском говоре, имеют окончание -у: гной вывоз'ут' у пол'у, зашол у мар'йину (Марьино — название села), пра ту прытписан'у слышал; тапер'а пад лектру (под электричество) дслайт панакадилу, йету изм'анен'у вид'ут ус'е.

Творительный падеж

Флексии творительного падежа совпадают с литературной нормой: под ударением — ом, (-ам, -ѣм, -ѣм) при твердой основе и -ем (-им, -ѣм) при мягкой основе: халстом, п'астуном (пестун — прошлогодний медведь), з баронѣм, лесѣм, ходѣм, вѣчьрѣм, камен'ѣм, сиден'ѣм. Те же флексии имеют и существительные на -мя: прыт

¹ См.: С. И. Котков. К изучению орловских говоров, стр. 67-69.

последним вре́мьм, с чужым пле́мьм, с худым вы́мьм.

Подобные формы отмечены также в говоре ветковских старообрядцев: ца́п с хр'а́сто́м, за бу́рто́м, с тапа́ро́м, с'а́рпо́м, аршы́ньм, сажэ́ньм, жалезы́м, прутьы́м.

Предложный падеж

Для предложного падежа характерны флексии -е (в безударном положении -и), -а, -у (-ю).

Флексия -е, довольно широко распространенная в говоре, охватывает имена существительные мужского и среднего родов (с предлогами в, у, на) с обстоятельственным значением места, пространства, времени, а также имена существительные, не склоняемые в литературном языке: у с'а́лэ, на бугрэ́, у с'а́л'пé, у пы́лпал'тé; в безударном положении: в ле́сь, у трет'и́м го́дь, ны ка́рты, у го́рыдь, у райо́нэ, ны ты́м све́ть; иногда в безударном положении встречается флексия -а: на фронт'а, выскр'асен:а, у калхоз'а, у дом'а, ны мыр'оз'а, у пол'а.

Формы с безударной флексией -а отмечены также в говорах Курско-Орловской группы¹. Возможно, что это влияние зависит от характера акающего вокализма I-го предударного слога, распространяющегося и на заударные слоги, которые, очевидно, лучше рассматривать в соединении с первым слогом следующего в потоке речи слова: пражы́в'ош на све́т'а мно́га; в:нскр'асен:а стужа́ бы́ла.

В красночикойском говоре отмечены формы предложного падежа: в ус'и (в ухе), у цес'ь (в цехе), где х' заменяется с' перед гласным переднего ряда.

Одновременно с формами на -е (-и) в говоре широко распространены формы на -у (-йу), восходящие к старым формам предложного падежа основы на -й (у - краткий). Сфера распространения этой флексии более широкая, чем в литературном языке. Она охватывает существительные мужского рода не только под ударением, но и в безударном положении, имена односложные и неодносложные, одушевленные и неодушевленные. Флексия -у охватывает слова, общие как для говора, так и для литературного языка, а также сугубо местные, диалектные слова. В семантическом плане формы на -у (-ю) представляют собой имена существительные мужского рода предложного падежа со значением места, пространства, вещества, собрания людей или предметов, действия или состояния (то же самое, что и в литературном языке). Примеры с ударенной флексией: у ма́йу

¹ См.: К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Диалектное членение русского языка, стр. 131.

мыс'ацу, на мысу, у раву, ны бугру, ус'а мылад'ош ны скату мужык
ейный ны кранту работайит, ны блину сидим умест'а ("блин" — одна
из церемоний свадебного обряда); с неударенной флексией: при сы-
ну, у хыладочку, при барону было иш:о.

Формы на -у (-ю) в изучаемом говоре сочетаются не только с
предлогами в, на, что характерно для литературного языка, но так-
же и с предлогами при, об: н'а так аб дачки, как аб з'ат'у
саскүтилъс'; при агн'у сидели пр'али.

Формы на -у характерны и для имен существительных среднего ро-
да с ударной и безударной флексией: ны мылаку выросли, в д'апу, у
гн'оздышку, ны кыл'асу, при солнушку, па темичку, в з'орнушку.

Употребление форм предложного падежа единственного числа с
окончанием -у у существительных среднего рода является отличи-
тельной чертой говоров Курско-Орловской группы¹.

Перечень форм на -у в красночикойском говоре охватывает в ос-
новном существительные неодушевленные.

Отсутствие форм на -у у одушевленных существительных наблюда-
ется в материалах А. М. Селищева по говору верхнеудинских старо-
обрядцев².

С. П. Обнорский по поводу спорадического употребления форм на
-у в группе одушевленных имен существительных высказал предполо-
жение о более позднем распространении флексии -у в этой категории
имен³.

С. И. Котков при рассмотрении форм на -у в южновеликорусских
памятниках ХУП века приходит к выводу об одновременном распро-
странении этих форм на имена одушевленные и неодушевленные⁴. Од-
ной из причин неравномерного соотношения форм на -у в группах су-
ществительных одушевленных и неодушевленных можно предполагать
отмеченное С. И. Котковым преобладающее ударяемое -у у существи-
тельных неодушевленных и почти безраздельное господство безудар-
ного -у в категории одушевленных существительных⁵. Последнее об-
стоятельство не могло способствовать закреплению форм на -у у
одушевленных существительных. Однако сам С. И. Котков считает
это наблюдение далеко не бесспорным. Отрицает С. И. Котков также
мнение С. П. Обнорского о позднем хронологическом появлении флек-

¹ См.: К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Диалектное
членение русского языка, стр. 131.

² См.: А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы ...,
стр. 58.

³ См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., вып. I, стр. 147.

⁴ См.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие ...,
стр. 173.

⁵ См.: там же.

сии -у у имен среднего рода, подтверждая это рядом свидетельств из старинных брянских, обоянских, курских, елецких памятников¹.

В географических названиях на -ск форма предложного падежа имеет окончание прилагательных и неличных местоимений: в ыркуцкѣм дралис' йункура, жив' от' у конкинѣй (Конкино - название села).

Падежные формы предложного падежа на -у характерны и для говора изученных нами ветковцев. Примеры форм с ударенной флексией: у м'ашку, па л'асу, на кан'у, на двару, ат мыш'йаку, на куту, на м'аду, на п'аску, на рул'у; с безударной флексией: у сарайу, у куйбышаву, у палисаднику, на каточку, у сарайчику, при цар'у - уароку, при микалайу.

Из приведенного материала видно, что форма на -у получила здесь широкое распространение в категории имен мужского рода. Флексия -у охватывает незначительное количество существительных, входящих в парадигму среднего рода. Так же, как и в красночиковском говоре, формы на -у известны в предложных сочетаниях не только с предлогами в, на, но и с предлогом при.

Формы с флексией -е (-и) иногда выступают здесь в качестве вариантов параллельных форм на -у, иногда - при отсутствии параллельных форм на -у: у лесь - у л'асу, у курнь - у кур'ан'у, у сарай - нь сарайу, нь мьлаке - нь мьлаку, на куте - на куту, у хьврале - у хьврал'у; уйунь (в июне).

Отмечены в ветковском говоре формы предложного падежа на -ы: у каким уады, уйунь мьс'ацы.

Третье склонение

Склонение имен существительных 3-го типа склонения, за исключением тех имен, которые перешли в I-ое склонение, почти не отличается от норм литературного языка: па йелань, па шлы, ад жызни, к начи.

Винительный падеж обычно совпадает с именительным: жызн'на нада стала; ноч' был' шайа т'апер-ка. Но отмечаются формы с флексией -у (-йу), что свидетельствует о влиянии I-го типа склонения: чалнок чьрьс кыл'асо т'аньт кудел'у; пастел'у дывали и сундук; чар'омуху пыставит' на печу; гармон'у купили. Эти формы характерны и для говоров Курско-Орловской группы².

В дательном падеже возможна флексия -е (пы кисте, пы г'разе, к

¹ См.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие..., стр. 173.

² См.: С. И. Котков. К изучению орловских говоров..., стр. 85-87; В. И. Резанова. Указ. соч., стр. 247.

начё, пы лышадё), характерная для говоров Курско-Орловской группы¹, а также для многих говоров северовеликорусского наречия².

Утверждение В. А. Бельковой о спонтанном развитии этих форм³, основанное якобы на отсутствии флексии -е в дательном и предложном падежах 3-го типа склонения в курских, орловских и ветковских говорах, опровергается фактическим материалом, приведенным С. П. Обнорским, в том числе по курским и орловским говорам⁴. Формы на -е зафиксированы нами также в говоре ветковских старообрядцев, о чем речь пойдет ниже.

В творительном падеже имена существительные 3-го типа склонения имеют форму, совпадающую с литературной. При этом конечные мягкие согласные основы ассимилируют последующий й (йот), в результате чего образуются мягкие удвоенные согласные: ноч':у, гр'аз':у, пыл':у, восьн':у, пастёл':у, м'адал':у. Для говора характерна архаическая безударная флексия -ий: мне ныградили м'адалый, нат пастельй вис'ат' насот'ки, пьр'ат смертъй малитву читаит. Эти формы отмечены С. П. Обнорским в вжнорусских говорах как органические, исконные⁵.

В говоре ветковских старообрядцев форма родительного падежа единственного числа, насколько нам удалось заметить, в основном совпадает с литературной: ат гр'азй, ат печи, ат лошади, ат пастёлы, ат восини.

Винительный падеж здесь совпадает с именительным: вада па грут'. Иногда это происходит в результате действия закона аналогии со стороны форм I-го типа склонения: пр'али кудел'у, играли гармон'у.

В творительном падеже в говоре ветковцев отмечены формы: су-поный, саженьи.

В предложном падеже здесь, как и в краснотичинском говоре, зафиксированы формы на -е: у гр'азё, у мазе. Наблюдается также совпадение формы предложного падежа с литературной (иногда при наличии передвижки ударения): нь адной пади, на печи.

¹ См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., вып. I, стр. 256.

² См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., вып. I, стр. 252-256; А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921, стр. 235.

³ См.: В. А. Белькова. Указ. соч., стр. 12.

⁴ См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., вып. I, стр. 256.

⁵ См.: там же.

Существительные мать, дочь, морковь, свекровь, церковь в именительном и винительном падежах почти не употребляются с нулевой флексией (наиболее употребительным для изучаемого говора можно считать существительное церковь). В большинстве же случаев эти существительные видоизменили форму именительного падежа и перешли в I-е склонение: matka, дачка, св'акруха, цёрква (сёрква), морква.

В форме винительного падежа эти существительные приобрели флексию -у под воздействием имен существительных на -а: дачку, св'акруху, цёркву, матку, матер'у. Подобные же формы отмечаются и в большинстве южновеликорусских говоров¹, в том числе в говорах Курско-Орловской группы².

В творительном падеже обнаруживаем флексию -иу: матер'иу, дочь риу.

Во всех остальных падежах вышеназванные существительные склоняются по образцу I-го типа склонения.

В говоре ветковцев мы тоже находим существительные matka, дачка, марква, цёрква, св'акруха, изменяющиеся по I-му типу склонения. Форма св'акруха отмечена А. М. Селищевым³ также в говоре верхнеудинских старообрядцев: дачка, морква, цёрква, matka.

Существительные на -мя в косвенных падежах утрачивают сочетание -ен и принимают окончания I-го или 2-го типа склонения: ударил у самую тем'у; па вым'у мылако б'ажит; ка врем'у старайус прит':и. В именительном падеже единственного числа они сохраняют флексию -а.

Утрата сочетания -ен у существительных на -мя в косвенных падежах наблюдается также в курских говорах⁴ и в селе Манаенково Ветковского района⁵.

Существительные дитя и путь иногда могут приобретать окончания 2-го типа склонения: свайому дит'у иа кланыц:а н'а буду; па пут'у зайд'ош к йей; каждая matka ал свайом дит'у убиваиц а. Параллельно с формой дит'о употребляется словоформа дит'онок, которая полностью склоняется по 2-му типу (дит'оньк, дит'онка, дит'онку, дит'онкьм, о дит'онкь).

¹ См.: С. П. Обнорский и. Указ. соч., вып. I, стр. 267.

² См.: К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Диалектное членение русского языка, стр. 131.

³ См.: А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы ..., стр. 58.

⁴ См.: Е. И. Резанова. Указ. соч., стр. 246.

⁵ См.: А. Ф. Манаенкова. Указ. соч., стр. 199.

У существительного путь в родительном падеже в говоре преобладает флексия -и: пути н'а будът', приятнѣъ пути. Существительное путь имеет флексии 2-го типа склонения во многих южновеликорусских говорах¹.

В значении обстоятельства в красночикийском говоре выступает форма па путе: па путе уш таш:шт ус'о узбу (заодно).

Множественное число

В изучаемом говоре во множественном числе отмечена более широкая, чем в литературном языке, унификация флексий всех родов имен существительных. Широкое обобщение падежных форм безотносительно к грамматическому роду позволяет проводить описание форм множественного числа без дифференциации по типам склонения.

Именительный падеж

В именительном падеже множественного числа существительных мужского рода на твердый и отвердевший согласный флексия -ы (после заднеязычных согласных -и), которая исторически восходит к древнерусской форме винительного падежа того же типа склонения, получила в говоре более широкое распространение, чем в литературном языке.

Флексия -ы распространяется в основном на те слова, которые в литературном языке выступают только с флексией -а в ударном положении: масл'уки, дружн'акі, дамы, листы (у картофеля); в безударном: глаза, боки, хаз'айны, цыпл'аты, дровы, дома, роги, пырыс'аты, кол':и. Встречается перенос ударения с основы на окончание: гвазди, угли, камни, два дни.

Наблюдается совпадение с нормой литературного языка у таких существительных, как вунт'и, йетажы, плыт'ажы, рушникі, скывародники, начал'ники, чарочки, халсты, грешнити, правьднити, адгарот'и, рызгаворы, зарыбытки, ухваты, калхозы, был'шыв'акі, налоги.

Параллельно с рассмотренными формами имени существительные мужского рода имеют в именительном падеже флексию -а, которая в красночикийском говоре распространена несколько шире, чем в литературном языке.

Флексия -а отмечается в тех словах, которые и в литературном языке имеют эту флексию, а также в именах, в которых нормами литературного языка допускается параллельное употребление флексии -а, -ы (-и), и, наконец, в словах, которые в литературном языке

¹ См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., вып. I, стр. 5.

употребляются только с флексиями -н (-и): дама, дыхтара, гырыда, жымчуга, хылыда, луга, стага, гада (аны лихийа гада чыжало дасталис л'уду), трьктыра, зыпына, выльса, мыныстыр'а, ахвицара, йункура, к'одра, льякар'а.

Параллельное употребление флексий -н и -а при господствующем положении последней отмечено и в говорах Курско-Орловской группы¹.

Параллельное употребление форм имен существительных мужского рода именительного падежа множественного числа на -н, -и, -а, -я полстолетия назад зафиксировано А. М. Селищевым².

В говоре ветковских сел у имен существительных мужского рода доминируют формы на -н, которые имеют более широкую, чем в литературном языке, сферу распространения, охватывая слова, выступающие в языке только с флексией -а. Флексия -н, в отличие от литературного языка, может выступать не только в ударном положении: гадн, дамн, л'асн, стагн, масл'уки, чатыри л'итры и т. д., но и без ударения: кылаколы звон'ут, глаза, роги, дровы, пырс'аты и пр. Иногда форма именительного падежа на -н, -и у существительных мужского рода отличаются от соответствующих форм в литературном языке лишь передвинутым на флексию ударением: каршуны, гадн, планты, старцы, абручи, грузды, чугунокн, д'атлы, ласн (лосн), званн (как у нашый дър'авушки званн гудут), кур'анн.

Как в ветковском, так и краснотичкойском говоре зафиксированы формы карчи (корч - пень), сьрники (ветк.) - сьрники (кр.-чик. - спички), кур'анн, хлапцы.

В обоих говорах существительные мужского рода суффиксом -ин принимают флексию -н вместо -е: байарн, хр'аст'ианн.

Формы на -а, исторически восходящие, по традиционной точке зрения, к именительно-винительному двойственного числа³, крайне редки в говоре изученных нами ветковских сел: абраза, выгара, карма, л'аса. Возможно, здесь сказывается влияние говоров белорусского языка, для которого формы на -а были долго неизвестны⁴. Но исследования последних лет по диалектологии белорусского языка

¹ См.: Г. В. Денисевич. Особенности склонения существительных в южновеликорусских говорах, их влияние на речь учащихся. - "Учен. зап. Курского пед. ин-та", вып. 17. Курск, 1963, стр. 78.

² А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы ..., стр. 58.

³ См.: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 217-221.

⁴ См.: Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 63; З. Макарова. Восточносмоленские говоры в их истории и современном состоянии. Автореф. канд. дис. М., 1954, стр. 7.

говорят о росте продуктивности форм на -а¹, очевидно, под влиянием соседних южновеликорусских говоров, где обычно наблюдается параллельное употребление флексий -ы и -а.

Некоторые имена существительные мужского рода в краснотичкойском говоре образуют именительный падеж множественного числа от основы, отличной от основы ед. числа, путем прибавления суффикса й (йот) к основе множественного числа и флексии -а как ударенной, так и безударной. В литературном языке такое окончание, которому предшествует элемент й, также возможно, но лишь в небольшом количестве случаев, в изучаемом же говоре сфера употребления таких форм значительно расширена: муж'йа́, бра́т'йа, з'ат'йа́, зу́о'йа, суч'йа, ласкут'йа, чир'йа, карен'йа, камен'йа, бидон'йа, кол'йа.

Сочетания зубных согласных с й в изучаемом говоре иногда сохраняются, но чаще наблюдается ассимилированное удвоение мягких губных согласных: брат':а, бидон':а, угал':а, карен':а, камен':а, стул':а. Эти формы служат в основном для обозначения числа предметов, представленных в большом количестве (каменья, колья и т. д.). Они достаточно древние в русском языке: зафиксированы еще в Ипатьевской летописи 1142 года. Источником рассматриваемых форм явились распространенные в древнерусском языке собирательные существительные женского рода типа братия, а также собирательные существительные среднего рода с безударным окончанием типа кол². С утратой значения собирательности они стали осознаваться как обычные формы множественного числа. В них произошли и фонетические изменения: редуцированные и в слабой позиции после падения редуцированных гласных оставил после себя ъ, а в словах на -ие конечное безударное -е в условиях аканья редуцировалось и стало звучать как а³.

Встречаются формы на -ья и в говоре сел ветковских старообрядцев: качан':а, пер':а, паут':а и другие. В сравнении с краснотичкойским говором такие формы здесь все же редки, что объясняется, очевидно, влиянием говоров белорусского языка, в которых у имен существительных мужского рода доминируют формы на -ы.

В краснотичкойском говоре функционируют две формы именительного падежа множественного числа от слова сын - сыны и сыновья: сыны были на службы, сыны бы пымагли хуч' как, сыны как у белых были, так и асталис; сынав'йа вывугилис. Форма сыновья, развившаяся исторически под влиянием форм на -ья из старой древнерус-

¹ См.: Т. С. И н к о в а. Говоры Доевского района Гомельской области. Автореф. канд. дис. М., 1955, стр. 12.

² См.: В. И. Б о р к о в с к и й, П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка, стр. 214.

³ См.: В. И. С о б и н н и к о в а. Лекции по исторической грамматике русского языка. Воронеж, 1937, стр. 104.

ской формы синоне, встречается в говоре спорадически, несмотря на то, что окружающее сибирское население употребляет эту форму последовательно. В говоре ветковских старообрядцев наблюдается преимущественное употребление формы сыны.

Имена существительные с суффиксом единственного числа -енок во множественном приобретают суффикс -ат и употребляются в красночичкойском говоре в основном с флексией -н: двайн'аты, р'аб'аты, казл'аты, цыпл'аты, кытън'аты, кышан'аты. Формы на -а (казл'ата) встречаются значительно реже.

Имена существительные мужского рода с суффиксами -ин, -анин, -янин при образовании формы множественного числа теряют суффикс единичности -ин. Все они употребляются с безударной флексией -и (иногда -н), исторически восходящей к флексии -е имен существительных старой основы на согласный¹. Обозначают такие существительные совокупность людей по месту или общественному признаку. Появление безударной флексии -и в этих формах А. А. Шахматов объясняет аналогичным воздействием форм на и на имена старой основы на согласный, которые очень рано стали принимать окончания, свойственные основам на и².

С развитием этих форм в результате фонетического процесса (е > е^и > и) в слогe не под ударением писал А. А. Никольский³.

Возможно, что флексия -и - это результат изменения -е закрытого, склонного к е^и в безударном положении, поддержанного действием морфологической аналогии, источником которой послужили имена старой основы на -и: мылдываны, арм'аны, граждане, англичань, байарь.

Иногда на месте безударного и выступает 'а: хрис'йан'а, цыган'а, чикайан'а. Подобные формы отмечены А. М. Селищевым в говоре верхнеудинских семейских⁴. Формы с безударной флексией -и (-а) отмечены в орловских говорах⁵. В говоре ветковских русских сел эти формы имеют флексию -и (-н), мылдаваны, байарь, христ'йань,

¹ См.: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 212.

² См.: А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка, стр. 275-276.

³ См.: А. А. Никольский. О языке Ипатской летописи. Оттиск из РФВ. Варшава, 1899, стр. 30.

⁴ См.: А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы ..., стр. 58.

⁵ С. И. Котков. К изучению орловских говоров ..., стр. 101.

прижадань. Формы на -и характерны для многих говоров белорусского языка¹.

Специфику краснотичкойского говора в данном случае составляет параллельное употребление флексий -ы (-и) и -а (-я) в формах именительного падежа множественного числа существительных среднего рода.

Флексия -а (-я) для существительных среднего рода является исконной, флексия же -ы (-и) появилась благодаря аналогии с флексиями именительного падежа мужского и женского родов в процессе сближения и объединения различных типов склонения². Это явление сопровождается частичным разрушением категории среднего рода, так как колебания в роде, сопутствующие переходу существительных среднего рода в категорию женского или мужского, ускоряли процесс усвоения флексий мужского или женского рода. Немаловажную роль играет при этом также то, что флексия -ы распространяется на существительные среднего рода с заударным окончанием.

Зачастую эти параллельные флексии сосуществуют в говоре: с'ола - с'олы, в'одра - в'одры, балоц'а - балоц'ы, пис'ма - пис'мы, бр'овна - бр'овны, гн'озда - гн'озды, гумна - гумны, ст'огна - ст'огны. Но под ударением в говоре всегда употребляется флексия -а (-я): м'аста, пал'а, мап'а. В орловских говорах также отмечено параллельное употребление флексий -ы (-и) и -а (-я)³.

Иногда в изучаемом говоре у существительных среднего рода с окончанием -я в именительном падеже множественного числа последнему предшествует элемент й: нываден'й:а, карыт'йа, кал'ос'йа, ахвост'йа, атреп'йа. Сочетание согласного с й дает двойной мягкий согласный: пап'орла нываден':а карыт':а, усе атреп':а, тыи гада ахвост':а пылучали.

В орловских и ветковских говорах подобные формы не отмечены. Возможно, что в говоре забайкальских семейских они появились под влиянием окружающих сибирских говоров⁴.

В говоре ветковских старообрядцев получили широкое распростра-

¹ П. А. Ра ст о р г у е в. Белорусская речь в ее современном и прошлом состоянии. Курс белорусоведения. М., 1918-1920, стр. 225.

² См.: В. И. Б о р к о в с к и й, П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка, стр. 214-215; А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка, стр. 210-211; С. П. О б н о р с к и й. Указ. соч., вып. 2. Л., 1927, стр. 109.

³ С. И. К о т к о в. К изучению орловских говоров, стр. 97-98.

⁴ Формы типа аз'ор'йа, туйас'йа зафиксированы А. М. Селищевым в говоре сибиряков; в семейских же говорах он подобных форм не отмечал. См.: А. М. С е л и щ е в. Диалектологический очерк Сибири, стр. 83.

нение формы среднего рода на -н: блуды пир'амен: ни, судны ган'али, кол'цы зылатни, на палотны чыстыи л'он, леты халодныи стали и пр. Встречены здесь также формы на -а с оттянутым на флексию ударением: балата, д'рива, чудиса. Широкое распространение флексии -н в ветковском говоре объясняется, по-видимому, влиянием окружающих белорусских говоров, для которых эти формы обычны¹.

Можно предположить в связи с этим, что в момент приезда семейских в Забайкалье флексия -н была доминирующей в их говоре, так как полстолетия назад А. М. Селищев отмечал: "Форма им. мн. ч. для среднего рода при неударенности последнего слога оканчивается на -н, как в муж. р. сукны, тил'аты, окны, дышлы"².

Имена существительные женского рода в красночикоийском говоре в именительном падеже множественного числа имеют в основном те же флексии, что и в литературном языке: горы, зори, росы, травы, накипни (иной на замерзшем железистом ключе), ал'ануси, из'убориси, м'адв'ажыцы, казы.

Некоторые имена существительные имеют здесь ударенную флексию -а (-я), чаще всего это существительные 3-го типа склонения, перешедшие во 2-ой тип, и частично - существительные мягкой разновидности 1-го типа склонения: част'а, д'равн'а, шал'а, ст'ап'а, пад'а, лышад'а.

Встретилась здесь форма травина в значении именительного падежа множественного числа: травина растут' кругом.

Иногда форма женского рода именительного падежа множественного числа на -а имеет предшествующий й: жыл'яа т'анут'так, што... Форма на -а(-я) имен существительных 3-го типа склонения отмечена в спорадическом употреблении в орловских говорах³.

Наличие флексии -а у существительных мужского и женского родов свидетельствует о тенденции к утрате родовых различий во множественном числе.

В ветковском говоре также отмечены формы именительного падежа множественного числа на -я у существительных женского рода 3-го типа склонения: царкв'а, жард'а, ськт'арт'а. Обнаружена форма с ударным -и: кары сил'ни: той бор'у зыграничн'и был.

¹ См.: Т. М. Томтев. Указ. соч., стр. 63; "Дыялекталагічны атлас Беларускай мовы", карты 97, 98.

² А. М. Селищев. Диалектологический очерк..., стр. 84; его же. Забайкальские старославянцы..., стр. 58.

³ С. И. Козлов. К изучению орловских говоров, стр. 7-98.

Широкое распространение флексии -ов у существительных мужского рода множественного числа родительного падежа отмечал в забайкальском семейском говоре А. М. Селищев¹.

В современном красночикойском говоре флексия -ов, -ев (-оф, -оу, -иф) имеет также широкую сферу распространения, охватывая круг слов, где по нормам литературного языка должна быть другая флексия: плаш:оу, тывариш:ъу, гадоу, братоу, стыражоу, жытьльф, мадведъу, бр'ухъу, (у м'ане, девът'бр'ухъу было).

Иногда отличие существительных мужского рода с флексией -оф от соответствующих существительных в литературном языке состоит в передвижке ударения (чаще всего с основы на окончание): пал'цоу, ахвицароу; внукоу, зыпаноу, мьсацоу.

Употребление флексии -ов может и совпадать с нормами литературного языка: кызакоу, кыбаноу, д'ан'коу, хлыстоу.

По своему происхождению флексия -ов - окончание родительного падежа множественного числа старой основы на -й, появившейся в парадигме склонения с основой на -о, благодаря взаимодействию обеих основ по причине совпадения именительного и винительного падежей единственного числа, вызвавшего колебания между формами того и другого склонения для одних и тех же существительных и в других падежах и числах².

Эти формы отмечены в курских³ и орловских⁴ говорах.

С. И. Котков считает флексии -ов, -ев наносным, неисконным явлением в орловских говорах⁵.

Такую же точку зрения высказывает С. П. Обнорский⁶, утверждая, что черта эта не характерна для южновеликорусских говоров, а характеризует более говоры северновеликорусские, а также переходные и смешанные. К смешанным говорам С. П. Обнорский относит семейские говоры Сибири, где и наличествует эта языковая черта.

Флексия -ов, ев, преобладающая над другими флексиями роди-

¹ См.: А. М. С е л и щ е в. Забайкальские старообрядцы ..., стр. 58.

² См.: В. И. Б о р к о в с к и й, П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка, стр. 199.

³ См.: Г. В. Д е н и с е в и ч. Особенности склонения существительных в южновеликорусских говорах..., стр. 79; Е. И. Р е з а н о в а. Указ. соч., стр. 246.

⁴ С. И. К о т к о в. К изучению орловских говоров, стр. 168.

⁵ См.: т а м ж е.

⁶ См.: С. П. О б н о р с к и й. Указ. соч., вып. 2, стр. 232.

тельного падежа (благодаря стремлению избежать синонимии форм: нулевая флексия присуща одновременно именительному и винительному падежам единственного и родительному множественного числа), охватывает только часть говоров южновеликорусского наречия: "Лишь в части говоров (южновеликорусских, белорусских) окончание -ов охватывает едва ли не все существительные"¹. Очевидно, эти формы, доминирующие в говорах белорусского языка², распространяются на соседние южновеликорусские области как варианты других флексий родительного падежа множественного числа.

В изучаемом говоре формы родительного падежа на -ов (-ев) появились, вероятно, благодаря былому контактированию с белорусскими говорами. В Забайкалье же дальнейшему становлению этой формы способствовало ее широкое распространение в говорах окружающих сибирских сел, о чем свидетельствуют наблюдения А. М. Селищева³.

Флексии -ов, -ев (-оф, -ох, -ѣф, -ѣх, -еф) широко распространена в ветковском говоре: вѣт'анарѣу, пр'анькѣу, хаз'анѣф, у немѣф, гадоу, радоу (роды радоу разбирают - при сватовстве), часоу, плугбу, хлапцоу, брыж:оу; ъларусоу, прѣ кысманаутѣх, у бытракох, у лапѣх, да ста'намироф умеит'ш:атат. Широкое распространение флексии -ов и ее вариантов объясняется непосредственным контактом ветковского русского говора с окружающими белорусскими.

Ряд существительных мужского рода твердой разновидности склонения сохраняет в краснотойском говоре старую форму родительного падежа множественного числа с нулевой флексией. Сюда относятся прежде всего имена существительные мужского рода, наиболее часто употребляемые в сочетании с числительными или со словами много, мало, сколько, несколько, существительные, обозначающие парные предметы, а также существительные с суффиксом множественного числа -ат: сем' аршин, скол'кѣ рас, многа валос, малѣ чѣла-вѣк, листвѣн'у сем'апхвѣт; раб'ат, т'ал'ат.

Формы с нулевой флексией охватывают также имена, сравнительно недавно вошедшие в активный словарь носителей говора; шашна-ц:ат г'актар, двести грам; с нулевой флексией употребляются имена существительные человек, гражданин: п'ат'чѣла-вѣк, многа граж-дын. Отмечено параллельное употребление форм родительного падежа

¹ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 212.

² См.: П. А. Расторгуев. Северско-белорусский говор. Л., 1927, стр. 84-85, е го же. Говоры восточных уездов Гомельской губ. в их современном состоянии. Минск, 1927, стр. 14.

³ См.: А. М. Селищев. диалектологический очерк ..., стр. 84.

партизан и партизанов: тады мно́га пыртиза́н пыл'агло; у пырт' -азаньу какойа аружы́а было: адны бьрдан'ошки. Сфера распространения флексии -ов (-ев) в изучаемом говоре намного шире, чем у нулевой флексии. Преобладающее количество форм на -ов, -ев отмечал еще 50 лет назад А. М. Селищев: "В формах род. мн. широко распространено окончание -ов (-о): дурако́в, дамо́в, вазо́в, радитил'о́в, свидетиле́в, пал'о́в. Но для имен на -ты (риб'а́ты, тил'а́ты) форма род. мн.: риб'а́т, тил'а́т...¹". Как видно, за прошедшие полстолетия положение флексии -ов (-ев) как доминанты в говоре не поколеблено.

В говорах Курско-Орловской группы также наблюдается при ограниченном употреблении форм с нулевой флексией широкое распространение флексии -ов, -ев.

В говоре ветковских старообрядцев формы с нулевой флексией редки: крист'я́н, дро́у, т'а́ла́т, гакта́р, гра́м, гла́с.

В краснотичкойском говоре отмечена архаическая форма д'он: п'ат д'он прашло. В орловских говорах эта форма тоже весьма употребительна², что противоречит мнению С. П. Обнорского о бытовании ее преимущественно в северновеликорусских говорах⁴.

Имена существительные мужского рода с основой на мягкой согласный или шипящий, имеющие в именительном падеже единственного числа нулевую флексию, в родительном множественного оканчиваются на -ей, как и в литературном языке. По происхождению -ей - флексия родительного падежа старой основы на -і, распространившаяся и на другие типы основ. Примеры: рублей, гваздей, карчей, кл'учей, лаптей, з'убрей, дней, выраб'ией, муравлей, мурашей; сюда же можно отнести имена существительные, имеющие в именительном падеже множественного числа форму на -ья с ударным окончанием: з'ат'авией, братав'ией.

Сфера употребления флексии -ей в настоящее время расширяется за счет ее распространения на те существительные мужского рода, которые в литературном языке имеют окончание -ев: выраб'ией, сылав'ией, братав'ией (выраб'ией стр'ал'ал наш старик).

Спорадически встречается в говоре форма коний: коний наших пабили; иногда конечный й редуцируется в потоке речи: кони пустим у речку - нырушен':а границы. По аналогии флексия -ии распростра-

¹ А. М. С е л и щ е в. Забайкальские старообрядцы ... стр. 58.

² См.: С. И. К о т к о в. К изучению орловских говоров, стр. 104-105.

³ См.: т а м ж е, стр. 109.

⁴ См.: С. П. О б н о р с к и й. Указ. соч., вып. 2, стр. 292.

няется на существительное зверь; как зверий стр'ал'ал рыс:каж', а также — на существительное шавяк (назем): шав'ачий.

А. М. Селищевым зафиксирована форма родительного множественного на —ей от слова комарь: камарей¹.

В сочетании два раза наблюдается параллельное употребление форм рас и раза: два раза, два рас; н'а рас н'а были. А. М. Селищев отмечал только формы без —а (два рас), соотнося этот факт с подобным же явлением в говоре сибиряков². В красночикийском говоре нами отмечены сочетания два дни, три рубли.

В говоре ветковцев также встречается флексия —ей у имен существительных мужского рода родительного падежа множественного числа с основой на мягкий согласный или шипящий: с'ами пл'атней; кур'аней н'а строим т'апер — йета плахайа хата, сабылей н'а л'уб'ут; карчей, курчей (курец — петля у лаптя, в которую вдевается оборка).

Здесь чаще, чем в красночикийском говоре, употребляется форма на —ий типа коний: пастил коний, паласа у нескал'ка палтретий (полтреть — единица измерения; четвертина — половина полтрети, осьмина — половина четвертины).

В ветковском говоре отмечены своеобразные сочетания числительных два, три, четыре с существительными мужского рода, имеющими основу на мягкий или шипящий согласный: три рубли, чатыри дней.

Спорадическое употребление флексии —ий (коний) в ветковском и красночикийском говорах, возможно, белорусско-украинского происхождения (эти формы последовательно употребляются в юго-западных говорах украинского языка — в закарпатских говорах³, у галечких ламков⁴, в белорусских говорах эти формы единичны).

Имена существительные среднего рода твердой разновидности склонения, которые в литературном языке употребляются с нулевой флексией, в красночикийском говоре имеют флексию —ов (и ее различные фонетические разновидности: —аф, —оф, —ъф, —оу, —ах, —ау): д'алоу, славоф, пькрывальф, паленьф, бр'ухьф, кал'осьф, им'аноу, правоф, за усех м'астах. Подобные формы (кан'ов, аз'орав, пал'ов) отмечены А. М. Селищевым в говоре верхнеудинских старообрядцев⁵.

¹ А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы..., стр. 58.

² Там же.

³ См.: Панькевич, Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей, ч. I. Прага, 1938, стр. 204, 228.

⁴ См.: Верхратський. Про говор галицьких лемків. Львів, 1902, стр. 121—122.

⁵ А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы..., стр. 58.

Наблюдается параллельное употребление существительных среднего рода с нулевой флексией (в основном это существительные в сочетании с числительными и со словами много, мало, сколько): мно́га войск, ско́л'ка д'ар'оф, мно́га крыле́ц, п'ат аз'о́р, сто ле́т, ско́л' мест.

В говорах Курско-Орловской группы также наблюдается параллельное употребление этих форм¹.

В говоре ветковских старообрядцев тоже представлены имена существительные среднего рода с флексией -оф: с'олаф мно́га, н'каких им'аноу у нас н'а бы́ло, м'астоф, ази́роф. Параллельно употребляются нулевые флексии: в'ад'ор, д'ароф, дел, аз'ор.

Имена существительные среднего рода мягкой разновидности склонения употребляются в краснотичковском говоре с флексией -ей: ма-рей, палей, с пл'ачей, д'атей. В ветковском говоре наблюдается аналогичное явление: пл'ачей, пал'ей и пр.

Имена существительные женского рода 3-го и частично 1-го типов склонения мягкой разновидности употребляются в родительном падеже с флексией -ей, которая для имен существительных 3-го типа склонения является исконной по происхождению. У имен же на -а, -я она появилась под аналогическим воздействием со стороны старых основ на -і в результате общего процесса взаимодействия и дальнейшей унификации различных типов склонения. Примеры: ку́рей, сви́н:ей, лы́шадей, мы́шей, гра́ней (з'арно р'аслы́: шэ́ст' гра́ней нали́л). Подобные формы отмечены также нами в ветковском говоре: ку́рей, час-тей, ша́рстей (тапе́р' та́ких ша́рстей нет у магази́нах).

Часть имен существительных 1-го типа склонения под воздействием имен существительных мужского рода приобрела окончание -ов, не свойственное существительным женского рода в литературном языке. Флексия -ов выступает в фонетических разновидностях, свойственных говорам (-аф, -ѡф, ѡу, -ах, -ѡх). Например, краснотичк. рыспахо́нѡф, награ́дѡф, кыла урнѡф, ва усѣх мыладу́хѡх, во́шкѡх пыш:у́-ка; ветковск. у мене ко́зѡу н'а о́нло; н'а луо́лу урнѡу. Эти формы имеют широкую сферу распространения в орловских и курских говорах².

Необходимо отметить, что в говоре ветковцев распространение этих форм сдерживается влиянием окружающих белорусских говоров, где флексия -ов не является основной, хотя и проникает в литературный язык³.

¹ См.: С. И. Котков. К изучению орловских говоров, стр. III-III4; Г. В. Денисович. Особенности склонения существительных в южновеликорусских говорах..., стр. 79.

² См.: Г. В. Денисович. Особенности склонения существительных в южновеликорусских говорах..., стр. 79.

³ См.: Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 59-60; "Лингвистический атлас белорусской мовы", карта IOI.

И в ветковском, и в краснотичкоўском говорах родительный падеж множественного числа существительных женского рода может быть представлен, как и в литературном языке, нулевой флексией: краснотичок. оумах, в ар'овьк, кних, старух, кыбарох, иманух; ветковск. у пост свадып н'а гул'али, песьн н'а пайут', бан'н'а тапили пьрэт свади'бай, лисиц умнога.

В краснотичкоўском говоре отмечена словоформа дачок (дочек): куды дачок будым д'ават'? у мене шэс' дачок было. Это связано с тенденцией унификации типов склонения: существительные старой основы на -р, перешедшие в говор в белорусской (матка, дачка) огласовке¹, принимают в косвенных падежах флексии, характерные для существительных I-го типа склонения женского рода с ударным окончанием: с'астрá - с'астор, дачкá - дачок, матка - маток.

Иногда форма родительного падежа множественного числа заменяется в краснотичкоўском говоре формой именительного множественного: грыбы глаза ёст' (у грибов глаза есть?); други л'уди новикэва патопá утапила.

Дательный падеж

В дательном, творительном, предложном падежах наиболее полно сказалась тенденция к унификации различных типов склонения, проявившаяся в распространении флексий, ранее характерных лишь для склонения на -а, на существительные всех трех родов всех типов склонения. В различных говорах эта тенденция проявилась с разной степенью полноты².

И в краснотичкоўской, и в ветковском говорах существительные всех трех родов, как и в литературном языке, имеют флексию -ам (-ям): краснотичок. груздам, дамам, быкам, карчам, гуранам, к'адрам, качкам, школам, пал'ам, с'арцам; ветковск. па валнам, па пал'ам, пь бал'нищам, па л'асам.

В ветковском говоре широко употребляется форма дательного падежа множественного числа, совпадающая с предложным: па ва'нах хадили, па гарадах жыли, па бал'отах кл'у́ква раст'от, чита́йт па складах, па кустах лазийу, па чумых хатах, па дакументых ана старшы, па баньх, па суднах, па иконах. В краснотичкоўском же говоре такие формы представлены спорадически: па учител'ах, па баньх, па кырманах.

¹ См.: С. М. Грабчи́ков. Белорусско-русский словарь. М., "Народная асвета", 1970, стр. 52, 99.

² См.: В. И. Борковски́й, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 209.

Подобные конструкции являются характерной особенностью белорусского языка¹, что, видимо, содействует широкому распространению их в ветковских русских говорах.

Эти конструкции отмечены также в орловских² и курских³ говорах. Данная языковая особенность отмечалась в литературном русском языке еще в начале XIX века⁴. Возможно, что это остаток древнерусской формы, ибо в древнерусском языке конструкция, состоящая из предлога по и существительного в предложном падеже, имела широкое распространение.

В некоторых словах в красночикойском и ветковском говорах формы дательного падежа отличаются переносом места ударения с основы на флексию: дачкам, груздам, даскам и другие.

Творительный падеж

В красночикойском говоре имена существительные всех трех родов в творительном падеже имеют флексии: -ам (-ям), -ами (-ями), редко -ими. Наиболее употребительна из них флексия -ам (-ям). А. М. Селищев в свое время отмечал в говоре семейских села Десятниково преимущественное употребление формы множественного числа, оканчивающейся на -м, объясняя это тем, что половину населения здесь составляли сибиряки⁵.

За прошедшие 50 лет под влиянием окружающих сибирских говоров сфера употребления флексии -ам в красночикойском семейском говоре расширилась: с парнишкам, з грабл'ам, свин':ам, с пытрахам, пад на'рам, с п'алкам, зраста'ит ус'о й'олкам, за дв'ум с'ирмам хад'ила; свата'ют сы сватам; с эт'ым зыпанам; с рукавицам аоставил ден'ди.

Причиной обообщения флексии -ам в двух падежах (дательном и творительном) С. П. Обнорский считает судьбу категории двойственного числа, где по всем типам склонения функционировало одинаковое окончание для этих падежей во множественном числе -ма. С утратой двойственного числа постоянство, сходство окончаний его дательного и творительного падежей закрепилось за категорией мно-

¹ См.: Е. Ф. Карский. Белорусы, стр. 190-191.

² См.: Васьянов. Курское наречие. - "Очерки России, изд. В. Пассека", кн. 4. М., 1840, стр. 17.

³ См.: Е. Ф. Будде. О говорах Тульской и Орловской губ. - "Со. ОРИС", т. 76. СПб., 1904, стр. 86.

⁴ См.: Л. А. Булаховский. Русский литературный язык I половины 19 века. М., Учпедгиз, 1954, стр. 365.

⁵ См.: А. М. Селищев. Диалектологический очерк..., стр.

жественного числа¹. Этому могла содействовать также и редукция безударных конечных гласных.

Формы творительного падежа множественного числа в орловских говорах "начисто отсутствуют"².

В говоре ветковских старообрядцев нами отмечено всего два случая употребления этих форм с -м: трём тр'апалкам; шапка бусьчкам.

В краснотичкойском говоре параллельно с флексией -ам функционирует флексия, характерная для литературного языка: лыпатами, грабл'ами, с'арпами, палками, вилами.

После мягких согласных в творительном падеже множественного числа sporadически встречается безударная флексия -ими: нитками, граблями, сем'ими.

В ветковском говоре, по нашим наблюдениям, доминируют флексии, характерные для литературного языка: -ами, -ями, (-ьми - в безударном положении после твердых согласных). Флексии -ами, -ями, исконные для имен бывшей основы на -а, -я, появились в других типах основ благодаря тенденции к унификации различных типов склонения. Примеры: с л'уд'ами н'а пагавориш; кал'цами н'а абручайут'; грива - вазвышён':а между балотами; в'аш:ами дарили, на свад'бы, хлапцами были, багатни давали тыс'ачи за дачир'ами; прастинами застилали.

"Окончание, характерное для литературного языка, мы находим во всех южных говорах", - утверждает П. С. Кузнецов³. Доминирующее положение флексии -ами в системе флексий творительного падежа всех трех родов в ветковском говоре, южновеликорусском в своей основе, подтверждает это положение.

Иногда после мягких согласных в ветковском говоре встречается в творительном падеже безударная флексия -ими: галаву убирали грёними; умывал'ник той з двум'а носикими: оудут л'убит' кол':ими.

Причиной происхождения этих форм С. П. Обнорский считает аналогичное воздействие со стороны творительного падежа множественного числа местоименного типа склонения⁴. Предпосылкой для осуществления аналогии с прилагательными послужила редукция гласного а в заударном положении, свойственная акающему вокализму.

¹ См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., вып. 2.

² С. И. Котков. К изучению орловских говоров., стр. 125; Е. И. Резанова. Указ. соч., стр. 203.

³ П. С. Кузнецов. Русская диалектология. М., Учпедгиз. 1954, стр. 348.

⁴ См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., вып. 2, стр. 348.

Предположение такого рода высказывают также Р. И. Аванесов и другие исследователи¹.

Нами зафиксированы единичные случаи употребления существительных 3-го типа склонения с исконной основой на -ьми: чуланы были з дв'ар'ми; слиз'ми умойус'а.

Флексии -ими, -ми характерны для многих говоров юго-восточной диалектной зоны южного наречия².

Параллельное употребление флексий -ми и -ями наблюдается в орловских говорах³. Широко представлены формы на -ми в белорусском языке⁴.

Предложный падеж

Имена существительные всех трех родов в предложном падеже множественного числа имеют флексии, характерные для литературного языка: -ах, -ях. Эти флексии употребляются в краснотичкойском и ветковском говорах в абсолютном большинстве случаев: краснотичк. у тр'ох с'ам'йах жыла, у халатах тол'ка м'ал'кайут', ны карт'ощкак прыиграл, буду старайа в ейных гадах; ветковск. на кладбиш:ах, на л'асах, у кур'ан'ах, у стапах, у нивах на пн'ах.

Расхождение с литературным языком в употреблении форм предложного падежа множественного числа и в ветковском и в краснотичкойском говорах наблюдается главным образом в переносе ударения с основы на флексию или, наоборот, с флексии на основу: краснотичк. у с'а м'йах, у краснах, на коньх; ветковск. нь кал'асах, у д'ареун'ах.

И в ветковском, и в краснотичкойском говорах в заударном положении sporadически употребляется флексия -их: на коньх, в кал'ас'их, в д'ареун'их. Подобные формы характерны для украинского языка особенно северновосточных и некоторых центральных районов Украины⁵.

В краснотичкойском говоре встречены формы на -ей: ап чужых

¹ См.: Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии рязанской мещеры. - "Материалы и исследования по русской диалектологии", т. 17. М., 1949, стр. 213; Л. Э. Калнынь. К истории коломенских говоров. - "Тр. Ин-та языкознания АН СССР", т. VII. М., 1957, стр. 33.

² См.: "Русская диалектология". Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., "Наука", 1964, стр. 262.

³ См.: С. И. Котков. К изучению орловских говоров..., стр. 123-124.

⁴ См.: Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 54-65.

⁵ См.: Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955, стр. 87-95.

гостей охаиш; на трайх каней поль успашы; ус'о аб л'удей думайт'.

Таким образом, исследованная нами система именного склонения свидетельствует о принадлежности семейского говора к южновеликорусскому наречию, на что указывают формы родительного падежа множественного числа на -е, -и существительных I-го склонения (с работи, у с'астре); безударная флексия -ы у существительных среднего рода с твердой основой в форме именительного падежа множественного числа (окны, йайсы); окончание -ы в именительном падеже множественного числа у существительных на -онок (цыц'аты, шырс'аты).

Для именного склонения краснотойского говора характерны черты, подтверждающие былое влияние белорусского языка, а именно преобладание форм на -ои (-ей) в творительном падеже единственного числа существительных I-го склонения (з жаной, з в'амл'ой, з гарой, з даской, с р'акой); флексии -ы, -и у существительных мужского рода и именительного падежа множественного числа (домы, глаза, рукавы).

Краснотойский переселенческий говор воспринял также некоторые диалектные особенности, характерные для окружающих севернорусских говоров сибиряков. Сюда относится прежде всего широко распространенное в изучаемом говоре окончание творительного падежа множественного числа -ам, -ям для существительных всех трех родов (с парнйшкам, с част'ам, з дамам, с пал'ам, с матир'ам, с пастел'ам). Окончание -ам, -ям составляет отличительную черту северновеликорусских говоров. В исходных южновеликорусских говорах она не отмечена.

Под влиянием северновеликорусских сибирских говоров имена существительные среднего рода заменяются в большинстве случаев существительными мужского рода (бал'шой, крыл'со, чистый акно, белый лисо).

В исходных южновеликорусских говорах частичное разрушение категории среднего рода сопровождается заменой его через доминанту женского рода.

Таким образом, краснотойский южновеликорусский говор, испытавший на себе влияние окружающих севернорусских сибирских говоров, а также впитавший в себя особенности говоров белорусского языка, характеризуется на настоящем этапе своего развития пестротой падежных форм, частичным разрушением категории среднего рода, хотя усиливающееся воздействие норм литературного языка сдерживает процесс перехода существительных среднего рода в категорию мужского и женского родов, а также способствует унификации парадигм склонения существительных.

ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В РОМАНЕ
И. КАЛАШНИКОВА "РАЗРЫВ-ТРАВА"

Говоры русского населения Забайкалья, берущие свое начало из разных диалектных основ, но претерпевшие изменение, как следует не исследованы. Среди них значительный интерес представляет говор семейских. Как известно, семейские (старообрядцы) – выходцы из южных губерний России – были одними из ранних русских поселенцев Забайкалья. По наблюдениям проф. А. М. Селищева¹ и других исследователей, это южновеликорусский говор, испытавший значительное влияние окружающих сибирских говоров, особенно северновеликорусского наречия. Кроме того, в лексике говора сказалось в какой-то мере влияние языка аборигенов края – бурят, эвенков².

Эта группа русского старожилого населения Забайкалья, в прошлом жившая во многом обособленной, замкнутой жизнью и сохранившая до наших дней своеобразие в материальной и духовной культуре, издавна привлекает внимание сибирских писателей³. Жизнь старообрядческого крестьянства послеоктябрьского периода отражена в романе И. Калашникова "Разрыв-трава"⁴, отмеченном в 1970 году республиканской премией.

¹ См.: А. М. С е л и щ е в. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920.

² См.: Л. Е. Э л и а с о в. Бурятские и эвенкийские заимствования в языке русского старожилого населения Забайкалья. – "Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху". Улан-Удэ, 1965, стр. 86-103; Ц. Б. Б у д а е в, П. Ф. К а л а ш н и к о в. О некоторых русских заимствованиях в бурятском языке дореволюционного периода. – "К изучению бурятского языка". Улан-Удэ, 1969, стр. 149.

³ См.: И. К а л а ш н и к о в. Последнее отступление. Улан-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1961; И. Ч е р н е в. Семейщина. Новосибирск, 1965; Е. К у р е н н о й. Осенняя сухмень. Иркутск, 1970 и другие.

⁴ И. К а л а ш н и к о в. Разрыв-трава. Улан-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1970.

Роман охватывает события с конца 20-х годов до послевоенного времени. Завершилась гражданская война, но битва за новую жизнь в далекой забайкальской деревне Тайшихе продолжается. Нелегко изменить веками сложившиеся устои патриархальщины. Новое утверждалось в этой старообрядческой деревне, встречая яростное сопротивление ревнителей "истинной" веры и кулаков. И. Калашников реалистически точно передает перелом в умонастроении, психологии старообрядческого крестьянства, создает впечатляющие картины народной жизни, в которых отразилось своеобразие духовной жизни, быта, языка семейских.

Одним из художественно-изобразительных средств романа является широкое использование автором диалектной лексики, что стилистически вполне оправдано. Диалектная лексика органически вплетается в ткань произведения, является средством этнографического описания. Писатель использует диалектизмы и как средство создания речевой характеристики.

Резко отличается от языка местных жителей Тайшихи язык председателя колхоза Павла Рымарева, человека приезжего. Для речи Рымарева характерно употребление вводных слов, развернутых фраз, в ней полностью отсутствуют диалектные слова и выражения. Например: "Вы, очевидно, недалеко ушли от этого уважаемого товарища"; "Товарищи пришли, собственно, ко мне, но поскольку вопрос, поднятый ими, во-первых, очень сложный, во-вторых, касается действий советской власти, я решил, что будет лучше..." и т. п. Создается речевой контраст между отмеченной безликостью книжностью речью Рымарева и меткой, живой, насыщенной диалектными словами и выражениями речью жителей старообрядческой деревни. Наиболее характерные особенности говора, переданные в речи старообрядцев, приводятся ниже в разгруппированном по языковым уровням виде.

Фонетические диалектизмы, встречающиеся в романе, дают представление читателю об особенностях произношения семейских. Так передается присущее семейскому говору "чоканье" ("чо" вместо "что"). Встречаются в речи персонажей и такие фонетические явления, как: а) эпентеза [д] между длительными согласными: ндравится, вострый (гласный о в начале слова обычно прикрыт протетическим в, характерным для говора семейских)¹; б) лабиализация редуцированного гласного под влиянием соседнего губного согласного: чумбур, сумление, купиратив - явление, также характерное для семейского говора²; в) метатеза: патрет (вместо портрет); г) про-

¹ См.: А. М. С е л и щ е в. Указ. соч., стр. 51.

² См.: т а м ж е, стр. 49.

изношение *j* перед гласными переднего ряда на месте *г* или *у*¹. Так например, персонажи романа произносят *жерой*, *жеройство* вместо *герой*, *геройство*.

В романе имеет место довольно значительное количество морфологических диалектизмов. Так, в речи персонажей часто встречается употребление формы имени существительного мужского рода родительного падежа единственного числа с флексией *-у* (*-ю*): никакого обману тут нету, никакого порядку нету, народу мало в колхозе, духу ее не выношу, без голоса останешься, одного мы с ней характеру, покою нету. Формы на *-у* (*-ю*) получили широкое распространение в говорах южного наречия². В говоре семейских, основа которого южновеликорусская, форма родительного падежа имени существительного почти всегда оканчивается на *-у*, формы на *-а* встречаются редко.

Характерной морфологической чертой речи героев романа являются и флексии *-ов*, *-ей*, у имен существительных родительного падежа множественного числа³: натворил делов, правов не имеешь, за курей и за изгальство, сколько жизней сгублено и т. д.

Средствами образования диалектных слов являются малопродуктивные в литературном языке суффиксы *-ух*: листовуха (листовой табак), голодуха, братуха, сеструха, молодуха; *-ах-*: деваха; *-ниц-*: супружница.

В говоре семейских, как и вообще в народных говорах, продуктивны притяжательные прилагательные, образованные посредством суффикса *-ин-*: Лучкина супружница, Батохина сестра, Хавроньины разговоры, батина борчатка, дочино рукоделье.

В речи персонажей романа часто встречаются частицы *-то*, *-ка*. Приведем примеры с частицей *-то*: амбар-то, дети-то, дел-то, в девках-то. Постпозитивная частица *-то* подчеркивает и выделяет слова, относящиеся к категории имен. Изредка она сочетается с глаголами: исхудал-то, радоваться-то. Постпозитивная частица *-ка*, присоединяющаяся к глаголу повелительного наклонения, придает оттенок фамильярности, смягченного приказа: Митя, беги-ка к Игнату; выдь-ка на минутку; сынок, встань-ка.

Герои романа употребляют обращение "паря", что, как известно, характерно для речи сибиряка.

¹ См.: А. М. С е л и щ е в. Указ. соч., стр. 52.

² См.: С. П. О б н о р с к и й. Именное склонение в современном русском языке. Вып. I. Л., 1927, стр. 103; Г. В. Д е н и с о в и ч. О падежных флексиях существительных на *-а* в местных говорах. - "Учен. зап. Кургского пед. ин-та", вып. 9, 1959, стр. 161.

³ См.: Г. В. З а к о в. Из наблюдений над некоторыми южно-русскими говорами. - "Учен. зап. Магаданского пед. ин-та", вып. I, 1963, стр. 95-96.

В языке действующих лиц автор передает также особенности образования предложений. Так, для присоединения определительных придаточных употребляется союзное слово "какой" вместо литературного "который": "Надо бы хлеб, какой снегом задавлей, разделить людям; Гордая семейщина... никогда на быках не ездила, при самой великой нужде не снисходила до этого, но и то сказать, ведала ли она такую нужду, какая сейчас пришла?; Власть она навроде чернильницы—непроливашки, какие есть у городских ребятишек; Мед, какой сбережешь, по справедливости всей нашей родне дели".

Значительно шире, чем фонетические, морфологические и синтаксические диалектизмы, представлены в языке романа диалектизмы лексические. Следует отметить, что лексике говоров свойственны выразительность, конкретность в обозначении понятий, эмоциональность, экспрессивность.

Многие из лексических диалектизмов, употребляющихся в языке романа, имеют экспрессивную окраску, дополнительные семантические оттенки. Так, экспрессивно-эмоциональную окраску приобретают в говоре метафорические названия, с помощью которых можно "более конкретно, ярко и точно подчеркнуть существенную особенность характеризуемого предмета, чем каким-либо прямым определением его"¹.

"Игнат с силой ударил ломом. Брехун, ботало. О жратве, да о женитьбе, других разговоров у него нету. За годы, что с ним на заработках были, надоел хуже не знаю кого..." В этой несобственно-прямой речи одного из героев романа выражено пренебрежительно-презрительное отношение к человеку, вызывающему у него неприязнь. Номинативное значение слова ботало — колокольчик, привязываемый на шею скота. Употребленное в переносном смысле, применительно к человеку, означает то же, что и "брехун".

С отрицательной стороны характеризует человека и слово варнак: "Никитка, варнак, жажнул изо всех сил". В словаре В. Даля слово варнак, снабженное пометой "сибирское", имеет значение "каторожный"². Это же значение отмечено в работах исследователей сибирских говоров. Так, в работе Н. В. Семивского "варнак — преступник, публично наказанный и клейменный"³, у Г. Пейзена: варнак — каторожный (слово бранное, назвать варнаком, значит смертельно обидеть)"⁴. В городах Сибири данное слово расширило свое

¹ Г. Л. Абрамович. Введение в литературоведение. М., "Просвещение", 1953, стр. 118.

² В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., ГИС, 1955, стр. 166.

³ "Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии". (Сост. Н. А. Цомакион). Красноярск, 1960, стр. 8.

⁴ Там же, стр. 141.

значение. В "Словаре русских старожильческих говоров средней части р. Оби" указано три значения: "1. устар. Каторожный. 2. Вор, мошенник, плут. 3. Бранное слово"¹. В романе И. Калашникова слово "варнак" использовано как бранное.

В речи действующих лиц романа встречаются диалектизмы, не обладающие повышенной экспрессией. Специфические для говора, они являются синонимами соответствующих слов литературного языка. В основном это диалектизмы южновеликорусского происхождения: бельмы (глаза), вешня (яровой хлеб), ведро (тихая, ясная погода), посул (обещание), поскотина (выгон, пастбище), харчи (пища, продовольствие). Встречаются и диалектизмы северновеликорусского происхождения: байки (сказки, побасенки), суслон (малая укладка снопов), кулема (ловушка на мелких зверей).

Автор вводит в речь персонажей много диалектизмов, обозначающих действия. Общеупотребительные в говоре они также являются экспрессивно-выразительными синонимами литературных слов. Среди них преобладают диалектизмы южновеликорусского происхождения: блюсти (сохранять в целости, беречь), подсобить (помочь), вернуться (возвращаться), ерепениться (упрямиться), кумекать (соображать), посулить (обещать). Например: "Блюдайте старину, блюдите! — он задохнулся, упал на подушку, сверкнув белками глаз"; "Да ты никак подсобить мне не хочешь?"; "А ты, Назарыч, не вертуйся"; "Какого черта ерепенишься?"; "Ты в данных вопросах не кумекаешь". Среди этой группы диалектизмов имеются и диалектизмы северновеликорусского происхождения, например, байть (говорить), джжить (терпеть), зауросить (упрямиться), оболакаяться (одеваться), робить (трудиться), хаять (осуждать, бранить, порочить): "Во-во! — подхватила Хавронья. — То же ей байла"; "Я еще удивляюсь, что ты так долго джжишь"; "Муж не лошадь, зауросит — кнутом не выправишь"; "Ну, старуха, оболакайся!"; "Что, Устюха, с нами будешь робить?"; "Твоего мужика я хаять не собираюсь".

Как видно из приведенных примеров, в лексике говора преобладают диалектизмы южновеликорусского происхождения, но наряду с ними в активном употреблении и диалектизмы северновеликорусские. Это закономерно для семейского говора, в котором смешалось два диалектных потока.

В интересующем нас романе употребляются и диалектные слова, связанные с обозначением родства, семейных отношений. Так, действующие лица романа родного брата называют браткой или братухой, сестру — сеструхой, невестку — молодухой.

¹ "Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби", т. I. Томск, 1964, стр. 60.

Встречаются в речи персонажей такие типичные для говоров Забайкалья диалектизмы, как борчатка, прясло, заплот, зимовье. В "Словаре русских говоров Среднего Урала" слово борчатка толкуется как "шуба из овчины, присобранная по талии, иногда, с большими бортами, обшитыми мехом"¹. Слова прясло, заплот являются синонимами литературного слова "забор". Слово заплот с этим значением было отмечено в свое время проф. А. М. Селищевым². В "Материалах к областному словарю сибирского наречия" В. Анучина указано три значения слова зимовье: "1. Кухня и людская, стоящие отдельно от главного дома. 2. Хижина в тайге. 3. Станция на приисковых дорогах"³. В романе И. Калашникова слово зимовье употребляется во втором значении.

В речи героев романа используются характерные для говора обстоятельственные слова и предлоги: дивно (удивительно), кучно (кучей), лихо (плохо), ладно (хорошо); середь (среди), посередь (посередине), промеж (между).

Назначение всех этих диалектизмов, встречающихся в речи действующих лиц романа И. Калашникова, создать местный колорит. Многие из них обладают экспрессивно-эмоциональной окраской передавая оттенки фамильярности, иронии, презрения, привычно-небрежного тона и создают впечатление живой, естественной, непринужденной разговорной речи.

Писатель не мог пройти мимо явления, характерного для языка в годы, когда происходят описываемые в романе события. Для этого времени был типичен приток в говоры слов, обозначающих новые производственные отношения, новый быт, технической и политической терминологии и т. д. Эти незнакомые слова получали в говоре своеобразное фонетическое и грамматическое оформление. Так, аэроплан произносится героями романа как ероплан, кооператив — как купиравтив (слово подчинялось одной из фонетических закономерностей говора семейских — лабиализации редуцированного гласного под влиянием соседнего губного согласного).

Диалектная лексика используется не только в речи персонажей, но и в авторском повествовании. Прежде всего следует отметить этнографические диалектизмы, отражающие своеобразие быта семейских: уставщик (духовный пастырь), домовина (гроб), кичка (женский головной убор в виде шали), опояска (самотканый пояс). На-

¹ "Словарь русских говоров Среднего Урала". Свердловск. Средне-Уральское кн. изд-во, 1964, т. 1, стр. 58.

² См.: А. М. С е л и щ е в. Указ. соч., стр. 2.

³ В. А н у ч и н. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии, стр. 163.

пример: "Мельником с недавних пор стал бывший уставищик Фералонт. До войны он жил на краю деревни в маленьком зимовье, справляя поминки по старикам и старухам, крестил тайком младенцев, кормился за счет верующих"; "Это домовина - толстое ошкуренное бревно лежало под сараем с тех пор, как Игнат помнит себя"; "По старине, по обычаю, у каждого хозяина хранится такая домовина, у него может не быть ни коня, ни коровы, но домовина есть"; "В углу пьет чай Лучка, напротив него, одетая в кичке и кашемировом полушалке по плечам... Лучкина супружница"; "Подтянул опояску и дробной старческой рысью засеменял по улице".

В авторской речи употребляются диалектные слова, обозначающие предметы домашнего обихода, одежды и обуви: туесок (сосуд для жидкости, сделанный из бересты), ботало (колокольчик, привязываемый на шею лошади, коровы); обутки (обувь), ичиги (сапоги на мягкой подошве), станушка (рубаша без рукавов), сарафан (широкая юбка в сборку), запан (фартук), зипун (мужская кафтанного покроя). Используются существующие в говоре названия различных построек, жилища: полати (помост в крестьянской избе от печи до противной стены, общая спальня), куть (кухня), сени (помещение между холодной частью дома и крыльцом); обязательные принадлежности сибирского крестьянского хозяйства: стайка (хлев, помещение для скота), амбар (помещение, предназначенное для хранения зерна, муки и других продуктов), казенка (кладовая), займка (место, занятое под хозяйство), зимовье (хижина в тайге), гумно (место, где ставят и молотят хлеб).

В авторской речи встречаются диалектизмы, связанные с лесом, тайгой, обозначающие охотничьи снасти: рожны (ловушка на мелких зверьков), наледь (замерзшая, прибылая вода), старица (старое, покинутое рекой русло), заметь¹ (метель снизу, когда выпавший прежде снег метет ветром понизу), валежник (деревья, вывороченные бурей).

Используются в авторском повествовании прилагательные, общепотребительные в говоре: мухортый (непривлекательный на вид), мосластый (костистый), хворый (больной), справный (такой, который находится в хорошем состоянии).

В авторской речи, как и в речи персонажей, И. Калашников избегает передачи редких для говора слов. Многие из диалектизмов, уже знакомые читателю по языку героев романа и введенные в авторское повествование, способствуют достижению единства речи персонажей и автора. Заплот, прясло, суслон, займка, зимовье, запан, зипун, ботало, посулить - далеко не полный перечень диалектных слов, встречающихся в языке автора и героев романа.

Встречаются в языке романа и заимствования из бурятского язы-

ка. Незначительное влияние бурятского языка на говор семейских обнаруживается в основном в названиях некоторых животных, терминах животноводства, предметах домашнего обихода, названиях одежды: тэрлик (тэрлиг – летний халат), дыгыл (дэгэл – шуба), ургуй (ургы – подснежник), гуран (гуран – дикий козел, лось).

Употребляются и слова белорусско-украинского происхождения: рушник (полотенце), хмарный (хмурый), виноватить (винить). Как было уже отмечено выше, семейские – выходцы из южных губерний России и их язык не мог не испытать в свое время влияния окружающих говоров. Этим объясняется бытование в говоре семейских слов белорусско-украинского происхождения.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что язык романа насыщен диалектизмами. Назначение их – передать типичный для героев язык, создать местный колорит. "Местный колорит, конечно, заключается не в диалектных названиях построек, одежды и т. д. самих по себе, а в том, что, благодаря этим названиям, их "невсеобщности" подчеркивается какой-то особый характер этих построек, одежды... или их особое назначение в жизни описываемых персонажей"¹. Использование диалектизмов в романе "Разрыв-трава" вызвано именно таким стремлением писателя выделить характерное, особенное, присущее только этой среде.

Автор хорошо знает жизнь старообрядческого крестьянства, их своеобразный говор. Благодаря употреблению диалектизмов в языке произведения читатель ближе знакомится с жизнью героев, их бытом и нравами. Умелое использование диалектных особенностей в языке художественного произведения о деревне – свидетельство мастерства писателя, а также одно из средств реалистического изображения действительности.

¹ П. Н. Шмелев. Лексика. – В кн.: Слово и образ. М., "Просвещение", 1964, стр. 90.

СЛОВА С ПЕРЕНОСНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В
ГОВОРЕ ЕРАВНИНСКИХ БУРЯТ

Слова с переносным значением являются одним из основных средств лексического обогащения языка и "зависят от самобытных традиций восприятия действительности у данного народа"¹. Переносное значение слов в семиотическом отношении основано на двусторонней связи слова как знака с новым предметным значением и с исходным, основным значением, которое составляет "душу" самого слова"².

Перенос значений слов широко распространен и в бурятском языке, но он еще не стал предметом специальных исследований. В данном сообщении делается попытка охарактеризовать слова с переносным значением в говоре еравнинских бурят, который входит в состав хоринского диалекта и потому содержит такие же виды переноса, что и в бурятском литературном языке. Преобладающее количество примеров взято из речи жителей улуса Домна (по-бурятски - Догно).

Весь собранный материал можно распределить по следующим видам переноса:

1. Метафорический перенос, основанный на сходстве таких признаков как форма, цвет, характер зримых движений и т. д.
2. Функциональный перенос, основанный на общности функции.
3. Метонимический перенос, основанный на смежности, то есть соприкосновения предметов в пространстве или во времени.

Остановимся на каждом виде в отдельности.

Метафорический перенос происходит:

а) на основе общности внешней формы; нюдэн (глаза): онгоошхын нюдэн - звено оконной рамы, шэгнуурэй нюдэн - насечки или метки на безмене, нюдэтэй аяга - пиала, выточенная из корня дерева, с

¹ Л. Д. Шагдаров. О развитии переносных значений в словах, общих некоторым тюркским и монгольским языкам. - В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., "Наука", стр. 126.

² Р. А. Булагов. Введение в науку о языке. М., "Просвещение", 1965, стр. 10.

круглыми извилинами; туруун (кобыто): дэгэлэй туруун – манжет; хүрээ (лопата): буугай хүрээ – приклад, хүрээ ьяхал – борода; сэмгэн (трубчатая кость): буугай сэмгэн – ствол ружья; шүдэн (зуб): тармуурай шүдэн – зубья у грабли, косилкын шүдэн – зубцы у косилки, хүрөөгэй шүдэн – зубья у пилы; хабыан (ребро): боошкын хабыан – клепка бочки;

б) на основе общности цвета: ьун (молоко) – сплошной лед на озере, ьун худэлхэ (таварха) – разлом, разрыв льда на озере; шандаруу (пепел на угасающих углях) – козий пух (так как он всегда пепельного цвета);

в) на основе общности места расположения; шэхэн (ухо): хумуудай шэхэн – гужи у хомута, тэргын шэхэн – чека, то есть стержень, вкладываемый в отверстие на концах оси телеги; хуйьэн (пуц): суургын хуйьэн – замочная скважина; хул (нога): шэрээн хул (ножки у кровати), остолой хул (ножки у стола); гол (досл. ось): тэргын гол – ось телеги, лаамын гол – фитиль у лампы, модной гол – сердцевина дерева; хоолой (пищевод, голос и узкая протока): пээшэнэй хоолой – печная труба; гүсын хоолой – носик чайника, шэлэй хоолой – горлышко бутылки; нугарьан, нюрганай нугарьан (спинной мозг): шүргын нугарьан – продольные брусья у изгороди; нюур (лицо): дэрын нюур – украшенная чеканкой пластина, которая находится на лицевой стороне бурятского национального убранства, используемого вместо подушки.

Функциональный перенос является по существу разновидностью метафорического переноса.

Например, альган (ладонь): шүдэрэй альган – кляпыш треноги – функция охватывания вокруг чего-нибудь; эмээл (седло): тээрмын эмээл – втулка у жернова мельницы – общность функции данной втулки и седла, связанной с накладыванием сверху; хэлин (язык): хонхын хэлин – язычок у колокольчика – функция движения, а если его брать по месту расположения, то следует отнести к метафорическому переносу; шагта (пуговица): тумаагай шагта – застежка у пут для лошадей.

Метонимический перенос основан на принципе смежности и является чуть ли не самым распространенным явлением в говоре еравнинских бурят. Приведем несколько примеров.

Сайнгаа бусалхада, хэдэн аяга уугаад, гэрьээ гараба – Когда вскипел чай, он выпил несколько пиал и вышел из дома, гэрээрээ ерэбэ – досл. всем домом прибыли, всей семьей прибыли; тархитай хүн даа – досл. он человек с головой вместо ухаатай хүн – умный человек. В этих примерах слова гэр (дом), аяга (пиала), тархи (голова) обозначают содержимое: в пиале – чай, в доме – семья, в голове – ум. В выражении ажал хүлээхэгүй (работа не ждет) слово

ажал (труд) обозначает процесс, действие, в другом случае – ажалла харуула (досл. покажи свою работу) подразумевается результат действия, процесса. Или: яагаа ехэ шаажантайбо! (Как много у вас фарфора!) слово шаажан обозначает изделие из какого-либо материала, в данном случае фарфора.

Одной из разновидностей метонимического переноса слов является синекдоха. Например, танил нуур – знакомое лицо, под словом нуур (лицо) подразумевается человек; булган малгай – соболиная шапка, то есть шапка из шкурки соболя.

Отдельные признаки, присущие животным, могут быть перенесены на человека. Например: нарваа хатаан мал – животное, у которого побелела часть головы, находящаяся между глазами и носом. Слово нарва означает "нёбная занавеска", которая у старых животных бывает высохшая и побелевшая. Когда эту черту относят и к человеку – наһаа эдһэн, нарваа сайһан хун, то подразумевают постаревшего, выдавшего виды человека. Данное выражение имеет несколько негативный оттенок.

Наряду с характером сходства функции и смежностью слова можно различать и по степени распространенности их в языке, по их стилистической роли в речи. Все указанные выше примеры уже перестали восприниматься как образные, яркие переносные значения слов. Их принято называть "стертыми".

В говоре еравнинских бурят можно встретить и такие переносы значения слов, которые имеют ярко выраженный фигуральный или индизказательный характер. Например, в улусе Улзыто, когда шел разговор о родовом составе бурятского населения села Можайки (Мужыха), собеседник сказал: "Мужыхын зон гээшэ эрээ мориной үһэн" (досл. Население Можайки как шерсть пестрой лошади). Это образное выражение передает пестроту родового состава населения села Можайки.

Следует также отметить индивидуально-стилистические метафоры, которые хотя и являются образными, но еще не стали фактом общенародного языка. Они возникают в речи людей ситуативно. Например, старая женщина, обращаясь к слишком расшумевшемуся шалуну-внуку, говорит: "Тийгэжэ байтараа шаб-шуб румэ болоогуй һаа болоо" ("Как бы не случилось шаб-шуб"). Шаб-шуб – звукоподражательные слова, подобные свисту прутика. Таким образом она кратко, но образно дала понять, что слишком шуметь нельзя и что может последовать за этим.

Из приведенных выше примеров видно, что все они состоят из определительных словосочетаний. Так, например, слово альган (ладонь), получив определение шудэрэй (треугоги), означает "кляпыш треугоги". Определительные слова сохраняются до тех пор, пока пе-

реносное значение не получит самостоятельности, как, например, это случилось со словом хоолой (узкая протока). Раньше оно также имело какое-то определительное слово: Витимэй хоолой (протока Витима), но со временем определительное слово Витимэй утратилось, а слово хоолой стало собственным названием протоки, впадающей в реку Витим. Можно предполагать, что переносное значение в словах в большинстве случаев поддерживается при помощи определительных слов.

Таким образом, слова с переносным значением широко распространены в говоре еравнинских бурят и имеют разветвленную дифференциацию.

АГЫН БУРЯАДАЙ АРЬА ЭЛДЭЛГЭДЭ ХАБААТАЙ ҮГЭНҮҮД ТУХАЙ

Агын буриад эртэ урда сагнаа хойшо мал ажал эрхилжэ, табан хушуу мал үдхэдэг байгаа. Тэдэ малнаа бүхи хэрэгтэй юмэнүүдээ: эдээ хоол, хубсааа хунарай зүйл, гэрэй хэрэгсэл болон бусадшыэ элдэб янзын түүхэй эд абадаг ын.

Хүнэй байдалда хэрэглэгдэдэг тон шухала хэрэгсэлнүүдэй нэгэн хадаа ариан болоно. Буриад зон үхэр малайнгаа ариа элдэжэ, эд болгоод, тэрээгээрээ ехэнхи хубсаанаяа оедог байгаа.

Энэ статья соо Агын буриадай малайнгаа ариа хайшан гээд элдэдэг байһан тухай тобохоноор бэшэхэ гэжэ хараалагдаба.

Ариан бүхэн ямар малайб, тэрэ малайнгаа нэрээр нэрлэгдэдэг: хониной, ямаанай, үхэрэй, адуунай, тэмээнэй ариан, Энээнхээ гадна табан хушуу малай ариан хушуу хушуугаараа хэдэн олон нэрэтэй боложо илгарна: хониной ариан: хурьганай, тулгын, зуьагай, шүлгын, эрьени, хусын; ямаанай: эшэгэнэй, шүдэлэнэй, ьэрхын, тэхын; үхэрэй: тугалай, буруунай, хашарагай, гунжанай, гунанай, дунжэнэй, дүнэнэй, сарай, үнеэнэй, бухын; адуунай: унаганай, дааганай, гунанай, ьоболоной, хизааланай, мориной, гүүнэй, азаргын; тэмээнэй: ботогоной, хашараг тэмээнэй, гунан, гунжан тэмээнэй, дүнэн ба дунжэн тэмээнэй, буурын, эндин тэмээнэй, атанай.

Малай ариад сооноо хонинойл ариан үгэ ноононойнгоо ута богониноо боложо, хэдэн ондо ондоо нэрэтэй байдаг: халсагай ариан – нарай хурьганай ариан; ьагса – томохон боложо байһан хурьганай нэхшэг ариан; хахидха – тон ноонооо хайшалуулаад ябаһан хониной ариан; хүрбэдхэ – ноонооо хайшалуульаар 2 ьара болоһон хониной ариан; үзүүр – 2-3 хурга болоһон үгэтэй ариан; нэхы – ехэ нооотой үени үбэлэй сагай ариан; хуулидха – тон тураһан, муу (хабарай сагай) хониной ариан; ямаадха – үгэниинь ьабаржа ябаһан, шэрэлдэнги шэрүүн ямаанай үгэндэ адлирхуу нооотой ариан.

Арианай элдэлгэ хэдэн янза: ямар малай ариан бэ, тэрээн дээрээ ьээ болохо. Малнууд бодо мал (үхэр, адуун, тэмээн), жэжэ мал (хони, ямаан) гэжэ илгарна. Ариа ехэнхидээ зундаа, намартаа элдэдэг

байгаа. Үни сагнаа хойшо арья элдэлгэ гэшэ эхэнэрэй ажал гэжэ тоологдодог, эхэнэрнүүд тэрэниие эд болгодог байһан юм.

Арья элдэлгэ ехэшье, хүндэшье амалтай, тэрэ ажалын олон ондоошье байдаг. Арья элдэлгын бэлэдхэл нигэжэ эхилнэ: ьян алагданаан малай арһанһаа шуна шүүньень, миханайнь үлэгдэлье шударжа хаяад, тоно өөхын дьжажа абадаг. Арһанай энэ мяха өөхэнэй үлэгдэлье халим гэжэ нэрлэнэ. Хэрбөө арһаяа тохотой, өөхэтэй зангань орхёо ьяа, элдүүридэ мууса орохооо гадна, эд болгогдонон арһаар хубса- ьяа обод байхада, тохониинь хубсаһаяа гадарлаһан бүд нэбтэрэжэ будадаг.

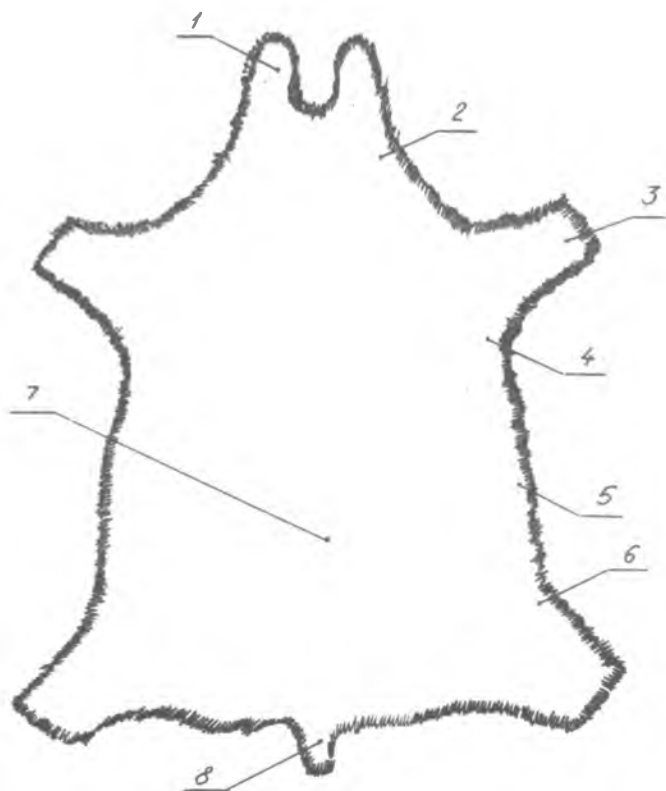
Арһаяа сөбөрлөжэ, арья элдэлгын бэлэдхэлэй хүдэлмэри хэлгье халимдалга гэжэ нэрлэдэг байгаа. Халимдаһанайнгаа удаа нойтон байһан арһандаа шөрүүнээр татаһан талха - яарсин талха түрхөөд, сахадаа тэгшээр тэниилгэн үлгэжэ хатаадаг ёһотой. Хатажа байха үедэнь тэрэ арһаяа хүдэлгэжэ, татажа, тэгшэлжэ, тэниилгэжэ байха.

Хони ямаанай, тугалай, унаганай, ботогоной арһануудай элдэлгэ адли байдаг. Сахада үлгөөтэй байһан арһанайнгаа хүсэд хатажа, элдэхээр болоходонь, тэрэнээ абажа, эдөө (сагаа, тараг) түрхөөд, арһанай үньень газаашань хэжэ эбхээд, хонон үнжэн байлгаха. Иигэ- жэ арья дэбтээдэг, тэрээндэ эдөө оруулдаг.

Эдөө хүсэд оруулжа, арһаяа байлгаханай удаа, тэрэнээ мушхалаа- да гаргаха. Арһанай мушхалаа имэ хубинуудһаа бүридэнэ: мушхалаа- гагй гасуу, мушхалаагагй модон, шэбхэ. Мушхалаагагй гасуу гэшэ 80- 90 см утатай, 6-7 см диаметрэй газар уруу зоогдонон модон. Арья мушхалаада оруулхадаа, хойто хоёр годоорнь мушхалаагагй гасууе орёожо, тэндэнь 2 шэбхээр мултархагуйгөөр шэбхэдээд, дээрэнь шэбхээ бүхэлжэ, ооһороор уядаг. Шэбхэ 8-10 см утатай.

Арһаяа хойто 2 годоорнь гасуу орёожо, гасуудаа шагтагаламсаа- раа, хүзүүнэйн арһаар мушхалаагагй модо орёожо, арһанайнгаа үнгэ зосошонь, үньень газаашань зохёон эбхээд, урда 2 годнын эб- хэлээгэйнгэ зосоонь орууламсаараа, мушхалаагаараа арһаяа мушжа эхилдэг (зур. 1). Мушхалаагагй модон хадаа 40-45 см утатай, 3-4 см диаметрэй арья мушхажын тулөө хэрэглэгдэдэг модон юм. Мушхала- атай арһанай ьөөргөө задаршахагуйн тула арһаяа шанга мушжа мон- сойлгоод, мушхалаагагйнгаа модоор гасуудаа шангаар хүшөөд орхихо. Мушхалаада байһан арһаяа 3-4 үдэр соо байд гүүлээд лэ, ото мушжа- жал байха ёһотой. Мушжаһаар байтар, арһан эдөөшэжэ, сайража гэхэ гү, али үнгэ орожо, зөөлэржэ эхилдэг. Энэниие түрүүшын мушхалга гэжэ нэрлэдэг (зур. 2).

Түрүүшын мушхалганаа арһаяа гаргаад, тэрэнээ хэдэргээр гү, али хангираар хаткулдаха. 30-40 см утатай, 2-3 см үргэнтэй хабтагар- шаг халта матаһан модондо ьуулганаан мохоо эритэй зузааншаг түмэр- тэй зэбсэгье хэдэргэ гэдэг (зур. 3). Хэдэргэ баһа модооршье хэг-

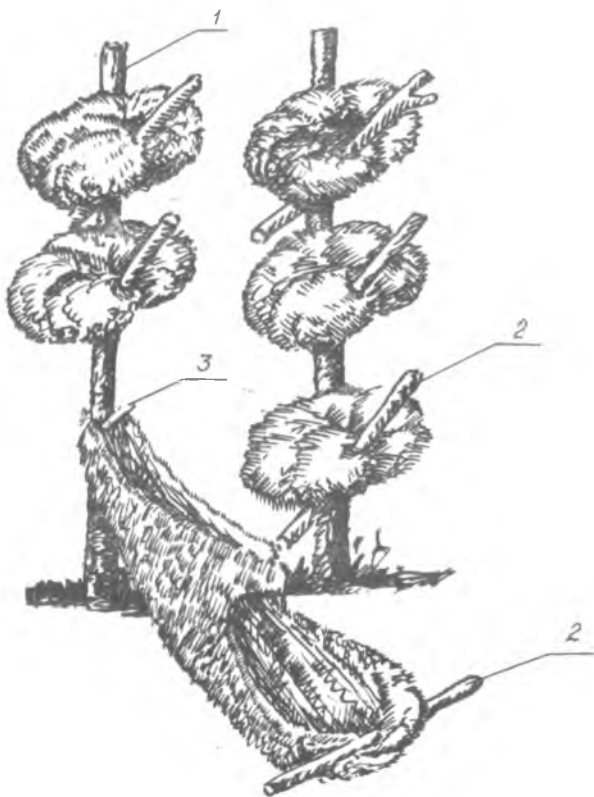

З у р. I. Арьян: 1 - њужуурай; 2 - хузуунэй; 3 - урда годон; 4 - њугн; 5 - гэдээнэй; 6 - самин; 7 - нурганай; 8 - њүүлэй.

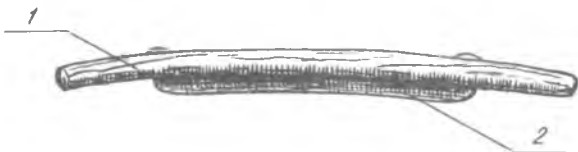
дээн байжа болодог. (зур. 4). Хангир - унгигүй муудаан хуушан хажуураар хэгдээн арья элдэлгын зэбсэг мүн (зур. 5 н 6).

Эдэ хоёр зэбсэгээр арьанайнгаа үнгэ талнь шударжа, дорбойон хальнь хуулан хаяха зуураа, арьяа хэдэн тээшнь њунаан татажа элддэдэг. Энэ хэгдээн хүдэлмэрийе агаархин хатуулдлга, хориинхид хатуулдалга гэнэд. Хатуулдаанай удаа арьяа үшөө њунааха, тэгшэлхэ, зөөлбэр болгохын түлөө үбдэг талхида арьяа үбдэгэлдиг шударха.

Үбдэг талхи гэшэ 70-80 см шахуу угатай хүндэ зузаан модондо хүнэй үбдэгэй холхи багтахаар хоорондоо зайтайгаар зоошон хабтагар 2 модон юм. Тэрэ 2 модоней дээдэ талань мохоо эритэй байха. Энэ талхидаа арьяа шадал соогоо үбдэгөөрөө талхидахадаа, гараараа ишэ тишэнь арьяа хүдэлгэжэ байха (зур. 7 и 8).

З у р. 2. Арьнай мушкалаа: 1 - мушкалаагай гасуу; 2 - мушкалаагай модон; 3 - шобха.

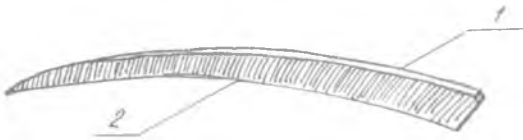
З у р. 3. Хэдэргэ (кожемялка для чистки кожи): 1 - барзул; 2 - эри.

Баьал арьа зөөлэн болгохын түлөө хэрэглэгдэдэг гар талхи гэжэ арьа элдэлгын зэбсэг бии байгаа (зур. 9 и 10).

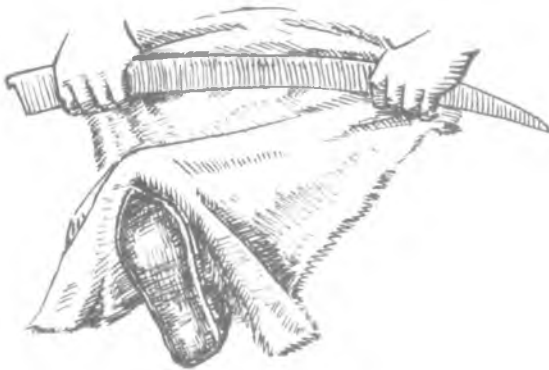
Арьанай эдээн. Арьанай хоёрдохи эдее сагаан эдеэгээр хэдэг. Арьанай эдээ бэлдэхэдээ, туруун бусалхан, үрмэгүй ьүүер тараг

З у р. 4. Хэдэргээр арья элдэжэ байна.
(Кожемялкой чистят кожу).

З у р. 5. Хангир (кожемялка для очистки кожи): 1 - унсэг; 2 - эри.

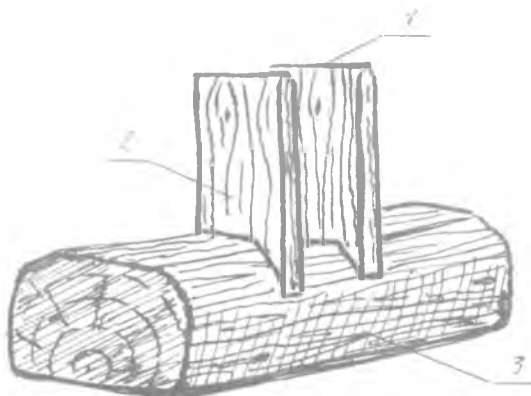
З у р. 6. Хангираар арья элдэжэ байна.
(Кожемялкой чистят кожу).

арьяна абажа, тэрэнэингээ бүри зөөлөн болохын, үнгчнь бүри сайлгахын түлөө эльгэдэхэ.

Арьянда түрхихэ эльгэ иигэжэ бэлэдхэдэг байгаа. Байлгасатай

буридэг. Үдхэн, гашуун тараг бүри ыайн. Энэ тарагтаа хөөрүүлхэн ьу, таарта шууьэн аарса нэмэжэ худхаад, арьяндаа түрхихэ. Энэ эдөө түрхийэн арьяна уьмень газашань, үнгчнь зосоомонь эбхээд, задаршахагүйн тула кумээр дараад, 1-2 хонуульанай удаа газаа гаргажа, халта эбэрээгээд, арьяна ьүүөр жэшэхэ. Арьянда ьу түрхихьне, ьүүөр арья жэлэхьне жэшэхэ гэнэ.

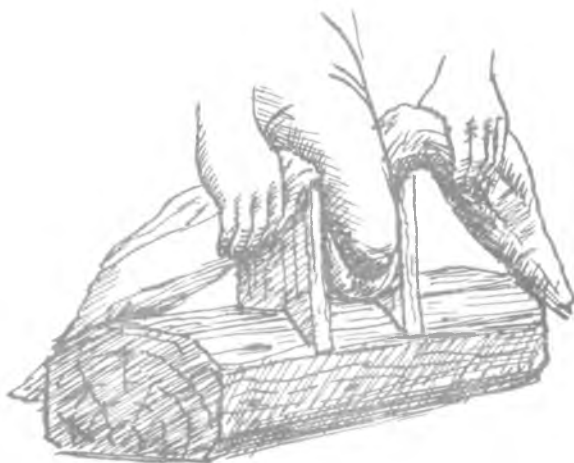
Жэшээнэингээ удаа арьяна хонуулаад, дахин мушхалаада оруулжа, 2-3 үдэр баьа мушхаха. Энэ мушхалаагай удаа арьяна мушхалааьань гаргажа, эдөөтэйнь хабтайлгаад, ьэрюун ьүүдэр, ьалхинда ьүүрэхээр газарта хатааха. Халта эбэрээн хойнонь сагаанай шүүьээр арьяна угаамсаараа, уьаар зайлаад, табагаар гү, али томо шанагаар үьэнэйнь хэбтэсэ руу шударжа, уьньень хаяна. Уьньень шударгаад, арьянай 2 тэььээн 2 хун барижа ьэгсэрээд, тэрэнээ сахачаа үлгэжэ, уьньень хатаадаг. Хатааьан

З у р. 7. Үбдэг талхи (кожемалка):
1 - эри; 2 - шударуул; 3 - хуури.

гу, али модон хүнэгтэй аарса сагаан соо шанаан эльгэ хэжэ, эхээжэ үжөөгөөд, тэрэнээ таа ниилэтэрын нь нихан худхаха. Үдхэрхэдэнь тараг, хү нэмэжэ байжа худхаха. Энэ бэлдээн эдээгээ арһанда түрхилгье арһа эльгэдэлгэ гэнэ.

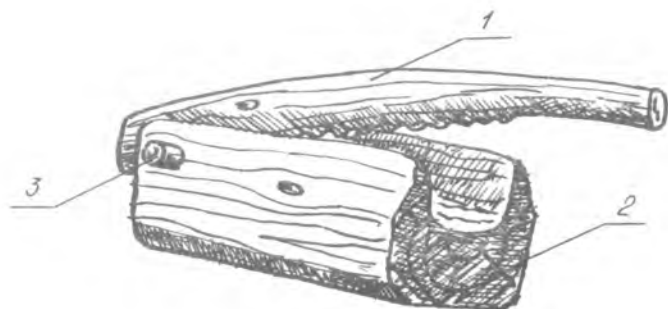
Эльгэдээн арһаяа эбхээд, нэгэ хэды дэбтэтэрын нь байлгаха, тиигээд арһаяа дахин наранда гаргажа тэгшэлээд, тоьогүй нүүөр хэды хэды жэшэхэ.

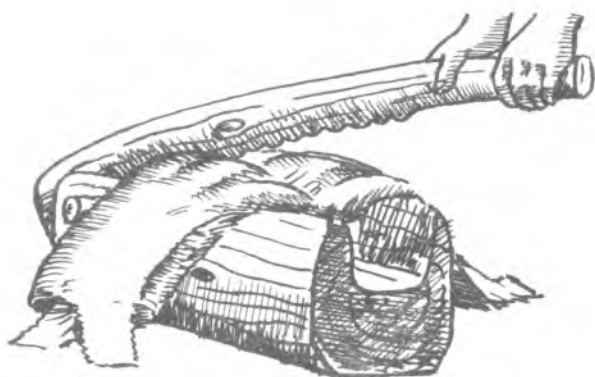
З у р. 8. Үбдэг талхида арһа шударжа байна. (Кожемалкой выделяют кожу).

Иигэжэ арһаяа жэшээн, эбэрээнэйнгээ удаа дахин таталгада оруулха. Таталга гэшэмнай нөөхил хангир, хэдэргээр һайса зүг бүхэн-нөөнь шударха, татаха, арһаяа сэбэрлэхэ, хэрэггүй муу хальһень хуулажа хаяха хүдэлмэри болоно. Иигэжэл арһа элдэдэг, энэ элдэлгээ дүүргэхэдээ, арһаа гарһаа гаргабаб гэжэ хэлсэдэг байгаа.

Хурьга, эшэгэнэй арһа элдэхэдээ, хэдэргэ, хангир хэрэглэдэггүй, ямаршые наань арһанла оруулдагтал адляар сагаан эдээ оруул-

З у р. 9. Гар талхи (ручная кожемалка):
1 - баржуул; 2 - тэвшэ.

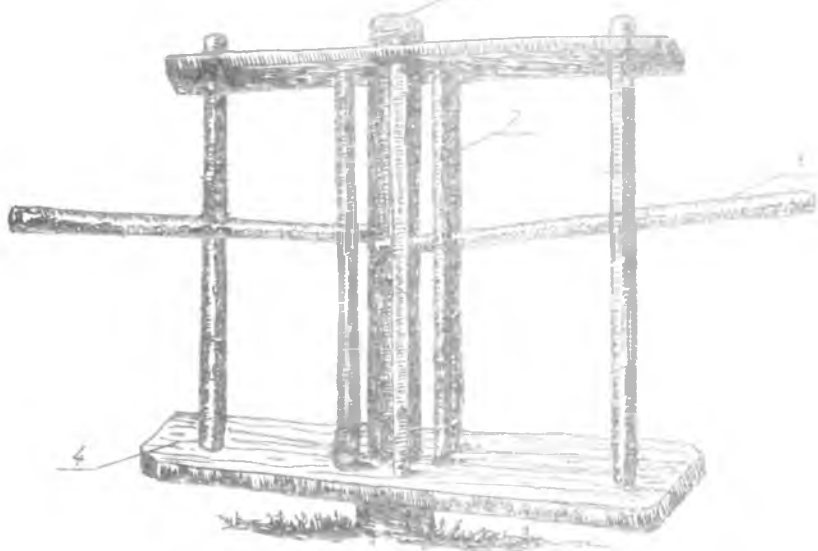

З у р. 10. Гар талхиар арьна элдэжэ байна.
(Выделяют ручной кожемалкой).

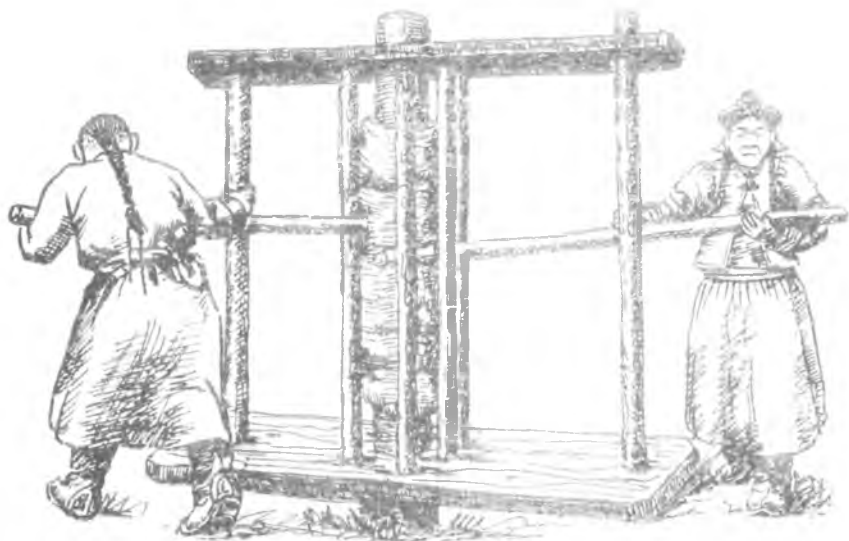
даг (үгышые наа, бусалһан ьүтэй сай түрхидэг), эльгэдэдэг байгаа. Эдээ оруульһан хойноо арьһаа гараараа мушжажа, таталжа, эд болгодог юм.

Бодо малай арьһанда баһал эдээ оруулдаг, халимдадаг, хатюулдадаг, эльгэ түрхидэг байгаа. Бага малай арьһа элдэһэндэ орходоо бодо малай арьһа элдэлгын илһаань гэбэл, ехэ эдээ оруулгатай, халимдалга, хатюулдалга болон бэшэ элдэлгын хүдэлмэринь ехэшые, хүндэ хүшэршые ажалтай байха юм. Бодо малай арьһе халимдаһан, хатюулдаһанайнһаа удаа аарса сагаа ехээр түрхижэ, хонон үнжэн дэбтээгээд, эрьюулгэдэ оруулха. Урдань айл бүхэнэй газһаа эрхэ бэшэ арьһанай эрьюулгэ байдаг ьэн ха (зур. II ба I2). Эрьюулгэ модошо дархан хэдэг байгаа.

Эрьюулгэдэ нэгэ доро 6-7 арьһа хээд, эрьюулжэ болоно. Эрьюулгээ эрьюулхэдээ, нэгэ тала тээшээ эрьюулжэл байха бэшэ, харин зүгөө

З у р. 11. Эрьюулге (кожемялка): 1 - гол;
2 - хабхан; 3 - хушүүрдэг; 4 - хөрөөний модон.

З у р. 12. Эрьюулгаар арья алдажэ баймад.
(Кожемялгойн выделывают кожу).

нэлгүүлэн тойрохо. Эрьюулгэдэ арьяна 4-5 үдэр соо сайрта-рын эрьюульнэй удаа тэрэнээ эрьюулгэнь гаргаад, гар үбдэг талхинуудаараа талхидаад, дахин эдээ оруулдаг. Арьяна дэлгээжэ, аарса, сагаа, тараг найса аджажа түрхээд, найнаар эдээ оруулхн түлөө арьяна монсогойлоод, хонуулан үнжүүлэн байлгадаг. Эдээ оруу-льнанаингаа удаа дахин эрьюулгэдээ эдээнэйн үгы болотор (арьян-даа шэнгэтэрын) нара зүб, нара буруу жэгдэ эрьюулхэ.

Иигэжэ 2-3 үдэр эрьюульнэй удаа, арьяна дахин эрьюулгэнь гаргажа, баш малай арья ажалладагтал адлиар, хангир, хэдэргээрээ найса таталха, үбдэг талхидаа талхидаха. Талхидамсаараа эльгэ түрхижэ, 2-3 хоногто эдээ оруулжа байлгаад, дахин эрьюулгэдэ ору-улжа эрьюулээд, одоошье тон нүүлшын ажал - талхидалга, шударалга хэжэ, арьяна гарьяа гаргадаг нэн ха. Арья элдэлгэ гээшэ иймэл ехэ хүндэ хүшэр ажалтай байгаа.

Буряад зон арья үхэтэйшье зандань, заримдаа үньень зулмаажэ, үхэгүйшье болгоод, хэрэгсэлдэ оруулдаг байгаа. Урдань харьмай арьяар ямаршье наань хубсаа: дэгэл, гутал, самса, үмдэ, бээлэй гэхэ мэтые оёдог байгаа.

харьмай гэжэ үхэгүй болгоон арьне хэлэнэ. Ёнибэр гү, али бо-ошхо соо сагаанай шүүхэндэ арья хэжэ, 3-4 хоногто байлгахада үжөөд, үхэнинь зулмаржа унашадаг. Иигэжэ арья үжөөжэ, харьмай арья хэдэг байгаа. харьмай арьне заримдаа ганса үгөөр харьмайшье гэжэ нэрлэдэг юм. харьмаие тон лэ үхэтэй арьан шэнгээр элдэхэшье, будахашье. Бодо малай харьмайгаар жолоо, шүдэр, хазаар, мушхамал хэхэдээ гараараа мушхан элдэжэ, эд болгодог байгаа. Эдэниие хэхэ-дээ, бодо малай харьмай арья тойруулан зүхэжэ абажа хэдэг, мүн арьанай тэгэн дунда үлээн зузаан арьяарнь гуталай ула, эмээлэй дүрөөшэ гэхэ мэтые хэдэг байһан юм.

Дутуу гараан тугалай арья бүтүүгээр годонуудтайнь үбшэжэ эл-дээд, үхэтэй зандань, үгышье наа харьмай болгоод, тугал туулмаг оёжо, эдээ хоолой зүйл (тарья талхаа, айрыа хурьяа) хэдэг, энэ туулмагын зулбадха гэжэ нэрлэгдэдэг байгаа. Мяхнь бага уянда бусалгажа, мангир дабыа нэмэжэ, амта оруулаад, эдидэг нэн ха. Энэ хоолоо хуурга гэжэ нэрлэдэг байгаа. Унаганай зулмадхаар сумаа ба-на оёдог байһан. харьмай арьяар оёон мүнөөнэй хозьяйственна ехэ сумкадал адлирхуу түхэлтэй аад, холбоотой 2 сумкашуу амьартые сумаа гэжэ нэрлэнэ. Сумаае эмээлдэ ганзагалаад ябадаг, ганзагал-хын тулада 2 сумкатайгаар оёдог байгаа.

Арья элдээн хойноо тэрээндээ гоё үнгэ оруулхн, арьанай үнгэ хубилгахын тула арьяна будадаг, утадаг байгаа. Арха будалга утал-га хоёрой али нэгые хэхэ: будабал, утахагүй болоно.

Арья будалга. Намаржаандаа ороон хойноо намарай элдин, дулаан сагта арьяна будадаг заншалтай нэн. Арья будаха будаг бэлэдхэлгэ

нимэ: бунэтэй хүн олон жэл болоһон шэнээн модоной улаа (холтоо) сумаадаа түүжэ, ойһоо гэртээ асарха. Нимгэн холтоһон мууда, зузалан холтоһон ьайнда тоологдодог ушартай. Энэ холтоһоо бутаруулаад, талхан шэнги болотор нүдэхэ. Тиигээд нүдэһэн холтоһоо уятай томо тогоон соо хэжэ бусалгаха.

Бусалгахадаа холтоһондоо үшөө хуанай шултын үнээ нэмэлсэхэ. Носожо байһан галдаа шултөө шатаажа, тэрэ нэмэхэ үнээе абадаг байһан. Хуанай шултэ гэшэ томо будуун хуан модоной узуурай хундыдэ байдаг үмхи. Зарим зон энэ шултэ, холтоһондоо ороһондоо ьайса бусалгагдаһан яа болон хужар нэмэжэ бусалгадаг байгаа.

Арья будаха будагта нүүргэһэн (гү, али нүүргэдэһэн) модоной боро дорһон баа оролсоно. Иимэ модоной боро дорһо хьяжа хаяад, шара дорһонь абажа, уянда бусалгаад, будагта хэрэглэнэ.

Арья уталга. Ямаршы малай арья утажа болохо, тиигэбэшы ехэнхидээ хонинойл арья утадаг байгаа. Арья утахын тула түрүүн нүхэ бэлэдхэхэ. Нүхэнэй хэмжүүр иимэрхүү байха. 70–80 см гүнзэгытэй, нүхэнэй тон оёрой үргэниинь 50–60 см, нүхэнэй тэг дундахи үргэниинь мүн тэды шэнээн, дундаһаа дээшэ болохо бүрээ нүхэн уйтан болохо (нүхэнэй түхэл танхадал адлирхүү км). Энэ нүхээ утаари гэжэ нэрлэдэг байгаа. Утаарин 3 талада газар уруу 3 шоро зосгоод, шоронуудайнгаа дээдэ үзүүрнүүдые холбожо уяха. Шоронуудай ута богонинь 0,75–1,00 м байха. Шоро хэхэдэ, ехэнхидээ утахаяа байһан арьанайнгаа хэмжүүрээр хэдэг. Утаари дээрээ шоронуудаа түхээржэ зоһонойнгоо удаа, аргал, тонтоогоол бутаруулан нүхэн соо хээд, тэрээндээ гал аһааха. Гал ехээр дүлэтэжэ бэшэ, харин ууяжа носохо ёһотой. Нэгэ хониной арья уталгада хахад хүнэг тонтоогоол гү, али аргал, бодни арьанда – 1–2 хүнэг орохо жэшээтэй. Галаа ууульһанайнгаа удаа, холбоотой 3 шоронуудаа арьараа үньень газашань, үнгень зосошонь хэжэ, ьайнаар таа орохо. Ороходоо арьана хабшуураар хабшажа, барилсуулан торгоодог.

Арьанай хабшуур айл бүхэндэ байдаг ьэн ха. 7–8 см утатайгаар бургааһа тайража, богонихон болгогдоһон тэдэ бургааһадай нэгэ галаһань хутагаар хахалжа, нүгөө талһень саашаа хахаршахагүйн тула бүхөөр уяха. Эдэ бургааһан хабшуурнууд мүнөөнэй утаһан хубсаа хабшадаг хабшуурнуудта түхэлөөрөө адлирхүү байгаа.

Арья утахадаа утаария сула эрьежэ, шалгажа байгаад, шара улан үнгэтэй болоторһын утаха ёһотой. Дутуу утагдаа ьань, дахин гал уууулжа утаха хэрэгтэй болодог ьэн.

Эндэ урдань Агын бурнадай арья элдэлгын ажалда хэрэглэгдэдэг байһан үгэнүүд тухай тобшоор хэлэгдэбэ.

Арья элдэлгэ гэшэ мал ажал эрхилдэг бүхы бурнад нотагуудта хэгдэдэг ажал байһан болобошы, арад зонойнь хэрэглэдэг арья элдэлгэдэ хабаатай зарим үгэнүүд бага сага илгаатай байһан болоно.

Жэшээлхэдэ, Агада хэрэглэгдэдэг ьагса гэжэ үгын орондо Хоридо ьэгсэ гьэнэн үгэ хэлэгдэдэг, хуулидха гэжэ үгын орондо - хууладха, арьаяа хэдэн тээшэнь ьунаан татажа элдэдэг тон түрүүшын элдэлгье Агын буряад - хатуулдиха, Хоридо - хаткулдчаха гэдэг байна. Агада арьа элдэлгэдэ хэрэглэгдэдэг хангир гэжэ зэбсэг Хоридо хэрэглэгдэдэггүй байһан хэбэртэй. Гадна сумаа, тулам гьэнэн үгэнууд Ага Хори хоёрто бага илгаатайгаар ойлгогдодог.

Энэ урда хэлэгдэһэн дээрэһээ ойлгоходо, арьа элдэлгэдэ хабаатай үгэнууд Ага, Хорин ньутаг хэлэндэ ехэнхидээ адли байбашье, үгүүлэгдэхэ талаараа бага зэргын илгаатай гьэнэн тобшолол гаргахалар гэжэ ьанагдана.

Резюме

Буряты, будучи скотоводами, издавна занимались обработкой всевозможной животноводческой продукции в домашних условиях. Немалую долю этой продукции составляло кожное сырье. Его обработка и связанная с ним терминология в настоящее время все более забываются.

В данной статье делается попытка дать описание терминологии, относящейся к обработке кожевенного сырья у агинских бурят, сохраняющих еще некоторые особенности старой бурятской материальной культуры.

Прежде всего разобраны термины, связанные с различными видами кожного сырья, например үхэрэй арьан (шкура крупнорогатого скота), хониной арьан (овчина), ямаанай арьан (козлиная шкура) и т. д. В свою очередь сырье получает более дробную терминологию по половозрастному признаку животных, например: хурьганай арьан (шкурка ягненка), дааганай арьан (шкура двухлетнего жеребенка), тэхин арьан (шкура козла), тугалай арьан (телячья шкура). Овчина, кроме того, имеет дифференциацию терминов в зависимости от длины шерсти, например: ьагса (шкурка ягненка с длинной шерстью), хэхидха (овчина с отстриженной шерстью), хурбэдхэ (овчина с отросшей немного после стрижки шерстью), нэхи (овчина с длинной шерстью).

Обработка кожного сырья складывается из следующих процессов: халимдалга (очистание мездры у сырой шкуры), хаткулдалга (скобление и растягивание шкуры), эльгэдэлгэ (обработка печени), уталга (дымление), будалга (покраска).

В статье подробно разбирается также терминология, связанная с различными инструментами и приспособлениями для обработки и выделки кожи, например: хэдэргэ (кожемялка), хангир (кожемялка из сломанной косы), гар талхи (ручная кожемялка), эрьюулгэ (вращающаяся кожемялка), мушхалаа (кожемялка-закрутка).

Проанализированный в статье материал свидетельствует о значительной развитости производственной терминологии по выделке кожного сырья у агинских бурят, которая, впрочем, не имеет существенных различий от терминологии хоринских бурят.

ОБОР-ҮНГӨӨГЭЙ БУРЯАДУУДАЙ ХУҢА МОДООР
ХЭДЭГ БАЙҢАН ЗҮЙЛНҮҮД ТУХАЙ

Урда сагай буряадуудай ажауудал, ажал хүдэлмэри мүнөөнэйхидэ орходоо тад ондоо байгаа гэжэ мэдэнэбди. Гадна, газар бүхэнэй эрхэ байдалаар урдандаа нотаг нотагай зоной хуудал байдал, хэдэг ажалнь хоорондоо илгаатай байһан юм.

Обор-Үнгөө гэжэ нотагай буряадуудай урданай байдал абажа үзэхэдэ, хүршэ хуудаг Хэлгын доогуурхи, мүн Түгнын буряадуудай ажауудал, ажал хүдэлмэридэ орходоо ехэхэн илгаатай байгаа. Хүршэнэрэйнгөө нэгэ газарта түбхинээн хуудалтай байхада, үнгөөгөөрхин хахад нүүдэл хуудалтай гэхэ гү, үбэлжөөндөө, зухаландаа нүүхэнээ гадна, хабаржаха, намаржахаяа нүүдэг байһан. Бэшуурэй, Мухар-Шэбэрэй буряадуудай хүсэд таряаша шахуу зон байхадань, Үнгөө нотагаархин таряа бага зэргэ тарибашье, мал үсхэбэрилхын хажуугаар, ехэнхи байгаалин баялигье – агнуури хэхэ, намар түүхэ зэргээр олзоборилдог байһан юм.

Урдань эндэхи зон үбэлэй сагта Үнгөөдэ, хабар, зун болон намарай сагуудта Булагай, Оборой, Мүндэртэйн голнуудта хуудаг байһан дээрэнь гурбан голой зон гэжэ нэрлэгдэдэг юн. Юрэнхидөө Үнгөө нотаг гэгдэдэг байгаа. Дээрэхи гурбан гол Хэлгодо баруун гарьяань ороюн зэргэлээ бишыхан горхонууд. Эдэ голнууд хоорондоо ойрохон болобошье, тэндэхи зон урдань өөһэд дундаа харилсаа багатайшаг байгаа.

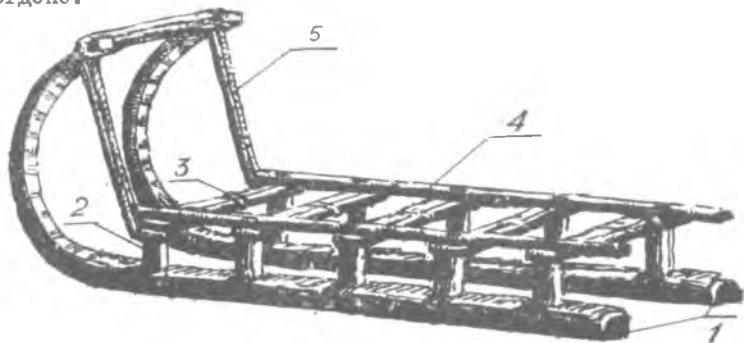
Обор-Үнгөө гэшэ мүнөө үеын Шэтын областин эгээн баруун захын буряадуудай ажауудаг нотаг юм. Энэ нотагта хориин арба нэгэн эсэгийн хүбдүүд, гушад обогой зон гол түлэб ажаууна. Мүн бодонгууд, хуасай обогой болон Сүхэ, Сэлэнгыншые ганса нэгэн айл эндэ нотагжанхай. Үнгөө нотагай зоной зариман бэшэ нотагууд тээхээ – Үдэнье, Түгнэнье, Бэшуурэй Хайсагар, Шанага нотагуудьяа нүүжэ ерэнэн гэлсэдэг. Магад тиймэшье байжа болоо. Күб гэхэдэ, нүүжэ ерэнэн гэгдэдэг тэдэ зон Үнгөөгэй гушад, хүбдүүдэй угай бэшэгтэ ородоггүй байха юм. Хэды тиймэ болобошье, Үнгөөгэй зон нэгэ ню-

тагта үнийнөө хойшо нуурижаан ушарнаа Булагай хубдууд, Оборой гушад гэдэгүүд нэгэ нутаг хэлэтэй, заншал гурим адлитай, айл аймаг, аха дүү мэтэ болошоён байна.

Колхоз байгуулха үеэр тэрэ дээрэ нэрлэгдээн гурбан голой зон хамтаржа, Оборой адаг гэжэ газарта нуурижаан дээрэнь энэ нутаг Обор-Үнгөө гэжэ нэрлэгдэнэ.

Обор-Үнгөө нутаг, тэндэхи зоной уг гарбал, нуудал байдал тухайнь тобшо танилсуулха зуураа, энэ нутагай буряадуудай урда сагта өөһэдэньгөө улаан гараар хэжэ, бүтээжэ байһан зүйлнүүднэ, тэдэ зүйлнүүдэе юун гэжэ нэрлэдэг байһан тухайнь тогтохо хусалэнтэйб. Бүхэ дээрэнь хамаг үгыэ абаха болоо наа, олон ааб даа. Гансахан хуна модоньоо юу абадаг, тэрээгээр юу хэдэг байһенин харуульууб.

Хуна модоор хэгдэдэг шарга тухай хэлэхэ болоо наа нимэ: шаргын үргэн, гасуу, боолто, даруубша, хойлго, завворко, оглобо гэдэгүүдхэ шарга бүридэнэ. хойлго гэшэ шаргын хоёр үргэнэй эгээн урда захын гасуунуудта оруулжа, үргэнэй өөдөө годиһын хоёр толгой дээгүүр оройжо татаан боолто юм^I. Шарганууд: хашаваа шарга, отвоодтоо шарга, заадан шарга, ябаган шарга гэхэ мэтээр нэрлэгдэнэ.

Зур. I. Шарга: I - үргэн; 2 - гасуу; 3 - боолто; 4 - даруубша; 5 - хойлго.

Тэргэ бүхэдөө баһал хуна модоор дархалагдана. Тэргын мөөр хэлгэ орошоог ажалтай. Тэргын була наринаар тошилдажа гү, али мүлжэ, өөгүй монсогор болгогдодог. Булая тойруулжа соологдоён олон нүхэндэ гасуунууднэ шаагаад, тэдэнэйнгээ үзүүрнүүдтэ гонд гэгдэжэ хэгдээн хооринууднэ нуулгана. Тиигэжэ тэргын мөөр түб түхэрээн хэлбэритэйгээр бүтээгдэнэ. Урдань тэргэ баһал хуна голтой байһан ха. Тэргынгээ гол булынгаа нүхэндэ тааруулжа нуулгаад,

^I Үнгөө нутагта ажауудаг 82 наһатай Цырен Банзаровай хөөрөөнөө.

түмэр шөхээр тэбхэдэнэ. Тиэхэдэнэ мөөр голшоо нугаржа унанагүй ха юм. Мээрнэгөө хоори түмэр шинээр оройлгон татуулжа бэхидхэнэ. Булашье үзүүр узуур хоёртоо түмэр ооолтотой, голоо нуулганын нүхэндөө түүлхэтэй байдаг. Тэргын оглесбо, арал, хүндэлэбшэ, гасуу – бүхидеэ хуяар хэгдэдэг ааб даа.

"1797 оншоо эхилэн хори буряад тэргэ, шарга ородуудта заалгажа хэдэг болоһон" гэжэ Вандан Юмсунов гэгшэ хори буряад тухай бэшээн түүхэ дотороо хэлэнэ. Үнгөө нотагта тэргэ, шарга буришье хожомшог бии болоһон байжа магад. Юуб гэхэдэ, бага байхадамнай зарим айлда тэргэ байһан үгы юм гэжэ Үнгөө нотагай мүнөөнэй үбгэд, хүгшэд хөөрэхэ юм. Мүн тэрэ үеэр модон шлуг, борной хуя модоор хэдэг болоһон байгаа ха. Эдэ тэргэ, шарга, шлуг, борной болон бусад тоног зэбсэгүүдэй зарим нэрэ абтаһан үгэ хадаа ородоор хэлэгдэдэг байна.

Эмээлэй бүүргэ, хабтаһан, дэбьэн, хумуудай, сидеолжын модод, хөөмөгшэ, тугалай хамагша, арья элдэдэг хэдэргэ, аргамжа татадаг дэгээ, хутагын эшэ, хуй, нүхэ, хайлаа, хүрээ, алха болон бусадай эшэ; харуулай модо, аса, тармуур, хажуурай эшэ, тэрэнэй барюул, саарга (эшэдэнэ хажуур нуулгаад боһон боолто), хаба нуулга, торхо, боошхо, ниибэр гэхэ мэтэ амьартын боолто, дугааг, үргэбшэ, мушхалаа, шаантаг, модо хахалдаг мунса, сайн модон уур, мунса, тэбшэ, нохойн эдьюур; нохойн хуяан гэнжэ, үхибүүнэй үлгы үлгэдэг дэгээ, – эдэ бүгэдье хуяар хэдэг хэмди гэжэ үнгөөгөөрхимнай хэлэнэ. Үлгүүр гэнэн үгын ондоо ойлгомжотой байбашье, энэ нотагайхин горшоог гаргадаг гэхэ гү, гал дээрэнэе абадаг зуудагаа үлгүүр¹ гэнэ.

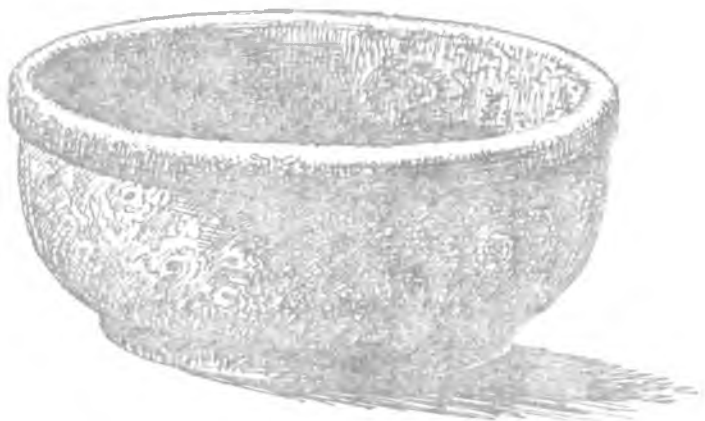

З у р. 2. Матаар аяга.

Үнгөөгэй зон ой тайга элбэгтэй газарта байдаг нотагайнгаа эрхэ байдалаар хээрэ гарахадаа модон, үйһэн амьарта хэрэглэдэг гээшэ хэн. Матаар аяга, хундага, улхан табаг, ша-нага, халбага, хабын бүлүүр, гаана тэндэхи буряадууд хуяанай улха, үндэһөөр дархалдаг байһан юм. Тиэхэдэе, тэдэ амьартануудые ехэ бага хэмжүүртэйгээр абажа, нуушээр тунхөөд, ухамьяр мал-

¹ Үнгөө нотагта ажадуудай Цырен Банзаровай, Гүрэ Гармаевай, Боди Дамбаевай, Гатаб Гармаевай хөөрөөнуудһөө.

тадаг, мүлидэг байгаа. Мяха, тоёо, хилээмэ хэдэг, айраг, тараг, аарса, ээрмэг, хоймог, шүлэ уудаг улхан; сайн, шүлэнэй, тоёоной, сагаанай шанага гэхэ мэтээр эдэ амьартанууд туд тудтаа нэрэтэй байһан байна. Иимэ амьартанууд зарим айлда мүнөөшье хүрэтэр хада-галагдажа байха юм.

З у р. 3. Улхан табэг.

Үнгөөгэй буряадууд урдань хуяанай үйөөр олон янзын хэрэгсэл-нүүднэ хэдэг ын. Жэшээн, үйөөр түйсэ, хамарай тамхинай доосхо¹ (хөөргэ), дабыанай наба (солонко), аарсанай торхо, зүүхэмсэг², таряа тарихадаа үрэнэ хэжэ хүрэнгэ сасадаг түрсүүг³, хажуурай бүлжүгэй гэр, хүхэр⁴ (хүг), ором, шэбшүүр гэхэ зэргэ хэгдэдэг байгаа.

З у р. 4. Модон шанага.

Гэшүүнэгүй сэбэр сэхэ хуяа отолоод, түйсин дотор хэхэ үйнэ бү-түүгээр ыгалажа абадаг. Хабтагар үйнэ налаабшалуулан зайдажа, бутүү болгоод, түйсингөө дотор дээрэ углана. Түйсин торхын ха-

¹ Мүн бааа тэдэньэе бэшэгдээн үгэ.

² Мүн бааа тэдэньэе бэшэгдээн үгэ.

³ Үнгөө нотагта ажауудаг Цырен Банзаровой, Гүрэ Гармаевой, Боди Дамбаевой, Гатаб Гармаевой хөөрөөнүүднөө.

⁴ Мүн бааа тэдэнэй хэлээн үгэ.

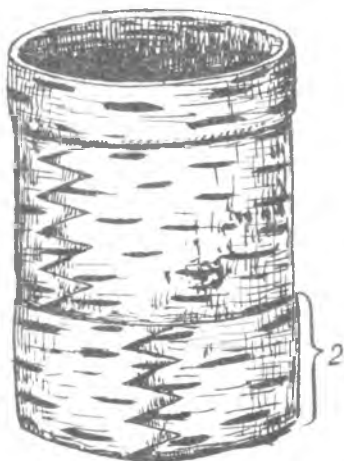
хаднаа доогуур оёрыннь оруулалсан зайдажа, гурбадахи гадар үмэдхэнэ. Тэрэнь үмдэн¹ гэжэ нэрлэгдэнэ. Амьарайнь дээшээ үлүү гарьяан туйсын доторне халуун уянда дэвтээгээд, туйсынгөө амьар оройлгон, гадар дээгүүрнь доошонь шамана. Хабхаг оёор хоёрнень төөлүүрдэжэ тухэрээн болгоод, тэдэниие туйсынгөө амьар оёор хоёрто тааруулан хуулгадаг. Тийгэжэ туйсэ бүтээгдэнэ. Тэрэшэлэн дабыанай баба, хамарай тамхинай доосхо туйсэ шэнгээр хэгдэдэг байха юм.

З у р. 5. набын бүхүүр.

Хабтагар үйһэнэй дүрбэн шэгшэг дотогшонь жомбойтор нугалаад, үрөөнэн хажуугайнь хоёр шэгшэг урда урдаань мургэлдүүлэн эбхэжэ, үйһээ нүхэлөөд, хахалагдаан нарихан модоор эбхэлээ дээгүүрнь даруулан, нүхэлэгдээн тэрэ нүхэ руугаа модоной хоёр үзүүр оруулан тэбхэдэхэ. Нүгөө хоёр шэгшэгчнь баа тийгэжэ эбхээд тэбхэдэхэ. Тийхэдэнь тэрэ үйһэн дүрбэлжэн хэлбэртэй амьарта болошоно. Тэрээн соо юу, тоюо, мяха, шүлэ хэхэдэ татай байдаг. Хээрэ, ой тайга гарахадаа, иимшэрүү амьарта ежэ бага хэмжүүртэйгээр ябууд хээд, аягын орондо тэрээн соошоо эдээлжэ болонго. Энэ хадаа зүүхэмсэг гэжэ нэрэтэй.

Урдань модон сухаа, шугаар газар элдүүрилжэ тарна тарндаг байгаа. Тэрэ үедэ үрээшээ түрсүүг соо хэжэ ооһороорнь хузуундээ

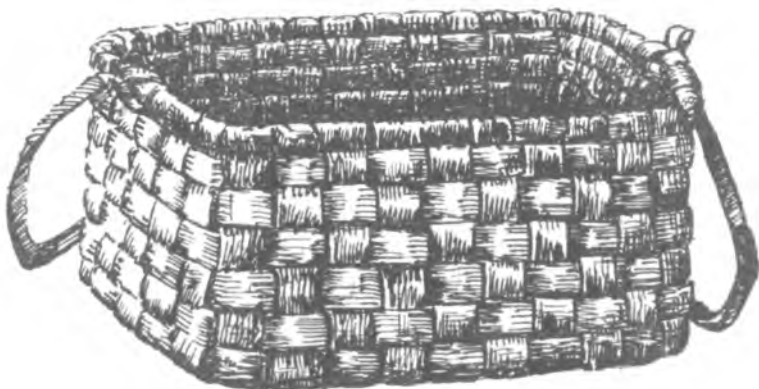
З у р. 6. Туйсэ: 1 - хабхаг; 2 - туйсын үмдэн.

¹ Ц. Банзаровай хөөрөөньөө.

З у р. 7. Зүүхэмсэг.

зүүжэ, урдаа үргөөд, хахалагдаһан газар дээгүүрээ ябажа, гараараа үрмээ сасадаг байһан юм. Түрсүүг гээшэ үйһөөр гүрмээн, амьараараа зузаан хүбөөтэй пууд тухай орооко багтааха дүрбэлжэн хэбтэй амьарта болоно.

З у р. 8. Түрсүүг.

Урданай буряадууд хонидоо нэгэ хаяда хурьгалуулхын тулада ху-
саяа хонидоороо суг ябуулхадаа, гэдэһэндэнь үйһэ уяжа табидаг
байһан юм. Мүнөө колхоз, совхозуудта хонидой ототой болоһон боло-
огүйе хусаар бэдэрүүлхэдээ, хоолосто фартук хусынгаа гэдэһэндэ
уядаг байна. Үйһэн хүхэр^I (хүг) гээшэ мүнөөнэйхидэл тиимэ фартук
байһан гээшэ.

Буряад зоной хэрэглэдэг байһан хуя модоной үшөө нэгэ хэди

^I 84 наһатай Бальмама Аршеевагай хөөрөөньөө.

зүйл тухай тогтохо шухала. Тэдэ юуб гэхэдэ, хуяанай мөөгэ, чага, шүлтэ болохо юм. Хуяанай гадар талада ургаан мөөгэ абажа, халиньен арилгажа шанаад, нүдэхэдэ зөөлөржэ, хэтэ сахжурай гал аанаха уула болодог. Тийхэ сагай буриадууд ханяаха, хадхалаатахадаа хуяанай чага гэдэгые бусалгажа уудаг нэмди гэхэ. Ургажа байһан хуяанай узуурай хонхи соохи хара хурин үнгэтэй үмхиге үнгөөгөөрхин шүлтэ гэнэ. Урдань, сайн хомордоходо тэрэниие эдээшүүлжэ уудаг сайгаа. Гадна шүлтэ бүшэмэгөөр бусалгахада, хара хурин үнгэтэй хайхан бэхэ болодог байгаа.

Набшалжана хая монсойжо байһан хуяанай гүлгые (ородоор почка) эндэ бурма¹ гэжэ нэрлэнэ. Урдань буриадууд тэрэниие эмэй орондо уудаг нэн гэлсэхэ. Мүнөөшье хуяанай бурмалха үеэр тэрэниие түүхэ, суглуулха бэлэдхэлэй хүдэлмэри ябуулагдадаг байна.

Хуяанай гадар талада, үйһэн дээрээн хуургайтанын нимгэхэн халинье сагаа ньрьбадһан² гэжэ энэ нотагаархин нэрлэнэ. Үйһэнэй тэрэ сагаа ньрьбадһаар гар, хүлэй шулгараа, шархатаа хань, шабахада туйатай юм нэн гэхэ.

Эндэхи буриадууд хуяанай үйһөөр дабирхай шанадаг гэхэ гү, нэрэдэг юм нэн. Тэрэниие хуян дабирхай (ородоор деготь) гэжэ нэрлэдэг байна. Оёороороо соорхой долоон тамгын жалагар улхан тогоо малтагданын зууха дээрэ хоноожо хуулгаад, тэрээн дотороо жэжэ болгоһон үйһэ дээшээ обойтор ябталжа дүүрэн хээд, баа тиймэ тогоо уруунь харуулан дээрэньэн хабхаглаха. Хабхаглан тэрэ тогоон дээрэ шорой зузааншагаар хаяжа бүтүүлжэ. Хуулээрнь дээрэнь ехээр түүдэг түлихэдэ, тогоон соохи үйһэн халажа, тэрэньээ гараан дабирхай тогооной соорхой оёороор доронь тодогдоһон хобол жоолоб соо гоожоод, тэрэнэй үзүүртэ табигданын амьарта руу урдажа ородог байна. Хуян дабирхайгаар тэргын гол дабирхайдаханаа гадна, бодо малай – үхэрэй, адуунай элдэгдэһэн арында түрхидэг байһан юм. Тийгэжэ дабирхай түрхийн арын нороходоо хатуу болодоггүй, зөөлэн зандаа байдаг гэхэ.

Хуяанай, боролжын мүшэр хамуур хэхэдэ таатай, уян, зөөлэн байдаг гэжэ мэдэнэбди. Тиймэ хамуураар шорой хамахаана гадна, тарья, һамар хиидхэхэдэ, һамарай хашадаа, тарянайн хоһон залаа түүжэ сөбөрлэдэг гэшэ нэн. Зундаа бэлдэжэ хатаанын набшатай хуян венигээр баанида угаахадаа ууралда бээ сохижо, хүлһээ гаргадаг гэшэ бээбди.

Хуян июнь, июль нарануудта долонтожо, үйһэ хуулахада зохистой үе ерэдэг. Хуян үйһээ хэды хуулуулбашье, холтоһонойнгоо – түмжынгөө холтороо хуулагдаагүй наа, тэрэ модон заашье гэмтэнгүй ургажал байдаг юм.

¹ Мүн баа Б. Люсеевагай хэлэһэн үгэ.

² Г. Гармаевай хөөрөөньөө.

Обор-Үнгөөгэй буряадууд урда сагта, мүнөөшье буряад бусад нютагуудлаа зайдуу, таьархай нуудалтай байнч ба байншье зандаа. Тиймэньээ эндэхи зоной хэлэдэг үгэдэ ондоо тээхидэ орходоо ганса нэгэн илгаа байжа магад. Куб гэхэдэ, дээрэ үгтээн үлгүүр, зүүхэмсэг, хүхэр, бурма гэхэ мэтин үгэнүүд ондоо нютагуудаар дуулдасагүй байдаг.

Хуя модон мүнөөшье арад зоной ажауудалай, промышленностин хэрэгсэлдэ үргэнөөр ашаглагдана бшуу.

Резюме

Как известно, буряты с давних пор и с большим мастерством изготовляли орудия труда, средства передвижения и домашнюю утварь и широко использовали их в своем хозяйстве и в быту. В статье приводятся названия предметов, изготавливаемых только из березы и бересты жителями бурятского улуса Обор-Унго Читинской области, такие как шарга (сани), тэргэ (телега) со всеми деталями, түрсүүг (сиб. севалка), тэбшэ (корыто), хөөмэгшэ (ярмо), хамагша (намордник для телят), дэгээ (деревянный крюк), хутагын хуй (ножна), боолто (обруч), үлгүүр (сковородник), шанага (поварешка), матаар аяга (большая пиала), улхан табар (чашка), бүлүүр (мутовка), гаанан (курительная трубка); предметы из бересты: зүүхэмсэг (кузовок), түйсэ (туесок), доосхо (табакерка), бүлжүгэй хуй (футляр для оселка), хүхэр (фартук из бересты для барана-производителя); хуяан дабирхай (деготь) и другие.

В отдельных местах Бурятии, возможно, некоторые из перечисленных выше названий не употребляются, ибо они имеют эквивалентные названия. Приведенные в статье данные свидетельствуют о наличии в бурятских говорах богатой терминологии, относящейся к указанным выше предметам.

МАТЕРИАЛЫ ПО БИБЛИОГРАФИИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Отделом языкознания Института общественных наук БФ СО АН СССР ведется работа по сбору материалов по библиографии литературы бурятского языкознания. Начиная с этого сборника, отдел языкознания приступает к их публикации под рубрикой "Материалы по библиографии бурятского языкознания". По мере готовности материалов будут опубликованы библиографии литературы по отдельным разделам и отраслям бурятского языковедения, а также работ ведущих бурятоведов-лингвистов.

Библиография опубликованных работ Д. А. Алексеева

К вопросу о песенном творчестве боханских бурят послеоктябрьского периода - Ж. "Лингвист", 1936, № 3.

Наречие в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1941. 119 с. (БМ НИИЯЛИ).

Части речи в бурят-монгольском языке. (Имя прилагательное). - "Зап. БМ НИИЯЛИ", вып. У-VI. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1941, с. 152-190.

Грамматика бурят-монгольского языка М. Н. Имехенова. - "Зап. БМ НИИЯЛИ", вып. 5-6. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1941, с. 224-230. (Рецензия).

Некоторые вопросы теории бурят-монгольского языка. - "Бурят-Монгольская правда", 1941, 14 июня.

Буряад-монгол хэлэнэй орфографие сомордохон нарижуулжа тухай (Ондоо хэлэнээ абтаан үгэнүүдэй орфографи). Зүбшэн хэлсалгэдэ табигдана. - "Буряад-Монголой үнэн", 1943, 19 ноября.

Шэнэ үзэг шудалхын түлөө. - "Буряад-Монголой үнэн", 1945, 3 марта.

Буряад-монгол хэлэнэй грамматика. Хоёрдохи часть. Синтаксис. Долоон жэлэй ба дунда ьургуулийн 6-7 классуудта үзэхэ учебник. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1946. 121 с. (В соавторстве с М. Н. Имехеновым и Д. Д. Дугар-Жабоном).

К вопросу о синтаксисе сложного предложения. (В порядке обсуждения). - "Зап. БМ НИИКЭ", вып. 7. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1947, с. 110-124.

О некоторых показателях множественности в бурят-монгольском языке. - "Сб. трудов по филологии", вып. I. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1948, с. 121-135. (БМ НИИКЭ).

Синтаксические функции падежей в бурят-монгольском языке. - "Сб. трудов по филологии", вып. I, с. 136-155.

Буряад-монголой диалектологийн асуудалнууд. - "Буряад-Монголой үнэн", 1948, 19 июня.

Диалекты бурят-монгольского языка. - "Учен. зап. Ленингр. ун-та", 1949, № 98, серия востоковед. наук, вып. I, с. 161-202.

Спорные вопросы классификации частей речи в монгольских языках. - В кн.: Науч. сессия 1950 г. Тезисы докл. по секции востоковедческих наук. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1950, с. 37-41.

К вопросам классификации некоторых частей речи в бурят-монгольском языке. - "Бурят-Монгольская правда", 1952, 23 ноября.

Буряад-монгол литературна хэлэнэй зарим асуудалнууд тухай. - "Буряад-Монголой үнэн", 1952, 29 декабря. (В соавторстве с Г. О. Туденовым).

Буряад-монгол хэлэнэй "территориальна" диалектнууд тухай. - "Буряад-Монголой үнэн", 1953, 18 января.

О "территориальных" диалектах бурят-монгольского языка. - В кн.: Конф. по основным вопросам бурят-монгольского яз. (26-31 января 1953 г.). Тезисы докл. Улан-Удэ, 1953, с. 15-21. (БМ НИИК).

Обогащение словарного состава бурятской социалистической нации за советский период. - В кн.: Науч. сессия 1953-1954 гг. Тезисы докл. по секции востоковедческих наук. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1954, с. 21-26.

О "территориальных" диалектах бурят-монгольского языка. - В кн.: Мат-лы науч. конф. по вопросам бурят-монгольского яз. (26-31 янв. 1953 г.). Улан-Удэ, 1955, с. 74-96. (БМ НИИК).

Выступление и заключительное слово по докладу на научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка. - В кн.: Мат-лы науч. конф. по вопросам бурят-монгольского яз. (26-31 янв. 1953 г.), с. 38-40, II3-II4.

Именные части речи в монгольских языках. - "Вопросы языкознания", 1955, № 3, с. 35-47.

Обогащение словарного состава бурят-монгольского языка за советский период. - "Зап. БМ НИИК", вып. 20. Улан-Удэ, 1955, с. 69-80.

Грамматическая категория отрицания в монгольских языках. - "Вестн. Ленингр. ун-та", 1957, № 8, серия ист., яз. и лит., вып. 2, с. 114-122. (Резюме на англ. яз.).

Литературна буряад хэлне хүгжөөхэдэ уран зохиолшодой үүргэ ехэ. - "Буряад-Монголой үнэн", 1958, 30 декабря.

Деепричастия в сложноподчиненном предложении в бурятском языке. - "Учен. зап. Ленингр. ун-та", 1959, № 282, серия востоковед. наук, вып. 2, с. 170-184.

Обстоятельство в бурятском языке. - "Вестн. Ленингр. ун-та", 1960, № 14, серия ист., яз. и лит., вып. 3, с. 67-77. (Резюме на англ. яз.).

Изучение монгольских языков в Ленинграде. - "Учен. зап. Ин-та востоковедения", т. 25. М., 1960, с. 127-133.

Ород хэлэ заахада туһатай ном. - "Буряад үнэн", 1960, 16 декабря. (Рецензия).

О свадебных обрядах бурят. - "Тр. БКНИИ", серия ист.-филол., вып. 6. Улан-Удэ, 1961, с. 214-220. (Рецензия).

О бурятских фольклорных материалах ленинградских рукописных фондов. - В кн.: Основные проблемы изучения поэтического творчества народов Сибири и Дальнего Востока. Докл., сообщ. и выступления участников конф. по изучению творчества народов Сибири и Дальнего Востока, состоявшейся 14-19 декабря 1959 г. Улан-Удэ, 1961, с. 135-138. (АН СССР. Сиб. отд. БКНИИ).

Наречие. - В кн.: Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., Изд-во вост. лит., 1962, с. 293-301.

Послелог. - В кн.: Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология, с. 301-316.

Частицы. - В кн.: Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология, с. 317-322.

Эртэ сагай монголшууд тухай шэнжэлгэ. - "Буряад үнэн", 1962, 8 апреля. (Рецензия).

Деепричастия в простом предложении в бурятском языке. - "Вестн. Ленингр. ун-та", 1963, № 20, серия ист., яз. и лит., вып. 4. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, с. 96-106.

О Николае Федоровиче Катанове. - В кн.: Мат-лы по истории и филологии Центральной Азии. ("Тр. БКНИИ СО АН СССР", вып. 16, серия востоковед., вып. 2). Улан-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1965, с. 238-241. (Рецензия).

К происхождению глаголообразующих суффиксов в монгольских языках. - В кн.: Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1965, с. 3-4.

Песни в научном издании. - "Правда Бурятии", 1966, 13 мая. (Рецензия).

Аха дуу арадай хэлэ бэшэг. - "Буряад үнэн", 1966, 8 июля (в соавторстве с Ц. Б. Будаевым).

Повелительное наклонение глагола в бурятском языке. - В кн.: Филология и история стран зарубежной Азии и Африки (Тезисы докл. науч. конф. вост. фак. Ленингр. ун-та. 1965/66 учеб. г.). Л., 1966, с. 3-4.

Причастие прошедшего времени и его функции в бурятском языке. - "Вестн. Ленингр. ун-та", 1967, № 8, серия ист., яз. и лит., вып. 2, с. 132-139. (Резюме на англ. яз.).

Прошедшее время глагола в бурятском языке. - В кн.: Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы юбилейной науч. конф. вост. фак., посвященной 50-летию Великого Октября. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1967, с. 3-4.

Выдающийся советский монголовед. - "Байкал", 1968, № 3, с. 150-152. (Об акад. С. А. Козине).

Верный сын народа. - "Правда Бурятии", 1968, 19 января.

Категория вида в бурятском языке. - В кн.: К изучению бурятского языка ("Тр. Ин-та общественных наук БФ СО АН СССР", серия языковедческая, вып. 6). Улан-Удэ, 1969, с. 60-65.

Монголшо эрдэмтэд. - "Буряад үнэн", 1967, 9 апреля (в соавторстве с Ц. Б. Будаевым).

Функции причастия будущего времени в бурятском языке. - В кн.: Вопросы филологии стран Азии и Африки, вып. I. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1971, с. 39-45.

Составил Н. Б. Дугаров

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Ц. Б. Цыдендамбаев. Новое в работе диалектологов Бурятии.....	3
Ц. Б. Будаев. Северноселенгинский говор бурятского языка (опыт сравнительно-статистического анализа материалов, собранных по программе диалектологического атласа).....	8
Д. Г. Дамдинов. О языке закаменских (армакских) хамниган.....	40
Ц. Ш. Цырендоржиева. Из наблюдений над речью бурят города Улан-Удэ.....	47
Д. Ш. Дамбаева. Послеложное употребление слов в хоринском диалекте.....	60
Н. М. Митупова. Препозитивные усилители имен прилагательных в диалекте хоринских бурят.....	82
В. И. Золхоев. Различия в слогоделении в бурятских говорах и литературном языке.....	39
Э. И. Коняева. Побудительные мелодемы говора хоринских бурят (экспериментально-фонетическое исследование).....	95
Э. Ч. Бордаев. Обозначение масти домашних животных в монгольских языках и диалектах.....	114
В. И. Рассадин. Об этимологии некоторых бурятских диалектных слов.....	127
В. И. Копылова. Именное склонение в говоре семейских Красночикоийского района Читинской области.....	143
Э. Д. Соколова. Забайкальские диалектизмы в романе И. Калашникова "Разрыв-трава".....	134
А. Н. Содномов. Слова с переносным значением в говоре еравнинских бурят.....	192
Д. Б. Махазагдаева. Агын бурядадай арья элдэлгэдэ хабартай үгэнүүд тухай.....	196
Н. Ц. Цыбенков. Обор-унгөөгэй буряадуудай хуя модоор хэдэг байһан зүйлнүүд тухай.....	208
Материалы по библиографии бурятского языкознания. Библиография опубликованных работ Д. А. Алексеева.....	216

2 р. 40 коп.

УЛАН-УДЭ 1977